ПИОНЕР 8 1987

ISSN 0130—8009

ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ. **АВГУСТ**

...Кировский район Ленинграда... Теперь это чуть ли не центр города. А когда-то... Когда-то здесь ютились перекосившиеся домишки вперемежку с огромными бараками, пронзительно гудели по утрам фабричные гудки, по пыльным кривым улочкам тянулся к проходным рабочий люд... И назывались эти места Нарвской заставой.

Заглянем в один из небольших парков бывшей Нарвской заставы. Он носит имя «9 января». Подойдем к скромному памятнику-бюсту. Парень в свитере и пиджаке весело смотрит из-под вздернутой слегка кепчонки. Кажется, что он вот-вот улыбнется и сорвется с его уст озорная, всем понятная шутка...

Кто же он, этот веселый и еще совсем юный человек? Какой след оставил на земле? Почему и по сей день приносят ему живые цветы?

«Вася Алексеев — один из основателей комсомола. Род. в 1897 г., ум. в 1919 г.» — всего несколько слов на постаменте и две даты: год рождения и год смерти — до боли мало прожил этот человек. Но как много успел!

Член РСДРП(б) с пятнадцати лет, участник двух революций, первый председатель Петроградского Социалистического союза молодежи...

Однако начнем по порядку.

Как вы уже знаете, в конце июля начался VI съезд партии. Его работа продолжалась и в августе.

Были обсуждены острейшие вопросы текущего момента: о явке Ленина на суд, о невозможности в сложившейся ситуации перехода власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов мирным путем, о подготовке к вооруженному восстанию... Шло 13-е заседание. И вот слово предоставляется Василию Алексееву. О чем он говорит? О пролетарской молодежи, ее проблемах, ее участии в борьбе с монархией и контрреволюцией, о необходимости создания самостоятельных социалистических организаций молодых рабочих и работниц...

Задумайтесь: съезд заседает в условиях полуподполья, вождю партии угрожает смертельная опасность, подняла голову самая махровая контрреволюция, разгромлены печатные органы, перед большевиками масса проблем, которые требуют безотлагательного решения, а на повестку дня ставят вопрос о молодежи. Почему? Да потому, что партия понимает: необходимо думать о будущем, а молодежь — это и есть будущее, и без ее участия, без ее воспитания любая революция обречена на провал.

Съезд принимает резолюцию «О союзах молодежи». Она заканчивается словами: «В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

Одним из тех, кто начинает активно проводить эту партийную резолюцию в жизнь, становится Василий Алексеев.

Фотография В. ТЕРЕШКИНА.

РОЖДЕННЫЕ БУРЕЙ

После Февральской революции заинтересовались политической жизнью и дети трудящихся. А послереволюционные события ежедневно учили их различать «кто есть кто», и куда эти «кто» зовут. Заставляли думать и решать. Юные пролетарии внимательно прислушивались к голосам ораторов, шли в колоннах демонстрантов, участвовали в забастовках. Все звонче и тверже раздавались их голоса на митингах: «Мы требуем прекращения ненужной народу войны! Мы требуем охраны детского труда!»...

Война, безработица, разруха ударяли прежде всего по детям, по молодежи... Два с половиной миллиона беспризорных кочевали по стране. Около трехсот тысяч малолетних и подростков безжалостно эксплуатировал капитал в промышленности. А сколько их было в кустарных мастерских, лавках, кабаках, магазинах, по найму у кулаков — не счесть! Из всех новорожденных половина не доживала до пяти лет. И лишь пятая часть всех детей посещала школу.

Вот что писала в те дни «Правда»: «Со времени революции ничего не изменилось в положении трудящихся детей. По-прежнему работают они в мастерских 11—12 часов... По-прежнему питаются они объедками с хозяйского стола, по-прежнему задыхаются в душных подвалах мастерских и душных нетопленных конурах».

Прочтем еще одну заметку в этой газете: «Мы, маленькие труженики, решились вам сообщить, что хозяин у нас в лавке держится старого режима. Набрав в лавку маленьких мальчиков, заставляет непосильно работать, даже колотит. Вместо 8-часового рабочего дня заставляет работать по 12 часов, а кто не послушается, сейчас же грозит расчетом. А мы ведь недавно из деревни, и, если он даст нам расчет, мы не знаем, куда идти. Неужели мы все так будем мучаться у буржуев?..

При сем прилагаем 1 рубль на «Правду».

Мальчики Невской заставы, с. Александровское, торг. Гусева».

С первых дней Февральской революции большевики выдвигали требования отмены детского труда, 6-часового рабочего дня для тех, кому еще нет 18 лет, и права голоса на выборах в районные и городские думы для тех, кому 18 уже исполнилось. Поднимались также вопросы организации производственного обучения молодых рабочих и всеобщего бесплатного образования.

Эти ясные и конкретные цели, естественно, привлекали пролетарскую молодежь. Все новые и новые ее представители вливались в большевистское движение. Но и другие политические партии и группировки не собирались без борьбы выпускать молодежь из-под своего влияния. И вот появляется множество всяческих «друзей молодежи». Анархисты смущают юные головы лозунгами о «безбрежной свободе». Националисты кричат о «национальном единении». К церкви стараются прочнее привязать молодежь агитаторы от религии.

Создаются сотни разнообразных молодежных клубов и организаций. Одна из них — «Труд и свет» — действовала в Петрограде с особенным размахом. Ее организатор — некий Петр Шевцов — «беспартийный литератор», как он себя называл, а на самом деле сотрудник черносотенной «Новой маленькой газеты», на первых порах небезуспешно внушал рабочей молодежи свои идеи. А были они довольно незамысловаты: «Море синее, воздух синий, синий цвет — эмблема беспартийности. «Труд и свет» идет под синим знаменем для того. чтобы дать возможность молодежи основательно изучить программы всех партий, дабы знать, куда примкнуть», а пока «надо воспитывать из девушек работниц, хороших жен и хозяек», «взять в руки светоч науки, а в сердце поселить лишь одно желание любви, добра и красоты жизни». Услышать же из его уст требование к Временному правительству — улучшить положение детей, трудящейся молодежи — никому не довелось. Наоборот, Шевцов и К° внушали всем мысль о том, что Февральская революция якобы создала все условия для осуществления чаяний молодежи.

Необходимо было вырвать не искушенных в политике фабричных ребят и девчат из этой, сотканной из лжи и демагогии, опасной паутины. Конечно же, разобраться в истинной сути политики руководителей «Труда и света» помогала сама жизнь. Но и сидеть сложа руки тоже было нельзя. Василий Алексеев и его соратники превращают каждое заседание «Труда и света» в арену борьбы за молодежь, за ее классовые интересы, последовательно и упорно раскрывая истинное лицо Шевцова и его покровителей.

Победой юных большевиков стал роспуск «Труда и света». Но они видели свои цели не только в ее ликвидации. Время и партия настоятельно требовали создания новой, большевистской юношеской организации. И 18 августа стало днем рождения Петроградского Социалистического союза рабочей молодежи. Его председателем был избран Василий Алексеев.

...Рассказ об августе 17-го получился рассказом о молодежи, о ее борьбе за свои интересы. Однако этот последний летний месяц был наполнен и другими, не менее значительными событиями — Московское совещание, корниловский мятеж... Но о них вам лучше расскажут документы, помещенные на следующих страницах...

Владимир ЛУЦКИЙ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1987 г. • Издательство «Правда»

АГАЗИНЪ В 1-е КЭЗ

ГОД 1917ый,

Мы:

«Для закрепления своего влияния и своих позиций контрреволюционная буржуазия стремится создать сильный общероссийский центр, объединить свои силы и выступить во всеоружии против пролетариата, против демократии.

Этой цели и призвано служить созываемое на 12 августа Московское совещание. ...Таким образом, Московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями — эсерами и меньшевиками — на деле является заговором против революции, против народа».

(Из Резолюции Центрального Комитета РСДРП(б) о контрреволюционной сущности Московского государственного совещания. 6 августа 1917 г.)

«Пусть в день организации контрреволюции остановится жизнь в Москве!»

(Из газеты «Социал-демократ». 12 августа 1917 г.)

Мы:

«Когда на митинге в 6-й экспедиции почтамта один из эсеров, член ЦК Всероссийского союза работников почты и телеграфа, участник Государственного совещания, стал восхвалять деятельность совещания, послышались возгласы: «Долой соглашателей, пособников буржуазии!», «Долой душителей революции!»

(Из воспоминаний большевика, члена партии с 1915 г. Э. М. Салзирн)

Они:

«Для спасения родины мы намечаем следующие главнейшие меры: 1) армия должна быть вне политики, полное запрещение митингов, собраний с их партийной борьбой и распрями; 2) все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу...»

(Из речи генерала А. М. Каледина на Государственном совещании. 14 августа 1917 г.)

Они:

«Генерал Корнилов предлагает:

1) Объявить г. Петроград на военном положении.

2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки верховного главнокомандующего.

3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим».

(Требования генерала Л. Г. Корнилова о передаче ему всей власти. 26 августа 1917 г.)

«Главковерх приказал комкору 3 конного, начдивам 1-й Уссурийской, Донской и Туземной дивизий высадиться между ст. Гатчина и ст. Александровская и в конном порядке двигаться к Петрограду в полном боевом порядке к Нарвской, Московской и Киевской заставам».

(Телеграмма из Ставки Начальнику Кавказской Туземной дивизии Д. П. Багратиону. 27 августа 1917 г.)

АВГУСТ

Они:

«С получением сего доставить мне возможно подробные сведения о расположении Ваших полков, настроении ваших офицеров, казаков и всадников, о связи, имеющейся у Вас с организациями, на которые мы рассчитывали, и на дальнейшие планы, на возможность крепкого нажима средствами, имеющимися в Вашем распоряжении».

(Из письма генерала Л. Г. Корнилова командующему 3-м кавалерийским корпусом генерал-лейтенанту А. М. Крымову. 30 августа 1917 г.)

Мы:

«Дайте немедленно ответ, нужно ли высылать вооруженную силу в Петроград».

(Телеграмма Галичского Совета в ЦИК Советов. 29 августа 1917 г.)

«Настроение уверенное. Гарнизон готов выступить первому требованию. Ждем указаний. Телефон 31. Сообщите положение».

(Телеграмма Ярославского Совета Московскому областному бюро Советов. 29 августа 1917 г.)

«Восемь тысяч солдат третьей железнодорожной бригады стоят на страже завоеваний революции, по первому вашему зову готовы двинуться для подавления корниловского контрреволюционного заговора».

(Телеграмма комитета 3-й железнодорожной бригады в ЦИК Советов. 29 августа 1917 г.)

«Рабочие, вооружайтесь! Образуйте дружины. Спешно связывайтесь с рабочими организациями, создавайте объединяющие центры...

Солдаты, к оружию! Требуйте удаления негодного командного состава, быстро организуйтесь в революционные батальоны, не допуская беспорядка. Помните — Корнилов для вас ввел смертную казнь, вас он предал под Ригой, у вас он отнимет все права, вам не даст земли, вас накормит свинцом вместо хлеба».

(Из обращения большевистской газеты «Социал-демократ» к рабочим и солдатам. 30 августа 1917 г.)

Мы:

«30 августа стало ясно, что корниловская авантюра провалилась, что корниловщина разгромлена. На заседании Петроградского Совета 31 августа товарищи с радостью сообщали о победе.

Затем были предложены две резолюции по текущему моменту. Резолюция большевиков резко осуждала политику соглашателей, которые поддерживали контрреволюционную буржуазию и помещиков. Меньшевистская резолюция ядовито, как обычно, осуждала слишком большие требования большевиков. Меньшевики были уверены, что за ними идет большинство Совета, и не очень заботились о защите своей резолюции.

Каково же было их разочарование, когда большинство депутатов проголосовало за большевистскую резолюцию!»

(Из воспоминаний С. С. Гончарской, большевика, члена партии с 1914 г.)

БЛИЗКО К СЕРДЦУ

Сейчас в Черкасском яблоки, груши, сливы — хорошее время. Наташа идет по своей, «подшефной» улице — улице Горького. На этой улице живут люди, которым помогают ее ребята. В каждом дворе остаются после них поленница дров, мешки с выкопанной картошкой, ведра со свежей водой. «Ее ребята», «ее улица», зона пионерского действия «ее отряда»... «Мы ходили и будем ходить туда всегда!» — сказала мне Наташа Фисак в апреле. Помнишь, Наташа?

Мы стояли с тобой в огромном вестибюле, залитом светом телевизионных юпитеров; вокруг пели, танцевали, смеялись и разговаривали делегаты комсомольского съезда — подтянутые солдаты и скромные школьницы, вожатые, строители, рабочие, колхозники. Ты оглядывалась на шумные хороводы, на телекамеры, а в руке крепко, как первоклассник букварь, держала мандат делегата XX съезда комсомола. «Имя: Наталия. Фамилия: Фисак. Делегация: Донецкая». Этим мандатом ты голосовала на съезде: за его решения, за новую жизнь комсомола.

— Я секретарь школьного комитета комсомола. И отрядная вожатая в четвертом классе — не смогла расстаться со своими ребятами. Все стали родными,— рассказывала ты.— То, что меня, школьницу, в Москву на съезд послали,— это для всего села — событие, а для школы — настоящий праздник! Ребята очень радовались. На прощальной линейке меня поздравляли, книжки дарили... А один первоклассник снял свою октябрятскую звездочку и мне протянул. Тут я совсем растрогалась. Линейка кончилась, иду я по лестнице, тащу тяжелую сумку с подарками. Настроение необыкновенное. А навстречу — мальчик один, назовем его Дима, ладно? Самый мой «трудный», вечно в сторону косится, никакой помощи у него не допросишься, да и учителям настроение портит... Он тоже на линейке был. Я ему тихо говорю: «Ну, как жить будем, Дима? Еду я на съезд в Москву, стану там про нашу школу рассказывать. И все время буду помнить, что у тебя тут одни неприятности...» Вижу, ему не по себе. Стоим оба и чуть не плачем...

...Я, когда в первый раз пришла к своим ребятам, думала: ну о чем буду разговаривать? А они сразу как на меня «накинулись»... С кем ты дружишь да что ты читаешь?.. И я поняла: им очень нужен вожатый. Но в нашей школе, кроме меня да еще одной девочки, никто постоянно к пионерам не ходит. И это большой наш недостаток. Здесь я узнала, что это проблемы не только нашей школы — о них много говорили на съезде. Мы не готовим себе смену, оттого и в комсомол ребята приходят вялые, пассивные. К нам в комитет комсомола заходят пионеры, а мы сидим, бумажки перебираем, отчеты переписываем, планы составляем... Ну, и чему им учиться?

Я решила: бумаги пусть будут в столе, а мы — с ребятами. Будем учить их не как отчеты писать, а как хорошо работать. Есть у нашей школы свое поле: круглый год мы на нем работаем, есть и свой школьный трактор. Сами строим теплицу, помогаем и на птицефабрике.

Сельские ребята должны быть расторопными, иначе ничего не успеют. Я, когда после школы домой прихожу, не знаю, за что хвататься: и на огород надо, и убраться, и приготовить. Борщ очень люблю варить. А там уже пора за уроки. И чтобы закончить их вовремя, а то не успею «Мир и молодежь» посмотреть...

В этом году оканчиваю десятый. Буду поступать в Славянский пединститут. Правда, мама мне все время говорит: «Ты вспыльчивая, разве ты сможешь с детьми всю жизнь?» Но я не вспыльчивая, просто близко к сердцу все принимаю. Я еще в институт не поступила, а уже назад в школу хочу. Смешно, правда?

...Сейчас в Черкасском яблоки, груши, сливы — так много, что даже через забор свешиваются. Наверное. Я ведь в Черкасском не была. Правда, теперь очень туда хочется. Посмотреть своими глазами, как Наташа живет. Пройти по «подшефной» улице Горького. Сейчас август. У Наташи уже кончились экзамены. И началась новая жизнь.

Помнишь, Наташа, что ты написала мне в блокнот? «На каждом сборе мы решаем, когда и к кому идти, восемнадцать человек с улицы Горького — это люди, которым помогал, помогает и будет помогать мой пионерский отряд». Пусть твои слова исполнятся так же, как твои мечты.

А. ДРУЯНОВА.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Лев КУЗЬМИН

РАННИЙ ЭКСПРЕСС

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

1

В школе-интернате Пашка Зубарев пробыл вот уже не одну долгую неделю, а настоящих приятелей у него тут все нет как нет.

Их нет не оттого, что с Пашкой никто не желает знаться, а потому, что он сам от всех держится в стороне.

Он даже на уроках в классе не обращает ни малейшего внимания ни на кого из своих однокашников-первышат, почти не замечает соседа по парте и абсолютно не слушает, что говорит у доски учительница.

Вместо всего этого Пашка то и дело глядит в окно, да и там ему видится совсем иное, что есть на самом деле.

За обрызганными дождем стеклами — мокрые осенние деревья, многоэтажный город, а в Пашкиных думах — все еще летний, родной, теперь уже далекий полустанок Кыж.

Он, этот Кыж, очень маленький.

Там, кроме вплотную подступивших к полустанку скалистых гор, маленькое все вообще. Коротки бегущие круто вниз проулки между крохотных домишек; узки скрипучие лесенки, заменяющие собой тротуары; невелик деревянный, крашенный суриком вокзал. Но вот обрывистые, в прохладных тенях сосен горы вздымаются чуть ли не до небес; но зато через Кыж что ни миг, то проносятся гулкие, стремительные поезда, с которыми и связана вся жизнь поселка-невелички.

Там, в Кыжу, что ни житель, то железнодорожник.

Даже Пашкина бабушка, вспоминая о своей давней молодости, говорит с гордостью: «Я ведь во свои-то годы у нас тут стрелочницей была!» Она это скажет да и начинает неторопливым своим голоском расписывать Пашке, как раньше на железной дороге все было устроено. Какие заместо могучих электровозов пыхтели тут, пускали угольный дым паровозы, какой у нее, у бабушки, был ответственный пост.

«Это сейчас все стало делаться электричеством да управляться издали кнопочкой, а в те времена на каждой станции, на каждом малехоньком полустанке — смейся не смейся, а стрелочник был чуть ли не главным! День — не день, ночь — не ночь, погода — не погода, а он стоит на посту, прямо сам своими руками под дождем, под вьюгой переводит стальную стрелку, направляет каждый поезд на верный, свободный путь... Допустит ошибку стрелочник — вмиг приключится беда, столкновение! Ошибаться стрелочнику никак невозможно. Без хорошего, расторопного стрелочника в те годы на железной дороге было не обойтись!»

Поговорить о прошлой своей работе бабушка любит. Рассказывала она об этом всегда не только с гордостью, но с некоторой грустью. И Пашка, когда стал посмышленей, то бабушку даже утешал: «Ничего! Ты была хорошей стрелочницей, но ведь и моей бабушкой стала хорошей тоже!» И бабушка тут сразу улыбалась, и улыбался сам Пашка; и вот он теперь в школе-интернате по бабушке скучает крепко.

Еще сильней он тоскует по отцу-матери. Как только он подумает о них, так перед ним и встает то недавнее лето, и среди летней яркости, среди еще более напряженного по летней поре шума поездов всегда они: отец и мать.

Они путейцы тоже. Работа их не менее важная, чем бывала когда-то у бабушки. Под началом отца бригада — ремонтная, путевая. Мать в этой же бригаде. Каждодневные дела у них — в обе горные стороны от Кыжа. Поспевать на работу надо или на проходящих поездах, или на маленькой, шустрой автодрезине; и вот Пашка вспоминает отца и мать всегда торопливыми и всегда в этой спешке веселыми.

Весело с отцом, с матерью было и тогда, когда они возвращались домой. Тут тоже разговоры шли все больше о делах путейских. Даже самое теперь для Пашки памятное началось с хорошей новости о том, что здешнюю железную дорогу решено устроить еще лучше.

«С этого лета у нас будут быстроходными все поезда до одного! — возбужденно сообщали отец и мать.— Дело-то развернулось на весь Урал! За нашим Кыжом на девятнадцатом километре тоже начал перекладку путей специальный стройотряд. Всяческой техники у них — сила, уйма! Трактора, бульдозера, путеукладчики... Только и мы тут, Пашка, не сбоку припека. Наша маленькая бригада им ой как пригождается! Они нас что ни день, то зовут на подмогу!» «Звать зовут, помогать вы им помогаете, а дома-то в Кыжу нет-нет да и застревают поезда... То и дело не могут дотерпеться, когда вы, работнички, откроете им хотя бы тихенький проход!» — подзуживала, вступала в разговор бабушка. «А иначе и быть не может! — не смущались отец с матерью.— Поезда сегодня

в ожидании теряют минуты, зато в ближайшем будущем станут наверстывать целые часы!» «Ну-ну,— продолжала шутить бабушка,— потерпим тогда и мы до ближайшего будущего...» «Потерпим!» — поддерживал бабушкино веселое балагурство Пашка.

Но сам он в эти полные звонких событий дни зря без дела все же не сидел. Он в это веселое кипение окунулся сразу, он стал каждое утро провожать родителей на их работу.

И наипервейшим тут было проснуться вовремя.

А уж как проснулся, как заслышал стук двери за отцом, за матерью, так тут и сам вылетай безо всякой задержки прямо из-под теплого одеяла на зябкий воздух. Выпрыгивай прямо за порог на прохладное крыльцо; кидайся, выколачивай голыми пятками звонкую дробь вниз по крутой лесенке; несись под гору мимо сосен, мимо вокзала и с последней ступеньки увидишь через густые заросли иван-чая заплеснутый солнцем железнодорожный тупик.

За тупиком — станционные, все заполненные вагонами пути.

Но вагоны чуть дальше, а тупик — вот он, рядом! На его рельсах совсем еще новехонькая, желто-белая, как игрушка, автодрезина. При ней грузовой прицеп и подъемная стрела. Отец, мать, их товарищи уже перекликаются утренними раскатистыми голосами, поворачивают стрелу, укладывают на прицеп свежие черные шпалы.

Бригада готова укатить на весь долгий день на подмогу к приезжим строителям. И вот когда они помчатся, то подоспевший как раз Пашка им с лесенки и помашет. Он им помашет, а отец, мать, все рабочие, удаляясь на автодрезине, ответно вскинут руки, ответно прокричат: «Бывай здоров, Пашка! Жди нас обратно, Пашка! До встречи!» — и ему станет так хорошо, будто он сам в эту рань успел сделать что-то нужное, что-то прекрасное. Для этого он сюда каждое утро и спешил, для этого он всегда тут дежурил, этой минуты всегда ждал...

Ну, а в самый-то последний раз все началось почти тем же порядком.

Над соснами и скалами полустанка, над паутиною электрических проводов, над мокрыми от росы кровлями вагонов реяли с пронзительной визготней стрижи. С близкого берега речки Кыжимки наплывали подсвеченные солнцем остатки белого тумана. От путей, от теснящихся там составов пахло мазутом; на рельсах тупика попыхивала выхлопным дымком автодрезина, над нею привычно ходила грузовая стрела.

А за автодрезиной, обочь тяжелого нефтяного эшелона, от Пашки также не вдали, стоял скорый пассажирский.

Стоял один из тех скорых, дальних, пассажирских поездов, которые отец любил называть одним кратким, напористым словом: «Экспресс!»

Он — этот экспресс — был очень длинный и весь ало сияющий. Он где-то недавно проскочил утренний ливень, и теперь алые вагоны и все их окна и белые таблички под окнами сверкают умыто, свежо.

А еще он, этот экспресс, был очень тих. На подножках пусто, двери плотно заперты, в окнах ни души; по всему видно — пассажиры спят.

Вдруг со стуком опустилось стекло одного из окон, над приспущенным стеклом появился мальчик. Волосы мальчика встрепаны, на щеке розовая полоса от подушки, в глазах дрема. Мальчик и теперь не пришел в себя полностью: он трет глаза, он зевает.

И вот он зевал, зевал, и вот тер глаза, тер — увидел на соседнем пути яркую от солнца автодрезину, увидел хлопочущих там людей и окончательно проснулся.

А как проснулся, то в росных кустах на мокрой лесенке разглядел Пашку. Тут же засиял: «Привет, мол, привет!»

— Привет! — засмеялся Пашка. И, считая знакомство свершенным, крикнул:

— Что спишь? У нас в Кыжу все на работе давно!

Мать Пашки прицепила грузовой крюк к очередной связке шпал, обернулась к алым вагонам, поманила мальчика:

— Айда к нам!

Пашкин отец тоже оторвался от дела:

— Выходи на солнышко, товарищ пассажир! Попрыгай с нашим Пашкой по лесенке!

Глядели на мальчика и все рабочие. Моторист Русаков распахнул настежь дверцу автодрезины, протянул руки:

— Скачи ко мне прямо через окошко! Я бибикнуть дам! У моей быстролетки вон какой голос...

Русаков надавил сигнальную кнопку, автодрезина переливисто загудела.

Мальчик от такого к себе внимания смутился, но не исчез. Он лишь дважды кивками через узкое свое плечо показал: «Я бы, дескать, пошел, да тут у меня, в купе, мои папа и мама...»

И в это самое время на междупутье возник, будто с неба рухнул, дежурный по полустанку Платоныч.

Фуражки на Платоныче нет. Лохматые брови дыбом. Глаза вытаращены. Дышит Платоныч со свистом. Никто не успел и понять, как это он, такой грузный, толстый, низенький, подлетел сюда. Все лишь увидели его только в то мгновение, когда он ухватил Пашкиного отца за плечо; ухватил так, что отцова рубаха перекосилась, затрещала и высокий ростом отец поневоле пригнулся.

Дежурный зачастил:

— Зубарев! Зубарев! Что делать-то? На девятнадцатом в стройпоезде — обрыв! Оторвалась платформа с балластом — шурует сюда!

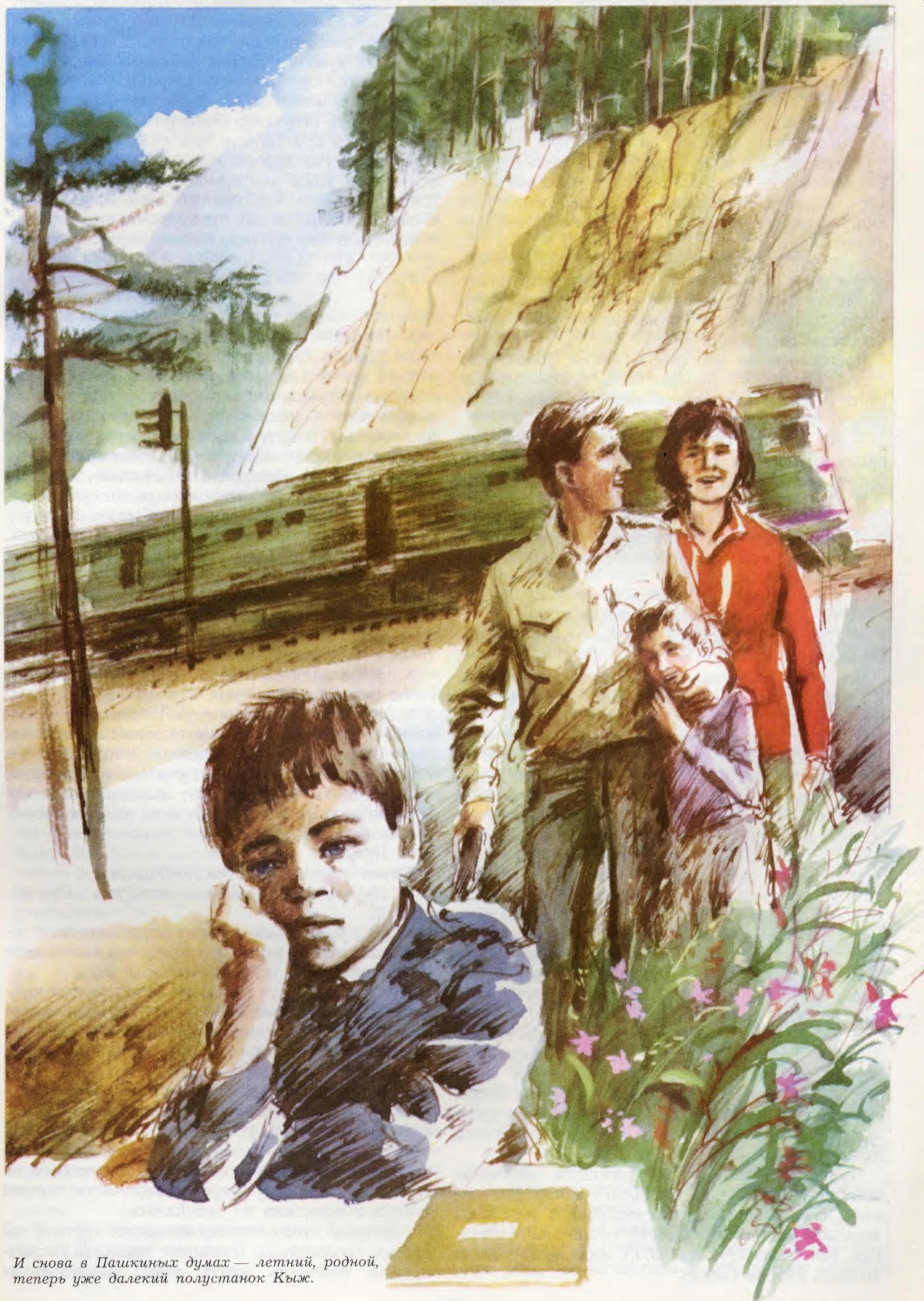
Все, кроме мальчика в алом вагоне, все, кроме Пашки на лесенке, вмиг поняли: через минуту-другую на полустанок обрушится страшное.

Да и Пашка, глядя на отца, на мать, испугался.

Отец как застыл рядом с Платонычем, так недвижно и стоял.

Мать, чтобы не закричать, прикрыла обеими ладонями рот. Ее огромные от ужаса глаза были устремлены в ту сторону, где за Кыжом вверху изгибался, нырял за белые скалы стальной рельсовый поворот, и оттуда надвигалось вот что...

По редкой, но потому еще более грозной случайности в стройотряде, который спешно переклады-

И снова в Пашкиных думах — летний, родной, теперь уже далекий полустанок Кыж.

вал путь на девятнадцатом километре, при отцепке от тягача не сработали тормоза груженной колотым камнем восьмиколесной платформы, и она пошла-пошла самоходом под уклон на Кыж.

Строители только и успели, что кинуться к рации, дать тревожный сигнал. А платформа набирала скорость. Она с каждой секундой становилась все более похожей на гигантскую торпеду, и отвести ее удар маленькому Кыжу было некуда. Вот здесь вот — товарный состав с лесом; вот здесь вот — эшелон со взрывоопасной нефтью; а тут стоит пассажирский, полнешенький спящих людей.

Если же переключить стрелку, если послать «торпеду» в обход главного направления в тупик, то ударом разнесет хрупкую автодрезину, да и все равно одичавшая платформа, падая, может грохнуть и по пассажирскому...

Пронеслось ли все это в голове Пашкиного отца — неизвестно. Должно быть, пронеслось. Он вдруг от своего оцепенения очнулся, сказал Платонычу четко, быстро:

— Не дрейфь! Поставлю на повороте башмак, рядом сброшу на рельсы пачку шпал — платформу вышибу под откос!

И отмахнул жестко рабочим:

— Прочь от дрезины!

Не успели рабочие шарахнуться, он вспрыгнул одним взлетом на моторную площадку, вытолкнул из кабины Русакова:

— Тоже долой!

— Ты что! — уперся было Русаков.

— Про-очь! — гаркнул яростно, совсем уж нетерпеливо отец.

Он сшиб Русакова на междупутье, нырнул к тарахтящему двигателю, врубил сцепление так, что из-под колес брызнули искры.

Дрезина дернулась, ткнула буферами груженый прицеп; рокоча мотором, пошла набирать ход.

Мать вскинула руки, побежала рядом. Оступилась, чуть не упала. Но ухватила пролетающий мимо поручень, и вот легкая, в ярком рабочем жилете ее фигурка замаячила на самом верху.

Зачем, какие силы заставили мать ринуться туда, не знает тоже никто. Скорее всего мать сделала это из крепкой веры в отца, из той давнишней рабочей привычки, что если отец схватился за какое решительное дело, то и ей, матери, помощнице неизменной, необходимо быть тут же. И вот она, не мешкая, не размышляя, это исполнила. Через миг, другой, клонясь под напором встречного воздуха, шагнула к отцу в кабину.

И это было то последнее, что запомнил Пашка Зубарев о своих матери с отцом. Последнее — потому что их скрыл поворот. А вскоре из-за острых, ослепительно полыхнувших белым светом скал, качнув землю, облака, сосны, до Кыжа долетел гулкий отзвук того удара, который мать и отец приняли на себя.

Приняли — потому что летящую навстречу платформу остановить, как было задумано, остановили, но когда она над ними вздыбилась всей своей железной многотонной массой, то для своего спасения, для самих себя ни одного мига мать с отцом выбрать уже не смогли.

И это вот и есть то самое, что Пашка вспоминает всегда всего отчетливей.

И это воспоминание так тяжко, что Пашка чувствует: думать и думать только об одном этом уже нельзя. Он, глядя за школьное в потеках дождя окно, мотает головой; он как бы пытается с себя что-то испуганно стряхнуть. Он заставляет себя думать про то, как они с бабушкой стали затем жить уже вдвоем и как, несмотря на беду, полустанок Кыж все же остался для него, для Пашки, родным, теплым. Об этой своей новой кыжимской поре Пашке тоже есть что припомнить, тоже есть в чем тут ему, Пашке, поразобраться.

2

— Паша! — звучит не очень громкий голос.

— Паша! — звучит опять, и Пашке чудится: это его кто-то знакомый зовет из Кыжа.

Но голос громче, он раздается над самым Пашкиным ухом. Пашка вздрагивает, очумело глядит по сторонам. Вокруг Кыжа никакого нет. Вокруг школьные парты, смеющиеся физиономии ребят. А над ним, над Пашкой,— участливые, за круглыми, толстыми стеклами очков сильно увеличенные, как бы навсегда удивленные глаза Гули.

Гуля не школьница, Гуля — учительница.

По-настоящему Гулю зовут Галиной Борисовной. Но она так молода, так мала ростом, так деликатна во всех поступках и даже в разговорах, что все в школе-интернате, начиная с первышат, ее только таким вот голубиным именем промеж собой и называют.

Конечно, дали ей это прозвище первышата не сами. Виноват тут случай.

Торжественным утром первого сентября молоденькую учительницу на самый первый в ее жизни урок сопровождала заведующая учебной частью Косова. При входе в класс учительница-новичок взволновалась, в двери вдруг замешкалась и так вся вишенно вспыхнула, что даже давно ко всему в школе привыкшая Косова сказала:

— Ну и ну!

Потом строгим шепотом подбодрила:

— Ну что это вы робеете, как гуля... Смелей, смелей!

И шустрые малыши шепот услыхали, тихо засмеялись и сразу увидели: их будущей наставнице прозвище «Гуля» подходит в самый раз.

Ну, а если так, то вслух, понятно, стали к учительнице обращаться: «Здравствуйте, Галина Борисовна! С добрым утром, Галина Борисовна!» — а меж собой о ней говорили: «Вот наша Гуля идет!»

Разумеется, в школе-интернате работало немало и других преподавателей. Но ребятишки, как правило, сравнивали «свою» Гулю именно с Косовой. Сравнивали не оттого, что она, Косова, первой представила Гулю ученикам, а скорей всего потому, что она сама-то к ним, к интернатовцам, по ее же собственному выражению, «ни с какими такими нежностями не насылалась».

Молодым учителям она говорила: «Дети у нас особые, бессемейные. Излишние нежности их жизненную стойкость могут лишь раз-мо-би-ли-

зовать... Чрезмерная умильность не педа-го-гична! С ними надо обходиться лишь по высшей справедливости — и все!» И сама обходилась только так. Никаких напрасных обид ребятишкам не наносила, да вот высшая-то ее справедливость была настолько вся измерена-проверена, что и у ребят не вызывала ни малейшей ответной живинки. Ни тем более благодарности.

Да что там благодарность! Вопреки своим извечным правилам интернатовцы даже не пожелали дать Косовой хоть какое-то маломальское прозвище. Ни одобрительное, ни насмешливое. А как она сама ребят окликала пофамильно: «Иванов, Петров, Сидоров!»,— так и о ней ребята говорили, обозначая вслух только ее фамилию: «Косова!» И никак иначе. И на том конец.

Ну, а вот мягкую, совершенно противоположную натуру Гули малыши раскусили тоже быстрехонько. Это сначала привело к тому, что весь класс почти мигом разделился на две группы. Те ученики, что поласковей, поспокойней, особенно девочки, сразу в Гулю влюбились, стали ходить за ней даже после уроков цыплячьей стайкой. А те, что шаловливее, особенно мальчики, решили, что для них настала вольная воля. Шалуны смело принялись на уроках возиться, толкаться, задирать соседей по парте, а то и вовсе, едва ударит на перемену звонок, скакать по классу чуть ли не на головах.

Но прошла неделя, другая — шалуны заметно угомонились.

Тот, кто любил на занятиях пошушукаться, тому собственная болтовня быстро надоела. Куда увлекательней было слушать саму Гулю.

Лучше всего у нее получалась сказка про трех медведей, про их лесной дом и про девочку в этом медвежьем доме. Там вопрос: «Кто-о-о хлебал из моей чашки?» — старший медведь задает голосом грубым, толстым, медведица — голосом потоньше, а медвежонок — совсем тонюсенько. И вот все это Гуля изображала при чтении так хорошо, настолько как бы взаправду, что и у ребятишек-слушателей глаза становились сначала тревожными, большими, потом — чуть спокойнее, а под самый конец, когда Гуля говорила за медвежонка да о том, как девочка выскочила из окошка, то все улыбались.

В общем, к тому времени, когда в школьные окна все чаще стали постукивать холодные осенние дожди, у Гули и первого «Б» установилась полная во всем дружба.

Все теперь Гулю слушаются, все на Гулю не насмотрятся, все ей даже поверяют свои маленькие детские секреты. Не выходит у нее ничего до сей поры лишь с Пашкой Зубаревым. Он по-прежнему всем школьным делам, всему, как говорится, классному коллективу предпочитает одиночество. И Гуля старается тут Пашку тормошить не слишком. Она полагает: главные ей здесь помощники — время да терпение. Она тревожит Пашку только тогда, когда видит: про учебу позабыл чуть ли не совсем.

Вот и теперь, наклонясь над Пашкой, она словно будит его ото сна:

— Очнись, Паша...

Пашка вскакивает, суматошно озирается.

Глядя на его растерянное лицо, Гуля непроизвольно, без всякого каверзного умысла говорит:

— Ну, куда ты, Паша, от нас все время улетаешь? Где ты только что был?

— В Кыжу! — бухает Пашка, и чутко настороженный класс так и взрывается смехом.

— Что вы! Перестаньте! — машет Гуля на хохочущих ребятишек, но им перестать теперь трудно, а сердитый Пашка плюхается на свое место.

Он даже не понимает, что Гуля сочувствует ему всем сердцем. Он даже не видит, что она сама своим неудачным вопросом очень расстроена. Пашка лишь, как автомат, повинуясь ее настойчивой просьбе исполнять урок, хмуро взглядывает на крашеную классную доску, на выведенное там мелом коротенькое словечко «Ау», пробует и сам в тетради написать это слово.

Но заглавная буква «А» схожа с покатой крышей родного домика, и Пашка в который раз всей памятью уносится на родной полустанок; ему опять вспоминается тот горький день и что было после.

Привыкать к горю трудно. Сначала все казалось: мать и отец вот-вот вернутся с работы, простучат привычно каблуками вверх по крутой лесенке, взбегут на крыльцо... Да поднимались-то из-под горы к домику теперь лишь товарищи отца, лишь прежние подружки матери.

Заглядывало в домик не один раз и дорожное начальство. И все утешливо выспрашивало, не надо ли бабушке с Пашкой еще чем, кроме пенсии, помочь.

Люди говорили об отце-матери теплые, ласковые слова; даже говорили, что, возможно, полустанок Кыж теперь будет назван полустанком Зубарево, но теплота этих слов горя не убавляла ничуть. От этой теплоты хотелось лишь вновь плакать.

Никаких таких разговоров не затевал, ничего лишнего не выспрашивал только самый молодой из отцовских друзей — Николай Русаков. Его теперь из мотористов перевели в бригадиры на недавнее отцовское место. И вот, то ли перед бабушкой и перед Пашкой назначения этого стесняясь, то ли просто понимая, что никакими, даже самыми лучшими словами ни Пашку, ни бабушку не утешить, Русаков и появлялся у них все больше как бы по неотложному случаю.

После собственного рабочего дня он торопливо возникал на пороге домика, кивал бабушке: «Здрасьте!» — и вмиг принимался за Пашку:

— Что сидишь? На дворе жарынь, и у бабушки в огороде, должно быть, все высохло... Идем, накачаем вместе воды.

Бабушка слабо возражала:

— Мы, Николаша, как-нибудь сами... Иди, устраивай дела по хозяйству своему.

— Мое хозяйство от меня никуда не денется! Идем, Пашка, идем!

И они шли во двор к колодцу.

Колодец был страшно глубокий. Там еще Пашкин отец, чтобы матери и бабушке не возиться

с тяжелой бадьей, поставил электрический насос с длинными резиновыми шлангами. Но то ли из-за большой глубины колодца, то ли еще из-за чего, насос воду то подавал, то не подавал, а отладить его до конца отец не успел.

И вот Русаков первым делом принялся за насос. Он эту хитроумную, запакованную в округлый футляр машинку вытащил из студеного сруба на сухую, теплую у колодца приступку и давай Пашку гонять:

— Поди поищи у вас в сенях разводной гаечный ключ!

— Поди спроси у бабушки, нет ли где в доме куска толстой резины... Переделаем в насосе прокладку.

— Поищи отвертку! Принеси ножик! Подай то, подай се!

И Пашка бегал, разыскивал, приносил. При этом еще успевал посмотреть, как Русаков разбирает, чистит, ремонтирует ненадежное место в насосе, и думать Пашке ни о чем другом уже некогда.

Русаков просил Пашкиной помощи даже тогда, когда опускал насос обратно в колодец; даже тогда, когда тянул пока что пустой шланг к бочке в огороде.

Поджарый, босой, в подвернутых до мосластых колен штанах, издали похожий на долговязого гусака, Русаков шагал со шлангом по тропке вдоль изгороди первым. Следом, держась за шланг и едва выставляясь из густой травы, семенил гусенком Пашка. А затем начиналось самое интересное.

Русаков опускал конец шланга в ржавую, пахнущую тиной бочку, командовал:

— Беги включай!

И Пашка мчал обратно, надавливал на столбе под колодезной кровлей пусковую кнопку, слушал, склонясь над холодной глубиной сруба, жужжит там насос или не жужжит. И когда удостоверялся, что жужжит, то летел все той же натоптанной тропкой к Русакову.

Русаков всегда теперь поручал шланг Пашке. Шланг наполнялся живой, упругой силой. Из него вылетала в бочку звонкая, толстая струя. Она ударяла в железный борт, дробилась на яркие брызги.

Когда же бочка становилась полнехонькой, то Пашка прижимал тугой исток струи указательным пальцем, и струя превращалась в крутую, плескучую радугу.

Поливали прохладной радугой лишь картошку. Ну, а клубничные, огуречные и другие грядки бабушка польет потом сама водою теплой, оставленной в бочке для «сугрева».

Когда же работа на огороде кончалась, то Русаков обязательно говорил Пашке что-нибудь серьезное.

Например, в самый первый раз он сказал:

— Видишь, вдвоем все вышло куда быстрей.

И добавил:

— Добрая доля сегодняшних трудов, считай, твоя собственная.

Пашка кивнул в ответ серьезно, но спросил:

— Добрая доля — это сколько?

Русаков призадумался.

— Вот...— отшаркнул он ребром твердой ладони мазок-отметину на самой середине водяной бочки, на ее ржавом боку.

Пашка чуть отступил, отметину изучал долго.

— Не так уж, Коля, много... Но я стану расти. А значит, и работы для бабушки смогу делать все больше. Верно?

— Верней не бывает! — поддакнул Русаков.

А однажды они сделали хороший запас дров на всю предстоящую зиму. Правда, смолевые, длинные кряжи были завезены тоже при отце, но их предстояло разделать, и Русаков принес пилу с бензиновым мотором.

Ею — грузноватой, зубастой — он орудовал, конечно, сам.

Пашка сначала ко всему, как приказал Русаков, лишь приглядывался с крыльца.

Пила фыркала дымом, ревела, визжала, яростно тряслась. Со стороны казалось, дай ей малую волю, и она сама собой заскачет по примятой траве, вспрыгнет на громоздкие бревна, а оттуда сиганет прямо в небо. Она желала взвиться под облака, но Русаков ее ловко укрощал. И вот она сердито резала свилеватые, крепкие кряжи, как пряники; и вот на траве вспухали желтыми сугробами опилки; и в полосатую тень ограды-штакетника откатывались широкие чурбаки.

Когда же бензиновую гарь относило ветром, то над двором, над крыльцом всплывал приятный запах уже пересохшей, но и все еще не утратившей лесного духа сосновой живицы.

Ну, а затем Русаков принялся тяжелым колуном расшибать чурки на легкие поленья. Пашке он велел поленья складывать в кладку. И опять получалось: Пашка тут не простой зевака — он такой же, как Русаков, труженик.

Пашкиного усердия не пропустила мимо глаз и бабушка, когда вышла на крыльцо.

— Ох,— сказала она ласково,— внучек-то у меня мастак, работничек! Вон как полешки ровнехонько укладывает, вон как!

Но, добавив, что трудолюбием Пашка похож на отца, бабушка всхлипнула, слезливо заморгала, полезла в карман кофты за носовым платком, и пришлось Русакову ее успокаивать. А Пашка плотно сжал губы, очень слышно задышал носом.

Если бы такое случилось чуть раньше, то и он бы вместе с бабушкой всплакнул. А теперь он лишь запыхтел да стойко нахмурился — и все потому, что рядом был Русаков.

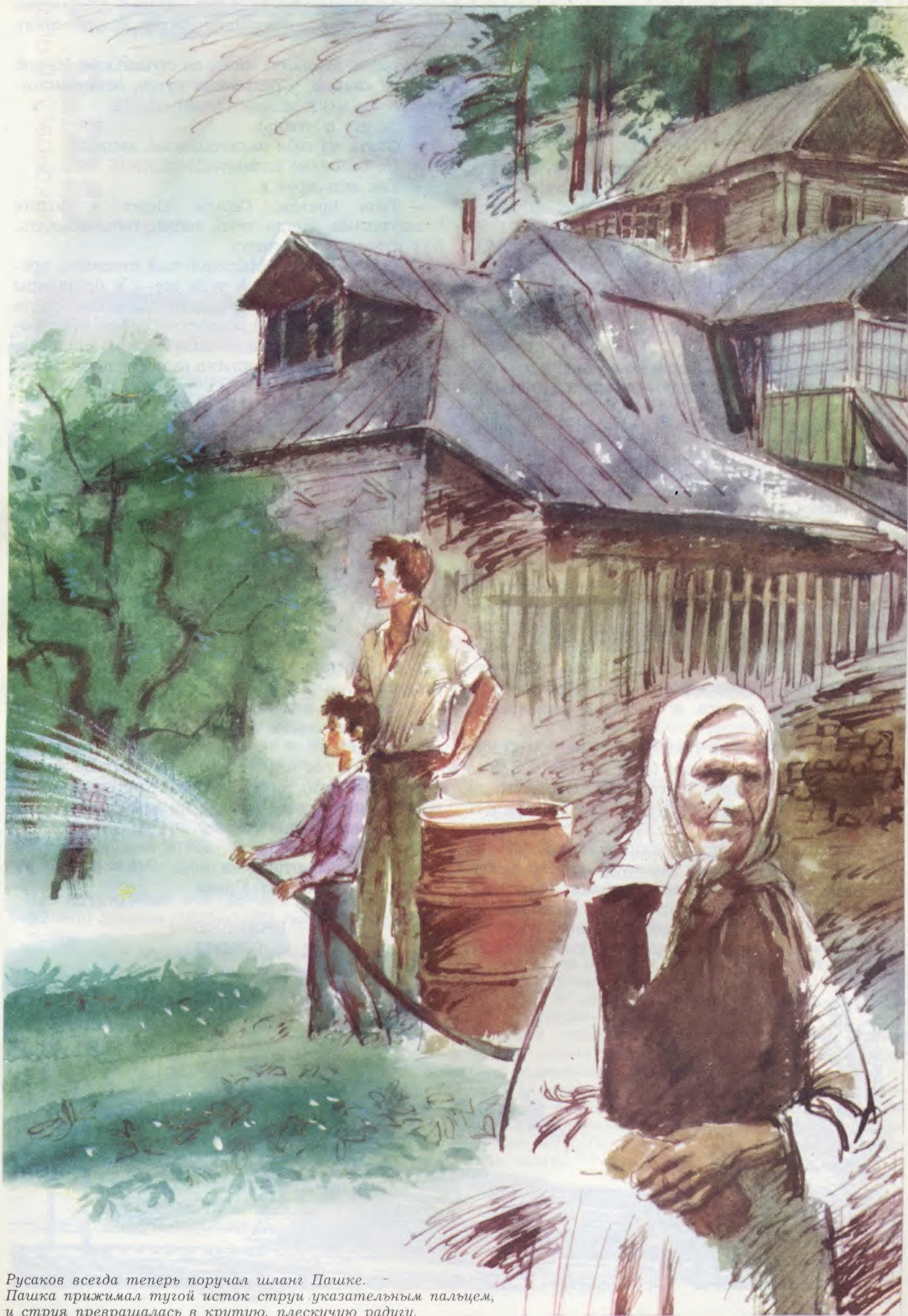
Вскоре произошел такой вот случай.

Переделав все мужские домашние дела, Пашка с Русаковым надумали исправить кое-где подопревшую лесенку. Ту самую лесенку, что сбегала от крыльца вниз к железнодорожным путям.

Они наготовили нужных по размеру досок, взяли молоток, гвозди, топор, на виду у всего малолюдного полустанка принялись чинить ступеньку за ступенькой. Над ними пошумливали сосны, под горой проносились поезда, настроение у Пашки с Русаковым было хорошее.

Но тут пришел Серега Мазырин, совсем еще молодой рабочий из бывшей отцовской бригады.

Пришел, уселся на щепки, достал из кармана папиросную пачку.

*Русаков всегда теперь поручал шланг Пашке.
Пашка прижимал тугой исток струи указательным пальцем,
и струя превращалась в крутую, плескучую радугу.*

Раскрыл, нюхнул:

— Ах-х!

Затем выщелкнул сразу три толстые папиросины. Одну сунул в рот, вторую протянул Русакову, третью — Пашке.

Пашка остолбенел, страшно сконфузился, а Русаков сказал:

— Ты что, Серьга? Сбрендил?

— Посвящение в мужики! В честь воскресного, выходного денечка! — хохотнул Серьга-Серега.

Более того, кивнув усмешливо на Пашку, он Русакова как бы упрекнул:

— Ты вот его к серьезному делу допускаешь, а приятным пустяком побаловаться не даешь... Где справедливость? Ну да ладно! Обучится без нас.

И, бережно прибрав лишние папиросины, похвалился еще веселее:

— Лично я курнул впервые еще меньшим. Совсем клопом! А гляди: живу — не охаю... Ничего со мною не сотворилось.

— Ума вот ни капли не прибыло...— уточнил Русаков.

Но и тут Мазырин не угомонился. Серьгу Мазырина уже, как говорится, понесло. Он, покуривая, поплевывая да развалясь на щепках у лесенки, ударился в рассуждения новые:

— Ты, Никола Русаков, принимаешь на себя кое-что даже и лишнее... Ты к Пашке-то вроде как во вторые родители все лезешь. А он, может, не желает... Ты, Никола, все себя считаешь вроде как виноватым, вроде как должником. А если разобраться, так бригадира нашего ни ты, ни я, никто под удар в тот день не ставил... Он сам! Так чего без конца виноватишься, чего казнишься, маешься? Чего лезешь к Пашке в непрошеные благодетели?

И хотя в общем-то Мазырин ни одного худого слова напрямую как будто бы и не говорил, хотя тон его речи казался вполне дружелюбным, да Пашке, чем дальше он слушал, тем становилось неприятней. И Николай как на своей ступеньке, на коленях был, как держал молоток, так и забухал им слепо, гневно, все по одному и тому же месту:

— Врешь, Серьга, врешь! Замолчи, замолчи!

— Что с тобой? — выкатил глаза Мазырин.

— А вот что...— прохрипел Русаков.

И поднялся, протянул длинную свою ручищу, ухватил Мазырина за ворот, удивительно легко поставил на лестницу, пихнул под самую спину коленом.

Мазырин затопотал книзу по ступенькам. На той стороне канавы, у рельсовых путей, остановился:

— А ты меня за что, Русак?

— За что почтешь!

— Опять на себя нахватываешь лишнее?

— Не бойся, не сломаюсь!

— Так ведь прав я...

— Твоя правда, Серьга, сидит в болоте с лягушками. Когда тихо, тепло, тогда квакать. Как гром, так под лопух.

— Сам ты лопух. Малахольный птицевод, профессор кислых щей! А туда же — в бригадиры к нам всунулся,— забранился Мазырин, опять выхватил из кармана папиросную пачку, да второпях ее смял и с досады шваркнул о шпалы и, размахивая руками, пошагал вдоль рельсов к вокзалу.

Русаков обернулся к Пашке:

— Не придавай значения. Он хоть и трепло, но совестью мается тоже. Только навыворот. По-своему. Желает от совести схорониться. Взять на себя в один миг решительное дано не каждому.

— А тебе? — спросил Пашка.— Тебе разве не дано? Серьга-то кричал: ты тоже на себя многое берешь.

Русаков отмахнулся мягко:

— Это не о том...

— Ну, а я? — не отступался Пашка.— Я сам, ежели что, смогу взять на себя решительное?

И Русаков совсем теперь спокойно накрыл рукой Пашкино хлипкое плечо, совсем спокойно ответил:

— Задавай вопросы полегче... Такого никто никому предсказать не может. Да, пожалуй, и не имеет права.

Чтобы скорее переменить тему, Русаков уводит разговор в иную, ничуть не касательную ни к воспоминаниям об отце-матери, ни даже к сегодняшнему происшествию сторону.

Он говорит:

— Идем посмотрим на моих Ромку с Римкой. Послушаем, что поет Юлька.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

РВС

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

8 августа — День физкультурника.

Если в этот день вы не участвуете в спартакиадах, пионерском многоборье, футбольных матчах, сыграйте с друзьями в игру артековских ребят.

Веселые тройки

Участники игры делятся на группы по три человека. Двое берутся за руки, а третий встает в середину. В центре большого круга — водящий. По команде водящего: «Середина, ко мне!» — те, кто стоит внутри сомкнувших руки пар, выходят к водящему и берутся за руки. По команде: «Пошли!» — внутренний круг вместе с водящим движется вправо, а стоящие в парах (тоже образовав свой круг) движутся влево. По сигналу «Тройки!» пары внешнего круга останавливаются и, соединив руки, поднимают их вверх, а находящиеся во внутреннем круге (в том числе и водящий) стараются занять место в середине любой пары. Оставшийся игрок становится водящим.

Ребята! ПРИШЛИТЕ В ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ «РВС» **описание своей любимой отрядной игры. На конверте напишите: «Игра».**

12 августа — 90 лет со дня рождения Тома (Олеко) Дундича (1897—1920), героя гражданской войны.

К. Е. Ворошилов, вспоминая о героях гражданской войны, с которыми ему пришлось сражаться в рядах Первой Конной армии, писал:

«...А Красный Дундич? Кто его может забыть? Кто может сравниться с этим буквально сказочным героем в лихости, в отваге, в доброте, в товарищеской сердечности? Это был лев с сердцем милого ребенка».

М. Драгович
«Красный конник Олеко Дундич».

18 августа — 25 августа — I Всесоюзный слет пионеров (1929 г.).

На странице 18 читайте воспоминания об этом слете писателя Льва Разгона.

СПОР-ПЛОЩАДКА

Юнкоры! Произошло ЧП. Выносим его на «Спорплощадку».

В одном из номеров «Юнкоровского поста «РВС» в **«Почтовом ящике»** был опубликован адрес для переписки. Юнкор из Москвы Оля Сагараева спустя два месяца сообщила: «Я написала по опубликованному вами адресу и получила указание, что я должна обязательно выслать и сделать, если хочу переписываться с этими ребятами.

Я ответила, что на таких условиях переписываться не буду».

Что же произошло дальше? А дальше Оля получила **нецензурное письмо с угрозами.**

А вот еще выдержки из нашей почты: «У нас в отряде есть девочка, которая учится на «2» и «3». **Она ругается матом.** Но если мимо пройдет отличник, то девочка прикрывает рот рукой и говорит: «Что вы? Разве можно при пятерошниках?» А что, при остальных, значит, можно?» — Катя Аликанова, Московская область. «У нас учится Митя В. Он постоянно пререкается с учителями. Один раз даже **на уроке выругался матом.** Учительница стала возмущаться, вызвала родителей. Ну и что? Он продолжает ругаться».— Аня Шелкова, г. Москва.

Итак, проблема: **пионеры и нецензурная брань.**

ЧТО ДЕЛАТЬ С ТЕМИ, У КОГО НА ЯЗЫКЕ «КРЕПКИЕ» ВЫРАЖЕНИЯ?

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

С этим вопросом «Юнкоровский пост «РВС» обратился к писателю **Анатолию Марковичу Маркуше.** Вот что он считает:

— Матерщина — признак человеческой серости. Подчас человек, нецензурно выражающийся, не хочет кого-либо обидеть, он просто от духовной бедности так общается с окружающими.

Один мой приятель-адмирал шел как-то по пирсу и вдруг услышал, что два стоящих неподалеку матроса нецензурно выражаются. Адмирал подошел к ним и спросил:

— Что же вы, ребята, так ругаетесь?

Те застеснялись:

— Мы не ругаемся, это мы для связки!

Рассказывая друг другу о каких-то новостях, матросы от скудного словарного запаса пользовались связками — матом.

Стоит пожалеть матерщинников: они бедные духом, косноязычные люди. Если хотите, нецензурные выражения — их дефект.

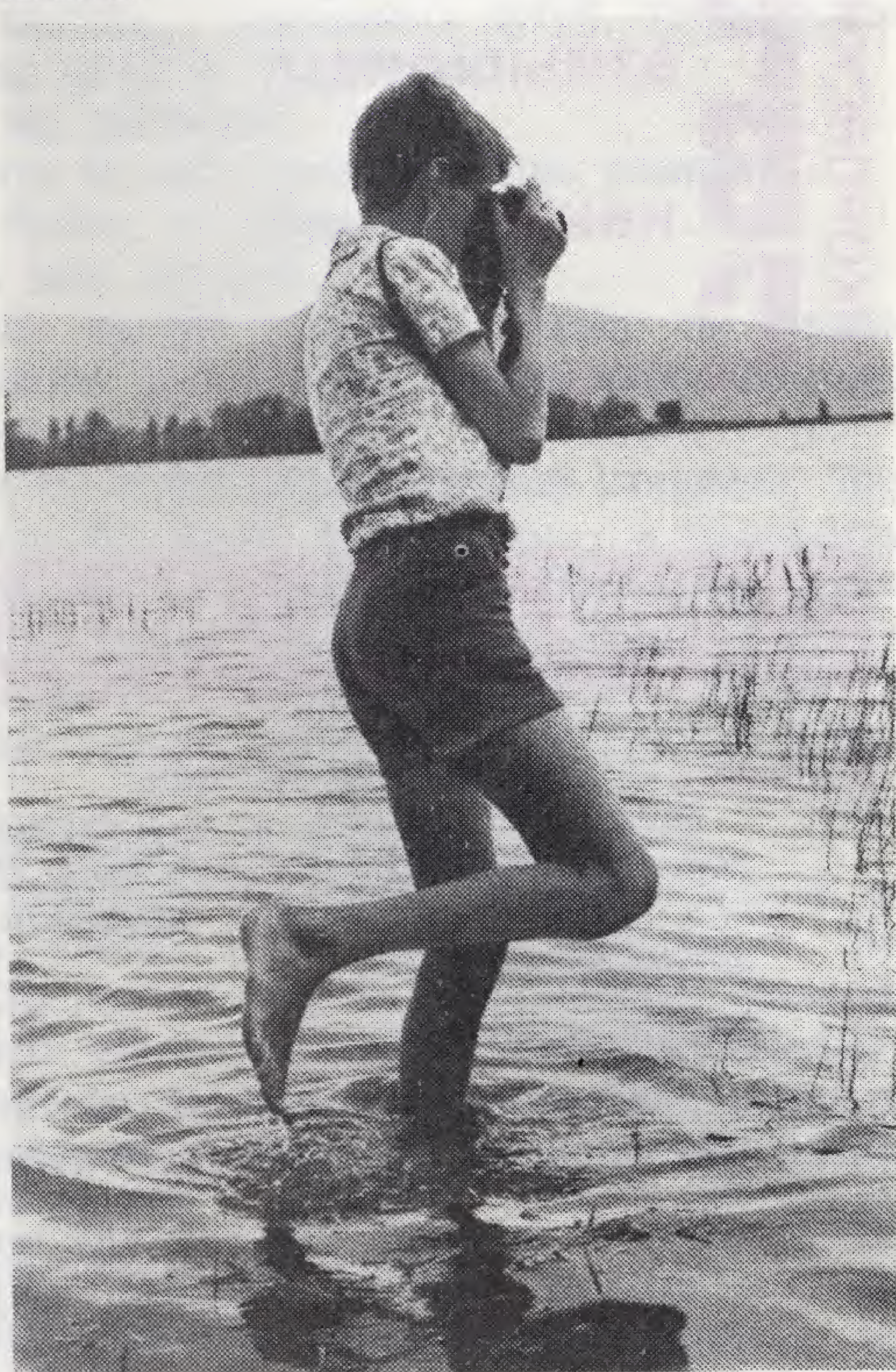
Что делать с матерщинниками? Главная борьба — это осмеяние. Высмеивайте любителей нецензурных выражений в стенгазетах, на КВН. Несомненно, результат будет: ведь никто не хочет в дураках ходить!

От «Юнкоровского поста «РВС»:

Юнкоры! А ваши предложения, как бороться с обделенными духом любителями нецензурных выражений? Ждем! На конверте напишите: «ДОЛОЙ КОСНОЯЗЫЧИЕ!»

ФИНИШ В АВГУСТЕ.— *Андрей ГОРБАЧ, 14 лет.*

ФОТООХОТА.— *Владимир ДРЕСВЯНИКОВ, 15 лет.*

Оба автора — члены фотостудии Ялтинского Дворца пионеров и школьников, которой руководит М. Е. Кравец.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

К нам в редакцию пришло письмо от болгарских друзей.

«Дорогие советские пионеры! Наша школа решила начать поиск болгарских воинов — участников Великой Отечественной войны: тех, кто воевал плечом к плечу с советскими воинами в рядах Советской Армии.

Руководит поиском клуб интернациональной дружбы «Саманта Смит и Катя Лычева — послы мира».

Обращаемся с просьбой ко всем, кто знает о болгарских героях, погибших на советской земле: напишите нам об их жизни, их последнем бое. Если можно, пришлите фотографии.

С благодарностью, ваши болгарские друзья.

Наш адрес: ***НРБ, г. София, Коларовский район, спортивная школа, КИД «Саманта Смит и Катя Лычева — послы мира».***

Юнкоры! Кто может помочь нашим болгарским друзьям, напишите им. А в «Юнкоровский пост «РВС» ОБЯЗАТЕЛЬНО СООБЩИТЕ О ВЫПОЛНЕННОЙ РАБОТЕ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ЮНКОРЫ! ПОЖАЛУЙСТА, ОЦЕНИТЕ СВОИ СИЛЫ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОТПРАВЛЯТЬ АДРЕС В НАШ «ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК». ВАМ МОЖЕТ ПРИЙТИ МНОГО ПИСЕМ, И НА ВСЕ ВЫ БУДЕТЕ ОБЯЗАНЫ ВЕЖЛИВО ОТВЕТИТЬ.

* * *

Я председатель совета дружины. В совете дружины первый год. Я хочу обменяться опытом с ребятами, которые уже не первый год в совете дружины. Мой адрес: 129081, Москва, пр. Дежнева, д. 38, квартира 124, Марии Воропаевой.

* * *

Наша пионерская дружина носит имя дважды Героя Советского Союза Ивана Даниловича Черняховского. Мы хотим переписываться с пионерами дружин, тоже носящих его имя. Наш адрес: 332315, Украинская ССР, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Дзержинского, дом 24.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «ПОСЧИТАЕМ — ПОДУМАЕМ»

Юнкоры сообщают:

«Я могу вас порадовать. В прошлом, 1986 году в нашем отряде ***журнал «Пионер» выписал двадцать один человек из тридцати.*** *Но я думаю, что в сентябре 1987 года мы подпишемся все до единого».*

Люда Янченко, 7-й класс, школа № 6, г. Калинковичи, Гомельская область.

«На журнал «Пионер» в 1986 году подписался весь наш класс. *В следующем, 1987 году мы тоже подпишемся все вместе».*

Наташа Соснова, 5-й класс, село Шереметьево, ТАССР.

ОПЕРАЦИЯ «ПОДПИСКА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Юнкоры! Расскажите в своем отряде о нашем журнале и предложите **всем членам вашего отряда стать подписчиками журнала «Пионер».**

ЕГО ПОДПИСНАЯ СТОИМОСТЬ — 3 руб. 60 коп.

ДЕЛО БЫЛО В ПОХОДЕ

ПИОНЕР
МОЛОКО
РЫБА
МЕБЕЛЬ
МЯСО
ХЛЕБ
п/л „ПИОНЕР"
1
МОЛОКО
ХЛЕБ
2
4
ДА ЗДРАВСТВУЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
МЫ - БУДУЩИЕ ПОКОРИТЕЛИ КОСМОСА!
МЫ - МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ!
УРАА УРА-А А!! УРАААА!!!
3
5
КОНЕЦ

Рисунки Н. ШЕВАРЕВА.

Степан ЖУПАНИН

Высоко в Карпатах

Высóко в Карпатах
Стоит обелиск,
Над ним великаны
Ветвями сплелись.

Здесь воин сражался
За землю свою
И пал на рассвете
В неравном бою.

Где кровь пролилась —
Трава поднялась.
Где роты легли —
Цветы зацвели...

Высоко в Карпатах
Белеют снега,
И память о павших
Живым дорога.

И снег прожигая,
По-прежнему тут
Барвинки, барвинки
Сквозь годы цветут.

Где кровь пролилась —
Трава поднялась.
Где роты легли —
Цветы зацвели...

Сломанная ветка

Какой-то
Неуклюжий
Человек
Сломал вчера
На яблоньке
Побег.
Услышал треск,
В затылке почесал,
Махнул рукой
И дальше зашагал...

Как детская слеза,
Прозрачен сок,
И слышен сердцу
Слабый голосок.
Он со своей бедой
Наедине
Один звучит
В рассветной тишине:
— Как больно мне!
Как больно мне!..

Я накопаю глины
На горе,
Замажу рану
Яблоне-сестре.
Я веточку больную
Умело прибинтую
И на зиму укрою
В ноябре.

К стволу она —
Я верю —
Прирастет.
Весна придет —
И ветка зацветет!

Горная тропинка

Я тропинка-верховинка
С поясом зеленым,
Пробегаю по лужайкам,
По лесистым склонам.

Сколько лет мне —
не припомню,
Сроки те немалы.
Век ли, два бегу к вершинам,
Тороплюсь на скалы.

По грибы детей веду я:
— Во какой, гляди-ка!..
А подымешься повыше —
Будет земляника.

Если ты в пути захочешь
Лакомиться терном,
Берегись его колючек
На уступе горном!

А теперь вперед — на кручу!
Не упустим случай:
Поздороваемся с тучей —
За руку — с могучей!

Я тропинка-верховинка
С норовом веселым,
Разведу людей усталых
По родимым селам.

Малышам от пастбищ дальних
В дар несу корзину:
Молоко, орехи, брынзу,
Сладкую малину...

А тому, кто заблудился,
Брошусь на подмогу:
— Не отчаивайся, парень,
Выйдешь на дорогу!

Перевел с украинского
А. КРЕСТИНСКИЙ.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Лев РАЗГОН

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ...

Все впервые

Вспоминаю эту августовскую неделю 1929 года и не перестаю удивляться: сколько же вместилось в нее того, что было ВПЕРВЫЕ... Это сейчас я удивляюсь, по прошествии 56 лет! А тогда нам казалось, что иначе и быть не может...

А в эту неделю вместились:

I Всесоюзный слет юных пионеров Советского Союза;

I Всесоюзная пионерская конференция;

I Международный конгресс юных пионеров;

I Всесоюзная пионерская Спартакиада;

I Всесоюзный смотр пионерской художественной самодеятельности;

I Всесоюзная выставка пионерской технической самодеятельности.

Пионерской организации всего семь лет. Еще нет прекрасно оборудованных пионерских лагерей, нет дворцов пионеров, нет туристских гостиниц, и «Икарусы» не дежурят у их подъездов — ничего этого нет, и пройдут десятки лет, прежде чем все это появится.

Но разве семь лет — это мало? Нам, тогдашним работникам пионерской организации, так не казалось. От первого пионерского отряда, возникшего в феврале 1922 года на Красной Пресне в Москве, заалели красные галстуки в городах и селах всей страны. 23 января 1924 года пионерской организации было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. Обращаясь к советским пионерам, комсомол призывал: «Вы должны теперь быть достойны того великого имени, которое написано на вашем знамени. На вас смотрят рабочие дети всех стран».

Дети откликнулись на этот призыв. Уже к концу 1924 года пионерские отряды в нашей стране объединили более миллиона мальчиков и девочек. Еще до этого, в апреле 1923 года, начал выходить московский журнал «Барабан», в марте 1924 года всесоюзный детский журнал «Пионер», а через несколько месяцев, в июне 1924 года,— журнал «Вожатый».

Кто же это все делал? Кто собирал отряды, издавал журналы, кто — без всякого опыта, вечным способом «проб и ошибок» — создавал многомиллионную пионерскую организацию? Комсомольцы. Все они были очень молодыми людьми, большинство из них работали на фабриках и заводах, в учреждениях, учились. Пионерской работе они отдавали свободное время. «Освобожденных», то есть таких, которые занимались бы только работой с пионерами и получали за это заработную плату, было ничтожно мало.

Каждый день мы вели горячие споры о том, что надо сделать, чтобы в наших пионерских отрядах детям было не просто интересно — увлекательно! Может быть, строить отряды по образцу и подобию буржуазных скаутов и занимать пионеров только такими делами, как походы, ночевки у костра, поиски дорог по тайным знакам, вязание морских узлов? Или же ввести в отрядах воинскую дисциплину, беспрекословное подчинение старшим, воинские различия?..

Да, но у нас — коммунистическая организация, она верна делу рабочего класса и Коммунистической партии и должна помогать партии, а не забавляться игрой в солдатики,— говорили другие...

Не на пустом месте шли споры! За семь лет был накоплен опыт, им делились комсомольцы, которые считали себя уже «старыми вожатыми». Москвичи Миша Соловейчик и Женя Магидович даже книжку написали «Записки старого пионервожатого». И книжку пришлось сразу же переиздавать — такой интерес она вызвала у комсомольцев. А в «Молодой гвардии» выходила серия маленьких книжечек под названием «Жемчужины опыта». Название было пышное и красивое — «Жемчужины»... Но в книжечках просто-напросто рассказывалось о том, что можно было перенять, чему можно было научиться.

Тогда, в 1926 году, и я написал такую «жемчужину»... Называлась она «Рабочая комната»... Я был вожатым 91-го отряда Замоскворецкого района. Учреждение, при котором был отряд (а отряды тогда создавались не в школах, а при заводах, фабриках), дало нам две большие комнаты на чердаке: вот вам помещение, вот вам пара тисков, немного слесарного и столярно-

го инструмента и делайте все сами. Мы и сделали. Большую комнату превратили в спортивный зал, а другую — в мастерскую, где мы сами изготовляли все, что нужно для поездок в летние лагеря и к подшефным детского дома.

Весь этот опыт, все крупинки обобщались, сводились в систему. Кроме рядовых вожатых, таких, как я, «практиков», были у нас и свои «теоретики». Еще много лет пройдет, пока Валериан Зорин станет известным советским дипломатом, заместителем министра иностранных дел... И Валентин Яковлев еще не имел никаких ученых званий, не был доцентом, известным педагогом... А тогда, как и Михаил Рейхруд, Иван Разин, Костя Соколов, они были главными пионерскими «теоретиками».

«В спорах рождается истина» — эта старая мудрость была законом для нас. И споры эти происходили не где-нибудь, а на заседаниях Бюро ЦК ВЛКСМ, где каждую неделю обсуждалась «система» пионерской работы. Длинный, крытый зеленым сукном стол, за ним и на стульях, расставленных по комнате, сидят вперемежку секретари ЦК, вожатые, журналисты, педагоги. И порядок поддерживается только строгостью председателя — генерального секретаря ЦК комсомола Саши Косарева, как звали его все. Саша Косарев не допускал лишнего «трепа», останавливал особо горячих, и с каждым заседанием все более ясным становилось, как же должна строиться работа с пионерами. Спорили много, но все были согласны в одном: нужно знать мнение самих пионеров. И нужно провести мероприятие такое звонкое и громкое, чтобы вся страна увидела, что же такое пионерская организация имени В. И. Ленина. Так был задуман I Всесоюзный слет юных пионеров!

Комсомол готовится к слету

Вам, свидетелям таких грандиозных мероприятий, как Олимпиада-80 или Всемирный фестиваль молодежи и студентов, слет, на котором будет всего около семи тысяч делегатов, может показаться событием незначительным.

Всего-навсего семь тысяч. Но этих ребят надо было привезти из самых дальних концов страны. Их надо было разместить, накормить... Конечно, все они закаленные пионеры, и им ничего не стоит пойти в бой за коммунизм, и все-таки... Все-таки надо, чтобы майки, трусики, рубашки у них были чистые и не драные, чтобы они были вымыты, чтобы отдыхали после каждого, очень напряженного дня слета. Сколько таких вопросов — множество! И не один из них не считался мелким. Какая же это мелочь: приедет парнишка издалека и в голове у него вши...

Кто же должен всем этим заниматься? Связываться с губерниями, областями, округами, встречать, размещать, проводить всю огромную программу слета? Конечно, штаб. Это военное слово и тогда было в такой же чести, как сегодня. Был создан Центральный штаб по проведению I Всесоюзного слета юных пионеров. И в штаб этот входили молодые люди, которые смело брались за решение самых сложных вопросов.

В Краснопресненском районе, недалеко от знаменитой Трехгорной мануфактуры, есть улица Анны Северьяновой. Она названа в честь женщины, которая многие годы была директором знаменитой фабрики, пользовалась уважением и авторитетом не только у ткачих «Трехгорки», но и у всех москвичей. В 1929

Делегатов встречали на каждом московском вокзале.

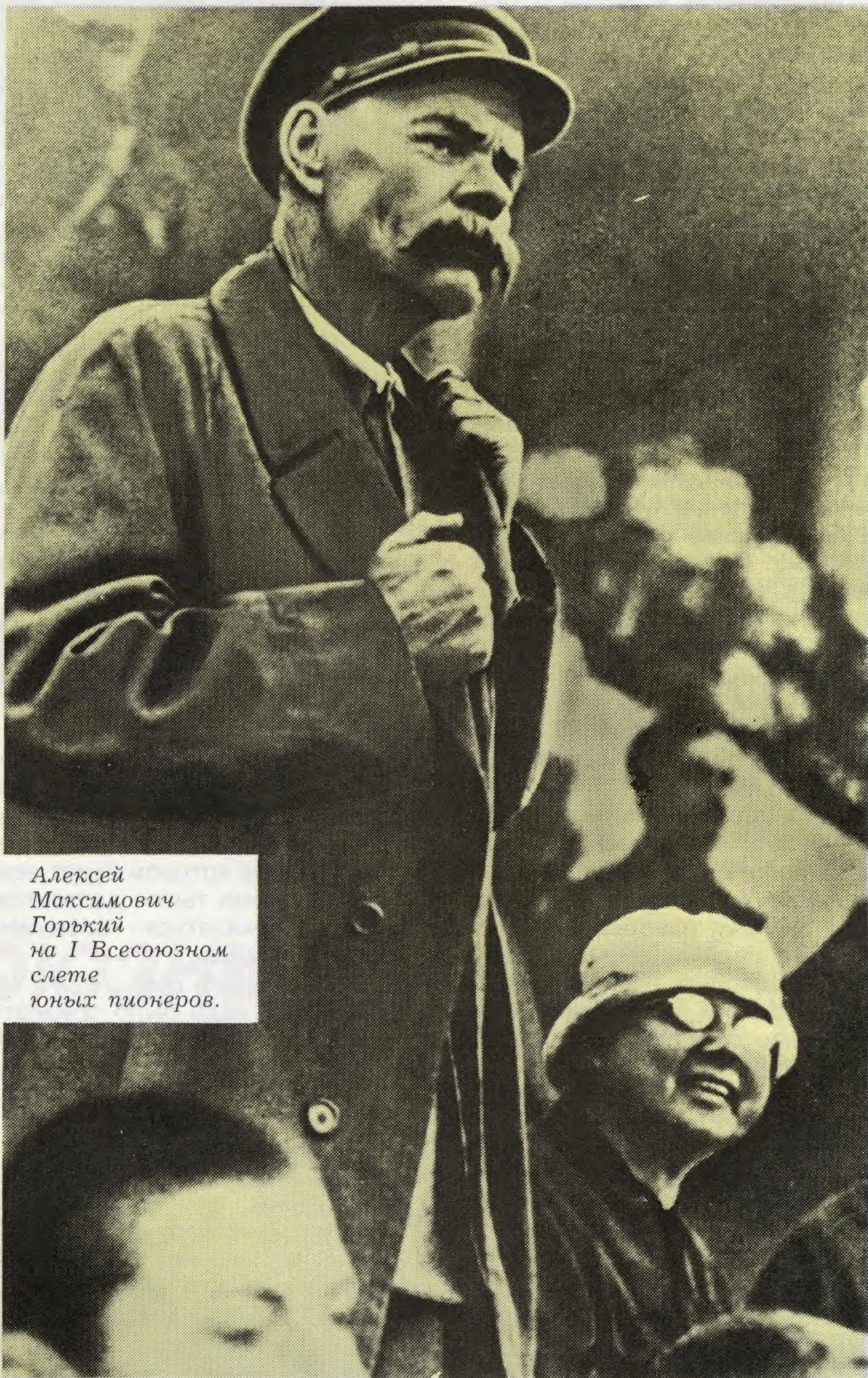
году Нюра Северьянова (так ее тогда все звали) была председателем Центрального Бюро юных пионеров. И начальником Центрального штаба слета. Я помню Нюру, когда она еще в 1926 году была секретарем комсомольской ячейки на фабрике «Туркшелк» Хамовнического района. Молоденькая, тоненькая девушка с тихим голосом, она, казалось, меньше всего подходила на роль «начальника». Так казалось. А на самом деле... Нюра держала в памяти сотни фамилий, названий городов и сел, учреждений, даже телефонов. Поручения, которые она давала, были всегда предельно ясными, четкими, и каждый знал: Нюра не забудет спросить, что и как сделано. Десятки людей обращались к ней со своими вопросами. И у каждого вопрос самый срочный. И решить его необходимо немедленно, хотя бы в ущерб всем другим... Тихий голос Нюры охлаждал самую горячую голову, вносил порядок в очередность самых внеочередных дел. Все мы были отчаянными спорщиками, у каждого всегда находились взаимоисключающие предложения. С Нюрой мы никогда не спорили при всем равенстве отношений, которые тогда были почти законом.

Не спорили мы также и с заместителем председателя ЦБ и заместителем начальника штаба Антоном Высоцким. Антон был внешне человеком совершенно противоположного склада, нежели Нюра. Высоцкий, нервный, ироничный. Памятью он мог посоперничать и с Северьяновой. Помнил по именам почти всех московских вожатых, которые помогали в организации слета. А их было не меньше сотни. Ну, а кроме памяти был у Антона Высоцкого блокнотик, куда он микроскопическим почерком, одному ему известными сокращениями, чуть ли не шифром, записывал: кто, что, когда...

Штаб слета разместился в гостинице «Новый Восток», на Старой площади. Гостиница была добротная, купеческая, но вообще-то для нас неудобная: ковры, всякие там пуфики да кокетливые столики с тоненькими резными ножками... Зато в каждом номере телефон, что по тем временам было редкостью. Из-за телефонов мы и влезли в эту презираемую нами купеческую роскошь.

Итак, первая и, пожалуй, главная забота: где разместить несколько тысяч детей? Гостиниц в городе мало, и они все заняты. Устроить детей в пустующих школах? Но где тогда взять кровати, белье? И вот возникла идея, подала ее Нюра Северьянова: разместить ребят, приезжающих на слет, в семьях московских рабочих... Когда комсомольцы стали говорить об этом на московских фабриках и заводах, рабочие завалили штаб письмами-приглашениями. А ведь только ничтожная часть москвичей жила в отдельных квартирах. Обычно рабочая (да и не только рабочая) семья занимала одну-две комнаты в коммуналке. И все же в штаб поступило 18 тысяч приглашений... «Прошу прислать мне на квартиру двух делегатов (если можно, девочек). И муж, и ребята очень просят не отказать в нашей просьбе», — писала в одном таком письме московская работница.

Теперь комсомольцам надо было обследовать эти 18 тысяч квартир, выяснить, можно ли там поселить на неделю еще одного человека. И надо было предостеречь добрую хозяйку, чтобы маленького гостя не обкармливали и не развлекали — он будет приходить с очередного мероприятия слета усталый, сразу ляжет спать. Комсомольцам надо было позаботиться

Алексей Максимович Горький на I Всесоюзном слете юных пионеров.

и о врачах. Более 800 врачей и сестер обслуживали слет.

И до чего же все славно получилось! В каждом доме гостю уступали лучшее место для сна; заботливая хозяйка стирала ему белье, чинила одежду: не теперешнюю красивую форму, которую носят на парадах пионеры, а форму тех лет, уже порядочно обносившуюся, требующую почти ежедневного ремонта. И утром не отпускали гостя не накормивши, не напоивши чаем.

В Центральном парке культуры и отдыха, который разместился на территории бывшей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, сохранились огромные павильоны. В них устроили столовые. С погодой нам повезло, было сухо, и частенько столы для обеда расставлялись прямо под открытым небом.

В те годы почти единственным видом транспорта в Москве был трамвай. Все делегаты слета получили право бесплатного проезда на трамвае, да еще право входа с передней площадки. А это привилегия была немалая: на задней площадке, двери которой никогда не закрывались, всегда висел хвост втискивающихся в переполненный трамвай пассажиров. Через переднюю площадку — значит, без очереди — могли садиться лишь милиционеры. Был еще один вид транспорта у делегатов, и, пожалуй, самый надежный, — ноги. Многие ребята предпочитали на все мероприятия слета ходить пешком, а то и бегать — так оно надежнее. Им уступали дорогу, милиционеры останавливали транспорт, чтобы пионеры могли перейти улицу. Красный галстук в те дни служил пропуском и в музеи, в театры, кино.

Портрет делегата

Делегаты Всесоюзного слета выбирались в пионерских отрядах, на общегородских собраниях пионеров. На слет выдвигали самых активных и боевых ребят. Из деревень, кишлаков, аулов на лошадях и пешком добирались пионеры до больших городов, а оттуда уже целой делегацией под руководством вожатого поездом отправлялись в Москву. Для большинства ребят это было первой поездкой в советскую столицу, а для многих — первой в жизни поездкой в поезде. На станциях делегатов встречали местные пионеры с цветами, гостинцами...

Их ждали на каждом московском вокзале. Дежурный работник штаба, дежурное звено одного из московских отрядов. Барабанщик от нетерпения тихонько выбивал палочками дробь, горнист пробовал свой горн, ответственный дежурный мучил начальника станции вопросами: где же поезд? А поезда... Поезда и тогда опаздывали.

Но вот получено сообщение, что через 10—15 минут прибудет поезд. Из трамвайного депо вызывается специальный трамвай, и пионерское звено с горном и барабаном, нетерпеливо переминаясь, выстраивается на перроне. Поезд подходит, из окон выглядывают мальчики и девочки — белоголовые и черноголовые, смуглые и белокожие, с темными и светлыми глазами,— и все в пионерских галстуках, и все возбуждены и радостны.

Сначала делегаты едут в районный штаб, на них заполняют карточку, их кормят, поят чаем, забрасывают вопросами и, наконец, расселяют. У гостей еще есть часть дня, чтобы познакомиться с хозяевами, рассказать им и сбежавшимся со всей округи ребятам о том, как живут в тех местах, откуда делегаты родом. Некоторым хозяевам особенно повезло: их гости из Киргизии, Калмыкии, Кабарды — интересно узнать про эти неведомые края.

А карточки делегатов везут на Старую площадь в Центральный штаб, и там большой любитель статистики Саша Бойм начинает над ними колдовать. Все мы хотим тотчас узнать: что из себя представляют делегаты? Саша Бойм заканчивает работу только к открытию слета, и мы сразу бросаемся изучать его таблицу.

На слет приехало 6738 делегатов. Девочек — 2595: это составляет 38,5% — девочки не обижены! А какого возраста делегаты? До 11 лет — 59 человек, 12—13 лет — 710, а остальные — мальчики и девочки 14—15 лет. Зато национальности — настоящее интернациональное братство.

Конечно, больше всего русских, украинцев, белорусов, есть ребята из всех союзных республик, а еще чуваши, немцы, башкиры, мордва, венгры, греки, кабардинцы, чеченцы, адыгейцы, ногайцы, буряты, якуты, ассирийцы, цыгане...

Единой пионерской формы еще нет, ребята одеты так, как они одеваются дома, и толпа делегатов расцвечена папахами туркмен, черкесками кавказцев, тюбетейками узбеков...

Есть еще интересные цифры: делегаты — чьи они дети? Детей рабочих — 3014, детей батраков — 147, детей служащих — 1178, детей крестьян — 1180, детей колхозников — 337. Некоторые из этих цифр непонятны теперешним читателям. Крестьян много, а колхозников мало. Но в 1929 году так и было — большинство крестьян еще в колхозы не вступили. А есть одна совсем уже малопонятная цифра —147 детей батраков. Батраки — это крестьяне, которые не имели ни своей лошади, ни плуга для пахоты, ни коровы. Они нанимались работать к богатым крестьянам — кулакам. Они батрачили. И несладкой была их жизнь. Платили им мало, а работать заставляли много...

В таблице, составленной Сашей Боймом, была еще одна цифра, которую надо объяснить теперешним читателям. Ребят на слет приехало почти 7 тысяч. А из них учились в школе только 5402 человека. Как же так? А что делали остальные ребята? 1154 мальчика и девочки (а это почти 17,1% всех делегатов) не учились потому, что работали по найму. Кто батрачил в деревне, кто был учеником на подхвате в кустарных мастерских, кто разнорабочим на фабрике, кто газеты продавал... Им приходилось зарабатывать на хлеб. Себе и семье. Не в каждой семье был кормилец, еще десяти лет не прошло, как закончились гражданская война, разруха, голод, унесшие сотни тысяч людей.

Кончается подготовка к слету. Во всех газетах и журналах печатают фотографии делегаций, прибывающих в Москву. И в главном пионерском журнале «Пионер» поэт Михаил Светлов пишет:

И время поет,
И юность зовет —
Советский Союз
Призывает на слет!

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Фотографии из архива В. А. ГУСЕВА.

Каких только смен и слетов не бывает в «Артеке»! Всесоюзный пионерский лагерь собирает у ласковых волн Черного моря и пионерских активистов, и юнкоров, и юных друзей космонавтов, пограничников...

Был недавно в «Артеке» и слет участников пятилетки трудовых пионерских дел.

Трудовые пионерские дела бывают самые разные. Это и такие привычные, всем изрядно поднадоевшие, но по-настоящему нужные для народного хозяйства сбор макулатуры и металлолома. Это и посадка деревьев в лесах и на улицах городов, и уход за насаждениями, и уборка улиц. Это и помощь взрослым в уборке урожая, выращивание кроликов, овец...

Да мало ли еще трудовых дел у пионеров. Если искать, то работу можно найти всюду — работу, общую с работой всех советских людей, помогающую нам лучше жить и быстрее двигаться вперед...

На слете в «Артеке» побывал **художник Л. В. ВЛАДИМИРСКИЙ** и привез оттуда целую папку рисунков. Некоторые из них вы видите на этих страницах.

Галя Цветкова из Горьковской области. Ее отряд занимается сбором лекарственных трав, делает елочные посадки, помогает в уборке картофеля и сушке льна.

Роза Худайберганова из Хорезмской области (Узбекистан). На ее счету несколько тонн собранного хлопка.

Оксана Гуцаленко из Амурской области. Она бригадир пионерского кролиководческого звена.

Андрей Кравец из Оренбургской области. Его отряд взял шефство над одной из улиц своего города.

Баян Ешимова из Павлодарской области (Казахстан). Ее отряд помогает совхозу выращивать овец.

IX ПИОНЕРСКОМУ СЛЁТУ·

САЛЮТ

В августе — сентябре этого года в «Артеке» пройдет IX Всесоюзный слет пионеров.

Слет примет Обращение ко всем пионерам Советского Союза. Проект Обращения вы уже читали в «Пионерской правде», обсуждали в отрядах и, наверное, послали свои пожелания и уточнения в редакцию.

В дискуссионных центрах слета ваши делегаты будут говорить о задачах пионерии на сегодняшний день, о том, как добиться истинного самоуправления в отрядах и дружинах, вспомнят лучшие традиции пионеров прошлых лет. Надеемся, что разговор этот будет принципиальным и интересным. А главное — нужным всем пионерам Советского Союза.

На IX Всесоюзный слет пионеров наш журнал посылает своих корреспондентов:

Константина ТРЯСУНОВА, ученика 8 «Б» класса школы № 91 г. Свердловска, юнкора отряда «Каравелла», штурмана пионерской флотилии;

Георгия БОЧЕНИНА, ученика 6 «Д» класса школы № 45 г. Свердловска, юнкора отряда «Каравелла», штурмана пионерской флотилии;

Егора ПОДОЛИНСКОГО, ученика 8 «Г» класса школы № 36 г. Свердловска, юнкора отряда «Каравелла», штурмана пионерской флотилии;

Ларису МЕРВИНСКУЮ, ученицу 8 «Б» класса школы № 17 г. Симферополя, члена юнкоровского разновозрастного отряда «Синий краб — зюйд»;

Артура ПИНЧУКА, ученика 7 «Б» класса школы № 7 г. Симферополя, члена юнкоровского разновозрастного отряда «Синий краб — зюйд»;

Андрея ЩИКОВСКОГО, ученика 7 «А» класса школы № 2 г. Обнинска Калужской области, члена совета юнкоровского разновозрастного отряда «Солярис»;

Михаила ФУРМИНСКОГО, ученика 7 «А» класса школы № 8 г. Обнинска Калужской области, члена юнкоровского разновозрастного отряда «Солярис»;

Евгения КУЗИНА, ученика 9 «А» класса школы № 5 г. Пятигорска, командира пионерско-комсомольского юнкоровского отряда «Пламя»;

Андрея МОСКАЛЕНКО, ученика 6 «В» класса школы № 5 г. Пятигорска, старшего юнкора пионерско-комсомольского юнкоровского отряда «Пламя».

Этих ребят выбрали не взрослые, их предложили отправить юнкорами на слет сами отряды. А чтобы всем стало понятно, почему именно эти юнкоры удостоились такой чести, отряды рассказали о своих товарищах.

ВНИМАНИЕ! В первых номерах журнала за 1988 год читайте заметки наших юнкоров о IX слете пионеров.

КОСТЯ ТРЯСУНОВ — один из самых спокойных и деловитых людей в нашем отряде. Эти черты характера он демонстрирует в разных ситуациях: и на яхте, когда ее кладет на борт штормовой ветер, и в не менее «штормовых» корреспондентских делах.

Командирское звание в отряде присваивают не без «скрипа», но с Костей получилось иначе. Перед праздником Весеннего равноденствия, когда совет обсуждал, кому выдать штурманские шевроны, большинство удивилось: «А разве Трясунов еще не штурман?»

Именно из таких ребят получаются настоящие капитаны «Каравеллы».

ГОША БОЧЕНИН — человек веселый и серьезный одновременно. Его сказки и заметки постоянно появляются в отрядной газете «На абордаж!». Когда идет ремонт парусных судов, здесь неизменно неунывающий Гошка. В споре о важных пионерских делах обязательно слышно его веское слово.

Гоша Боченин не отказывается ни от какой работы. Лишь однажды он заспорил, когда ему предложили в отрядном фильме «Три мушкетера, или Двадцать лет спустя» играть короля Людовика XIV. Гоша заявил, что этот монарх был отвратительным типом и поэтому перевоплощаться в него не намерен. Гошу убедили, что в сценарии король совсем не тот: он всячески помогает мушкетерам и доводит до сердечных приступов бедного кардинала. Гоша вдохновился и, по мнению зрителей, создал блистательный кинообраз.

ЕГОР ПОДОЛИНСКИЙ, штурман пресс-центра и флотилии «Каравелла» — человек, в котором неунывающий характер сочетается с умением серьезно относиться к делам. Он может затеять веселую возню и, если надо, тут же переключиться на срочное задание редакции. Егор пишет и короткие заметки, и остроумные повести с продолжением.

В жизни Егора не раз случались трудные моменты. Но он всегда держался молодцом, не забывал об отряде, о юнкоровской работе, о товарищах. За это его и ценят ребята.

ЖЕНЯ КУЗИН в отряде так давно, что, кажется, он в «Пламени» всегда. Он был барабанщиком, комендантом, флаговым, а потом его избрали коман-

диром отряда. Его фотоснимки часто появляются не только в местных, но и в центральных газетах и журналах.

В 1985 году Женя стал лауреатом Всесоюзного конкурса журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» «На лучшую юнкоровскую заметку». С января нынешнего года Женя — редактор пионерской газеты «Барабанщик», ежемесячного приложения краевой комсомольской газеты «Ленинец».

Кроме того, наш командир — большой любитель спорта: он занимается фехтованием и каждое утро проводит занятия отрядного спортклуба «Черепашка». Ну, и конечно, без Жениной гитары не обходится ни один отрядный праздник, ни один поход.

АНДРЕЙ МОСКАЛЕНКО был еще только кандидатом отряда, а Совет командиров уже назначил его заместителем командира группы «Салют». «Ну и что?»,— скажете вы. А то, что такое серьезное дело у нас поручают не всем «старичкам», не то что новичкам-кандидатам.

Когда мы стали думать, что еще рассказать об Андрее, то оказалось, что он:

— хороший друг;
— веселый человек;
— никому не отказывает в помощи;
— умеет работать на совесть.

Правда, ему пока не хватает юнкоровского опыта, но он очень хочет научиться и хорошо фотографировать, и писать заметки.

И вообще весь отряд считает, что Андрей — парень во!

АРТУР ПИНЧУК — очень дотошный человек. Если в поход идет Артур, никто не забудет котелки, палатки, колышки. На яхте, где он рулевой, ни один новичок не окажется без спасательного жилета. В корреспонденции Артура вы не встретите лишних мелочей. А еще Артур — фотокорреспондент. А группа барабанщиков, которой он командует, готовит пионеров-инструкторов для дружин города.

ЛАРИСА МЕРВИНСКАЯ появилась в отряде летом. Наше отрядное помещение пахло краской и морем. Морем потому, что вместе с ребятами из путешествия приехали раковины, якоря и канаты... Краской, потому что у нас был ремонт.

Барабанщики привели в отряд гостью: «Знакомьтесь, Лариса. Мы ее по лагерю знаем. Со всеми спорит. Не верит, что могут быть отряды, как наш...»

А потом оказалось, что Лариса умеет не только спорить, но и работать, не ныть в походах, быть верным товарищем.

Лариса стала редактором и командиром пресс-центра.

«Я знаю, какой будет пионерская организация через пять лет»,— утверждает Лариса. Вот мы и решили, пусть Лариса едет на IX Всесоюзный слет, пусть поделится своими мыслями с другими ребятами.

АНДРЕЙ ЩИКОВСКИЙ у нас отвечает за переписку с другими отрядами.

Он барабанщик.

Часто в «Солярис» приезжают гости: юнкоры из других городов, ребята из Азаровского детского дома. В гостинице всех разместить трудно, и тогда члены отряда «разбирают» гостей по домам. Андрей — самый гостеприимный хозяин, он никогда не оставит своего гостя дома, если идет с одноклассниками в кино или гулять.

А когда «Солярис» собирал книги для отправки в детские дома страны, Андрей и его товарищ Дима Неминущий принесли в отряд более ста книг, при том что весь «Солярис» собрал пятьсот.

МИША ФУРМИНСКИЙ — человек принципиальный, и у него самый большой стаж в отряде. Он редактор альманаха, художник, в школьном пионерском отряде — звеньевой. Все Миша ценит по самому высокому счету. На праздновании 15-летия отряда Мишу наградили грамотой. А он вернул ее: «Считаю себя недостойным. Потому что мы, и я в том числе, работали удовлетворительно». Как Совет ни старался, не смог переубедить Мишу.

Свое участие в IX Всесоюзном пионерском слете Миша расценивает как работу, а не как награду.

Внимание! Командировка «Пионера»!

Приглашаем **всех юнкоров** к серьезному разговору.

Для начала прочитайте это письмо.

«Здравствуй, «Пионер»!

Мне 14 лет, учусь в 7-м классе. Учусь хорошо, без троек. Я не обычный «серенький» пионер, которому на все наплевать. Я — член совета дружины, ездил в «Артек», у меня много грамот.

Теперь к делу. Я опросил ребят 7-х, 6-х, 5-х классов нашей школы, уважают ли они пионерскую организацию. Все они в ответ лишь крутили пальцем у виска: «Ты чего, парень, того?»

Да, она была нужна в двадцатые — тридцатые годы, когда перед молодыми людьми стояло много проблем. А во что она превратилась сегодня?

«Пионер — значит первый» — всем знакомая истина. Ну, а если все пионеры? Что же, все первые, что ли? Вам не кажется, что пионерская организация сейчас должна быть иной?

Вот беру план нашей дружины: 10 апреля — линейка «Открытие Ленинской недели» — это час стоять и слушать всем давно известные факты из жизни Ленина; 1—18 апреля — конкурс чтецов стихов о Ленине (по секрету: конкурс не состоялся — никто не пришел); 3 мая — смотр строя и песни (никому он не нравится); 9 мая — конкурс рисунков (извините, кому это нужно?). Я еще опустил все линейки. А субботники? Кидаем бесцельно снег с места на место. Кто не явится на субботник — запись в дневник или «лекция» о первых субботниках (где, кстати, делали нужные дела — ремонт вагонов, стройки и т. д.). Как надоело! Неудивительно, что половина дружины не носит галстуки.

*Мое мнение: в пионеры принимать надо не всех ребят с 9 до 14 лет, а лишь **достойных этого звания.** Мне хочется узнать мнение по этому вопросу ваших читателей.*

До свидания. Имя и фамилию не указываю. Все равно ведь письмо не напечатаете».

Итак, не назвавший себя автор считает, что:

1) многие пионеры не уважают свою организацию;

2) сейчас организация не ставит перед молодыми людьми таких важных задач, как это было в двадцатые — тридцатые годы;

3) советы дружин составляют скучные планы работ, а потому никому не нужные;

4) вместо того, чтобы приносить пользу стране, на субботниках пионеры бесцельно проводят время;

5) в пионеры надо принимать только достойных, а не всех поголовно.

Своим юнкорам — участникам IX Всесоюзного пионерского слета журнал «Пионер» дает следующее задание:

выяснить, что делегаты думают по каждому утверждению этого письма;

по итогам опросов написать корреспонденцию и прислать в конце IX слета в редакцию.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ ЮНКОРОВ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»! Вы также получаете это задание: ОБСУДИТЕ ПИСЬМО В ДРУЖИНАХ И ОТРЯДАХ ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ И ШКОЛ.

Ваши корреспонденции ждем до 1 ОКТЯБРЯ 1987 года.

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ.

На конверте напишите: **«Редакционное задание».**

А ЕЩЕ НА СЛЕТ ПИОНЕРОВ ПОЕДУТ

активисты музейной работы:

Ирина КЛИМЦОВА, ученица 7 «Б» класса школы № 59 г. Брянска, член совета отряда, экскурсовод школьного музея;

Светлана ДЕНИСОВА, ученица 6-го класса школы № 1 г. Тотьмы Вологодской области, экскурсовод народного музея Н. Рубцова, созданного при школе.

Лети, песня-молния!

Подведены итоги конкурса на лучшее стихотворение и лучший текст пионерской песни. Жюри «Песни-молнии» — так назывался конкурс — поздравляет победителей.

Победителями стали: Светлана АРТЕМОВА из Волгоградской области, Станислава БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ из Душанбе, Диляра ГИЛЕМХАНОВА из Кировограда, Елена ЕРМАКОВА из Чернигова, Елена КИСЛЯК из Братска, Антонина КОРНАУХ из Брянской области, Оксана КУЗЬМЕНКО из Читинской области, Ирина ЛАУШКИНА из Оренбургской области, Даниил МИШИН из Ленинграда, Мария ПАСЕЧНИК из Москвы, Марина ПОЛУНИЧЕВА из Брянской области, Оксана РАЗСОЛОВА из Киева, Евгения СИНЯКОВА с острова Сахалин, Оксана ФИТИСОВА из Амурской области, Светлана ФОНОВА из Куйбышева, Лариса ШИБИНИНА из Смоленской области, Ольга ШКЛЯЕВА из Удмуртии, Анастасия ШУВАЛИНА из Минска, Ольга ЧИКИШЕВА из Московской области, Анна ЯКИМОВА из Липецкой области.

Как видите, среди победителей только один мальчик. Что же, мальчишки стихов совсем не пишут, что ли? Не может быть! Скорее стесняются их показывать. И напрасно!

Победители станут участниками IX Всесоюзного пионерского слета. А в октябрьском номере «Пионера», в специальном выпуске «Кораблика», вы найдете лучшую песню нашего конкурса. На стихи Ларисы Шибининой ее написал композитор Игорь Пинхасов.

Теперь загляните на последнюю обложку, в «Кораблик». «Песня-молния» не прощается с вами.

Рисунки И. ПАНКОВА.

Редакция журнала „ПИОНЕР"
Издательство Правда
г. Москва
август-сентябрь 1987

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Косте Трясунову, Гоше Боченину, Ларисе Мервинской, Артуру Пинчуку, Андрею Щиковскому, Жене Кузину, Андрею Москаленко, Мише Фурминскому, Егору Подолинскому.
(фамилия, имя, отчество)

командированным на IX Всесоюзный слёт пионеров
(пункты назначения)

задание обсудить с делегатами напечатанное выше письмо

Срок командировки все дни слёта

Владислав КРАПИВИН

Оранжевый портрет с крапинками

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 4—7.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Все не так...

Фаддейкина мать приехала рано утром. Юля проснулась в полседьмого и услышала на дворе незнакомый громкий голос. Голос Фаддейки и Киры Сергеевны она тоже услышала. Они перебивали друг друга. Разговор был шумный, суетливый и, видимо, веселый...

Юля почему-то вздохнула и стала торопливо одеваться.

Познакомились они во время завтрака. Когда Юля вошла в кухню, все уже были за столом, покрытым новой цветастой скатертью (подарок, что ли?). Фаддейкина мать сидела там, где обычно садилась Юля, а Фаддейка устроился рядом. Был он непривычно причесанный, в чистой белой маечке, сдержанный, но его веснушки так и сияли тихой радостью.

Все трое заулыбались навстречу Юле, а Фаддейкина мать сказала:

— Простите, кажется, я устроилась на вашем месте...

— Вот пустяки какие...— сбивчиво ответила Юля и потянула из-под стола четвертый табурет. Фаддейка коротко засопел, и мать быстро и ласково посмотрела на него.

Она понравилась Юле. Она действительно была красива — той сдержанной красотой, которая не режет глаза, но такая законченная, «стопроцентная», что не к чему придраться. Каштановые волосы, мягкий взгляд, замечательно очерченный рот с крошечной родинкой над верхней губой (словно туда перескочила одна из Фаддейкиных веснушек).

Юля всегда любовалась такими женщинами спокойно и без малейшей зависти. Зависть была бессмысленна. Юля знала, что гадкие утята иногда превращаются в белых лебедей, но взрослая серая гусыня лебедем никогда не станет. У нее одна задача: хотя бы среди гусей не выглядеть слишком захудалой...

Фаддейкина мать, ласково лучась глазами, сообщила Юле, что ее зовут Виктория Федоровна и что наконец-то она вырвалась из «суеты цивилизации» и несколько дней будет здесь, в тишине, спасаться от своей сумасшедшей работы.

Это известие почему-то слегка раздосадовало Юлю, и она старательно улыбнулась в ответ. Завтрак прошел с ощущением легкой неловкости, хотя улыбки продолжали цвести, а Виктория Федоровна шутливо ругала Фаддейку за сопение и чавканье.

Из кухни Юля поспешно ушла к себе. Идти в библиотеку надо было только к десяти. Юля написала письмо домой, пришила пуговицу к ветровке, починила босоножку, у которой оторвался ремешок, минут пятнадцать почитала без интереса купленный накануне номер «Огонька» и отправилась на работу.

У калитки она увидела Фаддейку с матерью.

Фаддейка был еще больше непривычный и незнакомый.

Если бы Юля повстречала на улице такого мальчугана — с аккуратно расчесанными (и вроде бы даже подстриженными) оранжевыми локонами, старательно умытого, в отглаженных светлых брюках и голубой рубашке с погончиками, она обязательно подумала бы: «Ишь какой славный...» Но прежний Фаддейка куда-то исчез. Лишь искорка в левом глазу напомнила о нем, когда ухоженный мальчик улыбнулся Юле.

Виктория Федоровна тоже улыбнулась. И сообщила:

— Мы отправились гулять. Это чудо-юдо обещает таскать меня целый день по каким-то «своим» местам... Имей в виду, дорогой мой, что на колокольню я все равно не полезу...

Фаддейка еще раз пустил привычную искорку и радостно сказал Юле:

— Пошли с нами!

Юля покачала головой и показала часы.

— Ну тогда завтра! Юль! За грибами! В лесу, знаешь, сколько груздей!

Глядя на его причесанную макушку, мать плавно сказала:

— Ты, наверно, хочешь, чтобы Юле поставили двойку за практику. Не забывай, что у нее на первом месте должна быть учеба.

— В самом деле,— сдержанно согласилась Юля. Неловко подмигнула Фаддейке и пошла в библиотеку.

В этот день было неожиданно много читателей. То ли соскучились по книжкам за каникулы, то ли просто школьники разом съехались в родной городок из лагерей и гостей перед началом занятий. Кроме того, Юля ходила по двум адресам — искала «должников». Один был в отъезде еще, а второй — восьмилетний большеглазый пацаненок — с перепугу забрался в старый курятник: решил, что за утерянные на рыбалке «Приключения Травки» его сейчас поведут в милицию. Пришлось вместе с бабушкой извлекать ревущего читателя на свет и успокаивать...

В таких делах время летело незаметно. В середине дня Юля сумрачно поклялась себе, что на почту не пойдет. И не пошла. И даже не очень думала о письме, потому что царапала ее другая тревога: из-за Фаддейки. Хотя, казалось бы, что

случилось? Мать приехала, отмыла, приласкала, радоваться надо.

«Увезет она его скоро»,— печально сказала себе Юля. И сразу же сердито возразила:

«Ну и увезет! Что это, новость для тебя?»

«Не новость, но все равно грустно».

«Грустно не грустно, а все на свете когда-то кончается».

«Как-то не так кончается. Не по-хорошему...»

«Перестань!» — одернула она себя.

Но беспокойство не прошло. И Юля не удивилась, а только еще больше запечалилась, когда пришла домой и увидела на своем крылечке Фаддейкину мать. Не было сомнения, что она поджидала Юлю.

Виктория Федоровна ласково сказала:

— Вот вы и вернулись... Как дела, Юленька?

Юля аккуратно улыбнулась:

— Дела обычные — библиотека. Никакой романтики... Особенно если смотреть со стороны.

— Вы, наверно, скучаете в здешнем захолустье?

— Некогда скучать-то. Работы невпроворот.

— А по вечерам? Тут и сходить некуда...

— Вы знаете, я домоседка.

— Так и сидите в этой конуре?.. Кстати, как вы там устроились? Можно взглянуть?

— Вполне уютно устроилась,— опять улыбнулась Юля.— Заходите...

В комнате она подвинула Виктории Федоровне единственный стул, сама присела на топчан. Фаддейкина мать со старательным любопытством оглядывала пустые углы и дощатые стены. Молчание затягивалось. Чтобы разбить его, Юля спросила:

— Как погуляли?

— Ох, он умучил меня! Таскал по каким-то развалинам, по зарослям... Брюки изорвал, погон отодрал на рубашке. Я еле дышала, когда вернулась... Представляю, как надоел он вам!

— Почему?

— Он мне только про вас и говорил. Наверно, целые дни от вас не отстает...

— Да что вы, Виктория Федоровна! Днем я на работе.

— Ну, утром и вечером... Вам и отдохнуть-то некогда.

— Он мне ни капельки не мешает.

— Юля...— мягко сказала Виктория Федоровна.— Дело не только в вас... Дело в нем.

— А... что случилось? — с неприятным ожиданием спросила Юля.

— Не случилось, но... поймите меня правильно. Эта его привязанность к вам... Он непростой ребенок. Излишне впечатлительный, фантазер. И я, честно говоря, опасаюсь...

— Боюсь, что я все-таки не понимаю вас,— насупленно сказала Юля. На нее навалилась тяжелая неловкость.

— Сейчас я объясню... Думаете, он только с вами так? У него странный интерес ко взрослым людям. Он прилипает к ним, морочит головы своими выдумками, мучает вопросами. А потом мучается сам: вспоминает, писем ждет. А какие письма? У взрослых людей свои дела, они забывают мальчишку через неделю после отъезда...

Юля могла бы сказать, что она Фаддейку не забудет и письма писать станет обязательно. Сама знает, как плохо без писем. Но она понимала, что эти слова Викторию Федоровну не обрадуют. Она только сказала:

— Что поделаешь, раз такой характер...

— Дурацкий характер! — с неожиданной плаксивой злостью отозвалась Фаддейкина мать. И сразу перестала быть красивой.— Я замучилась... Выдумал себе предка-адмирала, переделал нормальное имя Федор (в честь деда!) в какого-то Фаддея. И ведь заставил всех признать себя Фаддеем!.. А эти непонятные слезы по ночам! Спрашиваю: что случилось? Какой-то Вова Зайцев из их класса уехал в другой город. Но они с этим Зайцевым сроду не были приятелями! А он ревет: «Теперь уже никогда и не будем...»

— Выходит, не только среди взрослых он друзей ищет,— вставила реплику Юля.

Виктория Федоровна утомленно замолчала. Юля добавила:

— Бывает, что он целый день с мальчишками носится. Мяч гоняют, плот строят. Шар недавно запустили...

— Ну да, шар! Он мне писал. Марсианский глобус... Вы, наверно, не видели его «Марсианский дневник», он его ни единому человеку не показывает. Я однажды нашла и заглянула...

Юля пожала плечами:

— Чуть не все ребята фантастику сочиняют. Даже в здешней библиотеке куча рукописных журналов.

— Да, но какая фантастика! Знаете, как начинается его тетрадка? «Это самая настоящая правда! Это больше правда, чем наш город, наш дом и я сам. Потому что, если я даже умру, Планета останется. И лишь бы они больше не воевали...» Это в его-то годы! Умирать собрался.

— Это же просто сказка...

— Вот именно. И я очень боюсь, что он вырастет беглецом от действительности.

Юля спросила тихо и с неожиданной злостью:

— От какой действительности? От вашей?

Виктория Федоровна медленно посмотрела на нее и покивала:

— Вот-вот. И вы туда же... А действительность, Юленька, одна. И довольно суровая.

— Не в суровости дело. Тошно иногда от этой вашей действительности,— уже без оглядки сказала Юля.— Скучно среди импортных шмоток, служебной грызни и вечных стараний устроить свою жизнь на зависть другим. И вечного страха за это свое благополучие...

Виктория Федоровна не вспылила, не встала и не хлопнула дверью. Посмотрела с ироническим и грустным интересом.

— Вы, видимо, всерьез считаете меня модной, свободной от мужа дамочкой на престижной должности? Ведет, мол, светскую жизнь, разъезжает по заграницам... А я изматываюсь на работе, мне поперек горла эти поездки... Если бы не они, я бы ни за что сюда сына не отпустила.

— Это не спасло бы его от «ненужных» друзей,— поддела Юля.— Они везде найдутся.

— Вы правы, они везде есть... Я вот про письма говорила. Не все ведь забывают, кое-кто пишет. Видимо, такие же, как он сам. У моего сыночка на этих людей особое чутье. Которые не от мира сего...

— Ну, спасибо,— хмыкнула Юля.

— Ох, только не обижайтесь! Мы же говорим откровенно.

— Да уж куда откровеннее...

— Я мать. И я хочу, чтобы у меня был нормальный ребенок. А пока это какой-то... репейник. С ним даже в гости пойти страшно: или фокус выкинет, или не успеешь мигнуть, как в неряху превратится...

Глядя в потолок, Юля отчетливо проговорила:

— А вы заведите себе пуделя. Его можно приче-

сывать и дрессировать. И модно, если породистый...

«Вот и все,— подумала она.— Придется переезжать в библиотеку. Из этого дома меня сегодня попрут».

Но Виктория Федоровна не рассердилась и сейчас.

— Юленька... Самое простое дело — быть жестокой,— печально сказала она.

Юля сникла. И огрызнулась:

— Вот и не будьте жестокой к Фаддейке, не бросайте на все лето. Он так по вас скучал, а вы...

— Кажется, не очень скучал. Ему было с кем время проводить.

Юля опять разозлилась. А Виктория Федоровна продолжала:

— Его я еще могу понять. Его причуды, фантазии, прилипчивость к чужим людям. В конце концов он мой сын... Но вам-то зачем это? Что вам сопливый и бестолковый мальчишка с грязными коленками? Вам нужен взрослый и представительный кавалер в расцвете сил и лет...

У Юли от новой, холодной злости будто колючими снежинками зацарапало лицо. Она взяла себя за щеки и с резким смехом сказала:

— Ну, вы договорились! Какие кавалеры? Что, по-вашему, я женить его на себе собираюсь?

— Господи, да при чем здесь это? Опять вы не поняли... Я не умею объяснить, а вы не пони-

маете. Может быть, поймете потом, когда будут свои дети...

Юля встала.

— Я надеюсь. Надеюсь, что будут. А понять нетрудно и сейчас. Ладно...— И, старательно подбирая официальные слова, она выговорила фразу: — Я учту ваши пожелания и постараюсь свести общение с вашим сыном до минимума.

Виктория Федоровна тоже встала.

— Я только хотела, чтобы...— Она замолчала, махнула рукой и вышла.

Юля легла на постель, прижалась щекой к холодной подушке.

«Юрка... Ну, что ты за свинья такая! Юрка, где ты наконец?»

Ночью шумел ветер, было холодно. Дзенькало в раме треснувшее стекло. Юля куталась в одеяло. По крыше стучали ягоды рябины.

Портрет

Утро пришло безоблачное. Оно обещало теплый день. Юля вышла из дома рано, чтобы успеть позавтракать в «Радуге». И еще чтобы не встретить Фаддейку.

Зачем теперь его встречать? Только душу бередить...

Но он сам догнал ее возле будки со сломанным телефоном. Пошел рядом. Такой же, как раньше (только майка выстирана да колючие локти отмыты докрасна). Глянул сбоку беспокойно и требовательно:

— Ты почему завтракать не пришла?

— Не хочется...

— Ты почему завтракать не пришла? — повторил он с той же интонацией, будто первый раз спросил.

Тогда Юля сказала прямо:

— Твоя мама на меня сердится.

Фаддейка фыркнул, будто в нос ему попало семя одуванчика:

— Подумаешь...

— Ничего не «подумаешь»... раз ей не нравится, что ты со мной подружился.

— Я с кем ни подружусь, ей никогда не нравится. Что ж тут делать?

Юля пожала плечами:

— Наверно, слушаться...

— Ага! А я ведь ей не указываю, где какого друга выбирать!

— Фаддейка,— со старательным укором сказала Юля.— Ты так скучал по маме, а теперь так про нее говоришь.

Он слегка сник, но ответил упрямо:

— Ну и буду скучать. А слушаться насчет этого не буду. Она не разбирается... А ты со мной не спорь!

— С тобой спорить, что носом гвозди вколачивать,— оттаивая, проговорила Юля.— Обормот рыжий...

Фаддейка запританцовывал рядом, растянул во всю ширь кривозубую улыбку, засверкал искоркой. Радостно сказал:

— А ты колокольня!

Они вышли на мост.

— А все-таки тебе влетит от мамы,— с беспокойством проговорила Юля.

— Не-а! Она же добрая!

— Она-то добрая. А ты? Ты любого доброго в рычащего тигра превратишь. Ну посмотри, опять майка скособочилась и шнурки не завязаны!

Фаддейка прищурил правый глаз и по-птичьи наклонил голову: что, мол, еще скажешь новенького? Юля засмеялась. Прежние ниточки опять соединялись между ней и Фаддейкой — как в порванном телефонном кабеле сращиваются сотни жилок одна к одной.

Фаддейка топал по самому краю моста. Настил покачивался.

— Ох, допрыгаешься, — привычно сказала Юля.

— Не-а... А помнишь, как вброд с тобой переправлялись? Можно еще.

— Вода уже холодная.

— Нисколечко. Я еще купаться сегодня буду.

— Ненормальный, да? И так сопишь без передышки.

— Ну, ладно, не буду... Или буду, знаешь, где? В Березовом лягушатнике, такое озеро в лесу есть. Маленькое, там вода прогретая... В воскресенье пойдем за грибами, и я тебе его покажу.

— За какими еще грибами? — опять засомневалась и загрустила Юля. Но Фаддейка весело сказал:

— Пойдем, пойдем!

Он проводил Юлю до «Радуги» и ускакал, хлюпая незашнурованными кедами. А у Юли до вечера было настроение, похожее на Фаддейкину улыбку. И чтобы не испортить его, она запретила себе идти на почту. Целый день возилась со стенгазетой «Здравствуй, День знаний!». Привлекла для этой работы двух послушных девочек-читательниц и «трудного пятиклассника» Валерку Лапина, который оказался прекрасным художником.

А вечером, когда Юля вернулась домой, стало известно, что Фаддейка уехал. С матерью.

— Ни с того ни с сего заторопилась,— сумрачно и как-то виновато объяснила Кира Сергеевна.— Фаддей, конечно, сперва ни в какую, да с Викторией много не поспоришь, она тоже упрямая. И билеты, оказывается, еще с утра купила. Куда тут денешься?

Юля потерянно стояла на крыльце. Было холодно. Она поежилась и тихо спросила:

— А он ничего не просил мне передать?

У нее вдруг появилась смешная надежда, что Фаддейка оставил ей на память портрет, нарисованный художником Володей.

— Ничего,— вздохнула Кира Сергеевна. — Он и со мной-то еле попрощался, уехал набыченный...

Юля пошла в свою пристройку.

«Ну, уехал и уехал,— думала она.— Что поделаешь. Может, и лучше так, без всякого прощания...» И было не очень даже грустно. Просто скучно как-то, пусто...

Нет, грустно все-таки. Плохо...

Следующий день Юля работала хмуро и ожесточенно, чтобы не думать ни о чем печальном. Снова поклялась себе не ходить на почту и не пошла. Не будет она больше изводиться. Увезла мать Фаддейку — ну и пусть! Не пишет этот дурак Юрка — ну и наплевать в конце концов! Скоро практике конец, а там новый семестр на носу. А в Октябрьские праздники — поход на Дедов Камень, там такие места...

Юля закончила с ребятами стенгазету, оформила стенд с рисунками, расставила книги на тематических витринах «Наши школьные ступеньки», перебрала картотеку младшего возраста, выдала

книги десятку читателей и села заполнять дневник практики... И тут ее сердитая энергия угасла, навалилась печальная усталость. И нельзя уже было ничем занять себя, не было сил приказать себе ни о чем плохом не думать.

Нина Федосьевна приглядывалась, приглядывалась и наконец сказала:

— Юленька, я бессовестная старая карга, я вас замучила...

— Да что вы, Нина Федосьевна!

— Вы за две недели сделали здесь больше, чем все мы за полгода... Вот что, Юля: к первому сентября почти все готово, и давайте договоримся — завтра у вас выходной.

— Да что я буду делать-то в этот выходной? — с искренним испугом спросила Юля.

— Читать, смотреть телевизор... Бродить по окрестностям с вашим верным оруженосцем.

«Уехал оруженосец»,— хотела сказать Юля и перепуганно сжала губы: вдруг поняла, что сейчас разревется. Она торопливо залистала попавшийся под руку номер «Юного техника», и Нина Федосьевна, кажется, что-то поняла. Заговорила тоже торопливо и чуть виновато:

— Ну, а если не хотите выходного, отдохните хотя бы сегодня. В клубе завода очень смешное кино идет, старое: «В гостях у Макса Линдера»... Или сходите за выставку! Во Дворце культуры изумительная выставка. Традиционная, осенняя... Кстати, чуть не забыла! Есть там и портрет нашего милого товарища Сеткина.

— Фаддейкин? — изумилась Юля.— Откуда? — И тут же поняла, что это художник Володя послал или привез портрет, написанный в прошлом году.— Ой, а какой он, Нина Федосьевна?

Та улыбнулась:

— Идите, идите, сами увидите...

Уже у входа в городской Дворец культуры — современную коробку с застекленным фасадом — Юля увидела, что никакого Фаддейкиного портрета здесь быть не может. Потому что Ежегодная Осенняя выставка была выставкой цветов.

Пожав плечами и досадуя на странный розыгрыш (столь несвойственный Нине Федосьевне), Юля вошла все-таки в вестибюль.

Цветов было великое множество.

Наклонные, уже по-вечернему золотистые лучи вливались сквозь стеклянную стену, и сотни причудливых букетов — маленьких и громадных — светились и переливались оттенками всех красок, которые сотворила на Земле матушка-природа. Цветы были всюду — на полу, на длинных скамьях и столах, на полках вдоль стен. Это было Великое Собрание Цветов. Георгины и астры, нарциссы и гладиолусы, настурции и анютины глазки, розы и садовые ромашки и еще сотни разных представителей цветочного народа собрались, чтобы показать друг другу и всему свету: вот какими мы выросли за лето, вот что сумели!

Юлино настроение подчинилось этому празднику лучей и радужного сияния. Не то, чтобы Юля стала совсем веселой, но успокоилась и грустные мысли загнала в дальние уголки памяти. Тихонько вздыхая и улыбаясь, пошла она вдоль рядов с букетами. И удивлялась искусству и хитроумности цветоводов. Хитроумности — потому, что надо было не только вырастить замечательные цветы, но и составить букеты — изобретательно и со смыслом. И придумать подходящие названия...

Сочетания букетов и названий в самом деле часто были неожиданными и точными. «Полет в стратосферу» — золотистый острый гладиолус пробил облако из пушистых белых цветов; «Кармен» — темно-пунцовая роза в окружении узких, похожих на перья листьев; «Салют» — ярко-желтые и красные звездочки в гуще темно-лиловых анютиных глазок... Были забавные названия. Например, «Сорванцы» — несколько растрепанных нарциссов, очень похожих на задиристых мальчишек. Или «Я больше не буду» — тонкий голубой цветик (вроде василька), как провинившийся пацаненок, склонил голову перед большими белолиловыми астрами, похожими на рассерженных тетушек.

Встречались букеты и с ласковыми именами: «Подарок маме», «Аленка»...

Посетителей было немного. Шорох подошв и негромкие разговоры не разбивали солнечной тишины. В этой тишине Юля не спешила и подолгу стояла перед каким-нибудь понравившимся букетом, например, перед «Мушкетерами» — четверкой гордых георгинов (у каждого свой характер), перед «Бабушкиным романсом» — большими бледновато-желтыми цветами, похожими на рупоры старинных граммофонов...

Несколько раз у Юли шевельнулась мысль, что если есть «Сорванцы» и «Аленка», то почему бы не оказаться здесь и «Фаддейке». Но странно — догадка эта скользнула по краешку сознания и тут же исчезла.

И Юля вздрогнула, когда с ватманской таблички на нее в упор глянули черные крупные буквы: «Фаддейка Сеткин».

Букет стоял на конце длинной низкой скамьи. Юля смотрела на него с недоумением и досадой. Это была небольшая охапка садовых оранжево-морковных лилий с длинными лепестками. Лепестки усеивала россыпь темно-коричневых крапинок.

Юля не любила эти цветы. Они казались ей нарочитыми, искусственными какими-то. Это была цветочная порода, выведенная не для красоты, а для причуды.

И здесь тоже — что за причуда? При чем тут Фаддейка? Только из-за окраски лепестков? Что за чушь... Кто это придумал?

Морщась, Юля прочитала мелкие буковки под названием: «Женя Зайцева, 5-й класс, школа № 2». «Глупая Женя Зайцева»,— подумала Юля сердито и с неожиданной потаенной ревностью. И снова глянула на разлохмаченные рыжие лепестки. И... ничего не случилось (разве что неуловимый поворот головы или новое касание лучей), но в тот же миг Юля поняла, что это именно Фаддейка. И никто иной. И ничто другое.

Не было лица, но Фаддейка озорно, с золотой своей искоркой глядел на Юлю из путаницы растрепанных вихров и россыпи веснушек.

Это случилось так неожиданно, что она не успела даже удивиться. Она просто засмеялась — тихонько, про себя — от ласковой радости. От такой, будто опять встретила Фаддейку наяву. От ясного сознания, что ничего не потеряно. Ну, пускай увезли Фаддейку, но все равно он есть на свете, и все равно они друзья, и никто не отнимет у них этого недавнего августа с его приключениями, печалями и радостями. И встретятся они еще. Обязательно!

А кто эта девочка, эта умница, которая придумала такой замечательный портрет? Женя Зайцева, пятый класс... Наверно, хорошо знает Фаддейку, раз все у нее получилось так весело и точно! Надо будет ее разыскать. Это совсем нетрудно,

в библиотечном абонементе наверняка есть карточка Жени Зайцевой, там все школьники записаны.

Можно будет встретиться и поговорить обо всем, что связано с Фаддейкой, о ребячьих играх, о плаваниях на плоту, в воздушном шаре, похожем на марсианский глобус... А может, Женя знает и о Фаддейкином Марсе?

Этот Марс представился Юле не холодным и покрытым красными песками, а добрым и теплым. Сплошь поросшим вот такими оранжевыми крапчатыми цветами. Над ковром этих цветов, над выпуклым красно-апельсиновым полем под лилово-синим густым небом расстилался в беге огненный конь. И стоял у него на спине Фаддейка — с разметавшимися волосами, в сбившейся рыжей майке, веселый и ловкий. Смеялся, качаясь и взмахивая тонкими руками...

Юля перестала дышать, чтобы удержать в себе это ощущение летящей радости. Украдкой дернула с букета длинный лепесток, спрятала в сумку и пошла из дворца. И видение мчащегося на коне Фаддейки, чувство его полета несла в себе как налитый до самых краешков стакан.

Потом это чувство стало, конечно, поменьше и поспокойнее, радость послабее. Но совсем радость не ушла и грела Юлю по дороге к дому...

Со сжатыми губами и независимым видом (хотя и с екнувшим сердцем) прошагала Юля без остановки мимо почты. Спустилась к реке, прошла через мост. Вдоль реки тянул холодный, осенний уже ветерок, низкое солнце не грело, только рассыпало по воде медную чешую (и Юля вспомнила старые монеты и Таргу). А потом, уже на берегу, вспомнила Фаддейкину игру с телефоном... Или не игру? Как он, зябко поджимая ноги и прикрывая ладошкой трубку, торопился сказать что-то в неработающий микрофон... Что он говорил? Кому звонил по лишенному проводов телефону?

А... если и ей попробовать? Поговорить с Фаддейкой?

«Фаддейка, слышишь меня, а? Где ты сейчас?.. А я твой портрет только что видела...»

Юля засмущалась сама перед собой, но удержать

себя от странной и печальной этой игры не смогла. Да и не хотела. Боязливо оглянулась. Пусто было кругом. Она потянула ржаво запищавшую дверцу, шагнула в будку. Сняла тяжелую и холодную трубку...

Рыжий вечер

Она была уверена, что телефон, как и в прошлый раз, ответит каменным молчанием. Понимала, что придется самой представить Фаддейкин голос и все его слова — и тогда станет грустно и все-таки хорошо, придет ощущение ласковой сказки...

Но в наушнике послышался легкий гул, создавший впечатление далекого и громадного пространства. Это пространство было пересыпано потрескиванием помех. Юля судорожно вздохнула и придавила трубку к уху. В трубке неожиданно близкий и ясный мужской голос проговорил:

— Ну, кто там еще? Вам кого?

— Мне... Фаддейку,— перепуганно сказала Юля, поражаясь тому, что происходит.

— Деева? Он же уехал! Может быть, Кротова позвать?

— Нет... Сеткина,— пробормотала Юля, изумившись собственной глупости и понимая, что надо немедленно повесить трубку.

— Это кто? — Голос зазвенел раздражением.— Костя, кто там цепляется к линии? Работать не дают!

Голос неизвестного Кости откликнулся из глухой глубины:

— Это, наверно, заречная точка... Эй, отключитесь там, автомат на проверке...

И Юля опустила трубку на рычаг. И заметила в квадрате выбитого стекла, что от будки тянется к столбу черный провод.

Она постояла еще, сама не понимая: огорчается ли, что разговор с Фаддейкой не получился, или все-таки довольна, что в трубке не оказалось мертвой тишины? Потом вдруг вспомнила давнюю детскую книжку о телефонных гномах, усмехнулась и сказала довольно громко:

— Эх ты, Фаддейка-Фаддейка...

— Чего?

Он стоял в шаге от будки.

Это было настолько непостижимо, что Юля, как там, на выставке, не сумела удивиться. И даже не обрадовалась. Только обмякла как-то и шепотом сказала:

— Батюшки, это ты?

И тут же поняла, что не он. Какой-то мальчишка. И вид-то даже непривычный для Фаддейки: новенькая школьная форма, вязаный красно-синий колпачок...

Но огненные-то клочья, рвущиеся из-под шапки,— чьи?

Взгляд-то с насмешливой искрой — чей? И улыбка-полумесяц! Ой, ма-ма-а...

— Это ты?!

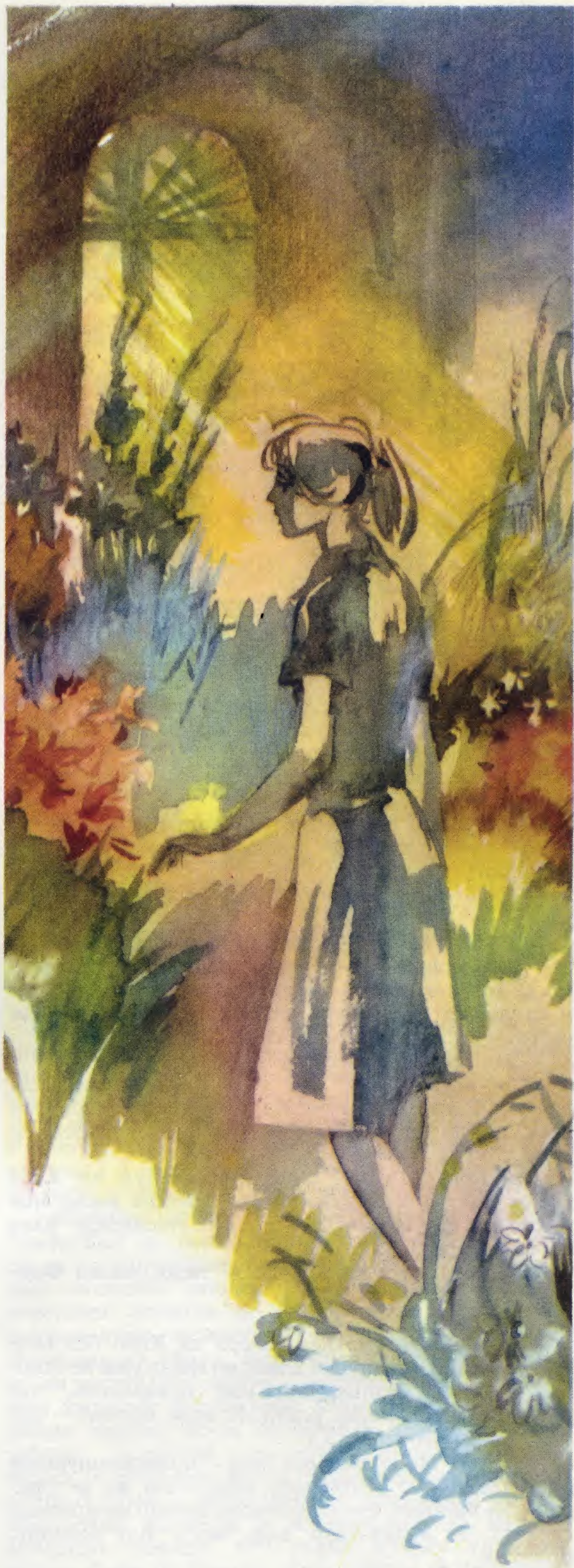
Он сказал с ехидцей:

— Это мой прадедушка Беллинсгаузен. Ты что, за сутки разучилась узнавать?

Юля ухватила его за плечи.

— Господи, откуда ты свалился?

— С Марса,— хихикнул он, но тут же заулыбался радостно и хорошо: — С вокзала, конечно! Час назад!

— Да как ты успел-то?
— Очень просто. Приехал в Среднекамск, а через три часа на обратный поезд...
— Один?
— Первый раз, что ли!
— Фаддейка... Ты сбежал?
— Вот еще! Мама сама на поезд проводила... Видишь, и форма на мне, и учебники я привез. Первую четверть здесь проучусь...
«Хорошо-то до чего!» — подумала Юля, чувствуя, что все это как бы продолжение сказки с цветочным портретом. Но тут же кольнула тревога:
— Фаддейка... А как же мама отпустила тебя? Она ведь... ну...
Он вскинул потемневшие глаза и сказал с сумрачной решительностью:
— Хочешь знать, как? Очень просто. Полсуток ревел без передыха.— И замолчал, говоря глазами: «Теперь презирай, если хочешь».
— Какой же ты молодчина! — сказала Юля.
Тогда Фаддейка заулыбался опять:
— Ага!
— Нет, ну ты просто... ты волшебник какой-то.
И опять он сказал:
— Ага, конечно.— И добавил деловито: — Пошли домой, чего стоять. Есть хочется.
— Ой, и мне хочется, я сегодня не обедала... Фаддейка...
— Что? — сразу насторожился он.
«Не надо спрашивать»,— подумала Юля и, конечно, не удержалась:
— А ты... все-таки почему ты так очень хотел вернуться?
Ой, хорошо, что он не набычился и не ощетинился насмешливыми шипами. Усмехнулся добродушно:
— Тебе опять одна причина нужна, да? А их много.
— Ну... а какие? — сказала Юля уже посмелее.
— Во-первых, из-за тебя.. Помнишь, ты обещала мне мотив той песни про коня напеть! Так и не успела. Вот теперь никуда не денешься.— Он стрельнул золотистым глазом.
— Не денусь,— кивнула Юля.
— Во-вторых, ну, тут еще с ребятами дела всякие. В-третьих, тете Кире одной скучно. Она ведь не по правде ворчит, что намучилась со мной...
Они шли к дому, Фаддейка глянул на Юлю сбоку быстро и нерешительно. Словно было еще какое-то «в-четвертых», но он стеснялся. Юля терпеливо молчала.
— Боялся, что конь уйдет,— тихо сказал Фаддейка.
— Конь?
— Ага...— Он смотрел теперь на Юлю без всякой усмешки, смущенно даже, но глаза уже не отводил.— Юль... Понимаешь, мне показалось, что я тебя бросил, когда уехал. А если бросил — это все равно, что предал...
— Ну ты же не виноват был,— с прихлынувшей благодарностью отозвалась Юля.— Ты же не сам!
— Не виноват, это если совсем ничего не можешь сделать. А я все-таки ведь мог... Вот видишь, приехал.
«Умница ты моя»,— чуть не сказала Юля, но не решилась и только спросила:
— Фаддейка, а конь-то при чем?
Он поддел новым ботинком валявшийся на досках огрызок и проговорил с запинкой:
— Ну... это на Марсе обычай такой. То есть примета... Если человек кого-то предал, от него уходит любимый конь... Не веришь?
— Верю,— сказала Юля и вдруг спросила, поддавшись новому толчку радости: — Фаддейка, а мы слазаем еще на колокольню?
— Само собой! — сказал он, будто ждал такого вопроса.— Когда деревья золотые, знаешь, какая красота с высоты видится! Я и для этого приехал тоже...
— Да, в самом деле много причин...
— Конечно... Письмо вот одно ждал, а его все не было. А сейчас прибежал с вокзала, заглянул в ящик, а оно есть!
— Важное письмо?
— Еще бы.
Юля вздохнула. Никогда в жизни не бывает, чтобы все хорошо. И несмотря на радость от встречи с Фаддейкой, где-то позади этой радости все равно сидела в Юлиной душе колючая тревога из-за Юрки, из-за непришедших писем. Теперь тревога ожила и, словно проснувшийся игольчатый еж, выбралась из норы на свет. И Юля не сумела загнать ее назад. Грустно (и все же с капелькой наивной надежды, что сказка продолжается) Юля проговорила:
— Фаддейка... Если ты сделал одно чудо, может, сделаешь и другое?
Он не спросил, какое. Сразу согласился:
— Давай, попробую.
— Сделай, чтобы от Юрки было письмо, а?
— Не-е...— тут же отозвался он. Насмешливо и даже как-то обидно.— Это я не могу.
— Эх ты...
Он объяснил с непонятной веселостью:
— Если человек — растяпа, тут никакое чудо не поможет.
— Это кто растяпа? — взвинтилась Юля. С удивлением, с обидой и... опять с какой-то капелькой надежды.
— Да уж не я...— хихикнул Фаддейка.
— А кто?
— А кто своему милому Юрочке вбил в голову, что будет работать в Верхне-Тальской библиотеке? А точного адреса не дал...
— Какой еще адрес, если до востребования? Область известна, индекса я сама не знала, он обещал его на почте спросить. Трудно, что ли?
— Индекс *какого* города? — сухо осведомился Фаддейка.
— Как какого? Если Верхотальская библиотека, то... ой...
— Верхотальская или Верхне-Тальская? — тем же сухим тоном переспросил Фаддейка.
— Ой...
— Может, объяснить тебе, где Верхне-Тальск? На двести кэ-мэ выше по течению. Не слыхала?
— Ой... а... Да это он сам перепутал, дурак такой! Я говорила «Верхотальская»! Ой, Фаддейка, а откуда ты это...
— Кто перепутал, разберетесь сами,— уже с прежней ехидцей хмыкнул Фаддейка.— Он тебе пять писем на этот Верхне-Тальск отослал. Два — из-за границы... И теперь будет отрывать тебе голову.
— Ой, Фаддейка. Ой, миленький, откуда ты это знаешь?
Он пожал плечами:
— Очень просто. От Ксени.
— От... от кого?
— До чего ты бестолковая. От его сестры.
— Ты что... Ты с ней знаком?
— Вот еще! Просто взял и написал письмо.

Адрес-то ты мне показывала. Помнишь, на конверте?

— Ох... И что? Что ты написал? — У Юли от радости и от какого-то детского стыда горячим воздухом обдувало лицо.

— Ну, что... Очень просто.— Фаддейка опять пожал плечами и на ходу будто прочитал по листу, — «Здравствуй, Ксения. Тебе пишет один мальчик, Фаддей Сеткин из Верхоталья. У нас в библиотеке работает на практике студентка Юля Молчанова. Она ждет писем от твоего брата Юры, а их все нет. Она очень волнуется. Напиши, пожалуйста, что известно о Юре. Если он больше ей не хочет писать, лучше уж сразу ей сказать, чем она так мучается...» Вот и все...

— Ух ты, Фаддеище... И она ответила?

— Ох, ну до чего же ты тупая в голове. Я же говорю: сегодня пришло письмо!

— И что в нем?

— То, что Юрочка твой уже два раза звонил из Калининграда и спрашивал: куда ты провалилась? Ни ответа, ни привета...

Чтобы унять булькающую, пузырчатую, как кипящее молоко, радость, Юля поспешно рассердилась:

— Балда он путаная... А ты тоже! Вот натреплю твои ухи!

— За что?! — от души возмутился Фаддейка.

— За письмо!.. Нет, ты молодец, но зачем последние-то слова? Что я мучаюсь...

Он хихикнул:

— Чтобы все было ясно...— Хихикнул опять и подставил ухо: — Дерни и успокой душу. В любовных делах всегда невиноватые страдают.

Юля засмеялась и щелкнула по уху ногтем:

— Пыль отряхни... Ох, какой ты все-таки молодчина, Фаддейка.

— Я-то молодчина. А ты? Почему ты сама не додумалась им домой написать? Или позвонила бы с почты! У них же телефон..

— Я... не знаю,— вздохнула Юля.— Это как-то... ну, не знаю я.

— Сказать тебе, кто ты? — сурово спросил Фаддейка.— Или сама понимаешь?

— Понимаю. Дура,— с радостной покорностью призналась Юля.

Он сказал снисходительно:

— Ладно уж. Во всех книжках написано, что влюбленные всегда глупеют.

Юлина радость быстро успокаивалась. Не то, чтобы тускнела, но уже не пузырилась, не фыркала ликующими брызгами, как в первые минуты. В ней появились уже капельки печали. Наверно, от того, что вспомнились все тревоги и тоскливые мысли... Но без них, без тревог-то, разве проживешь?

— Да не влюбленная я...— грустновато сказала Юля.— Влюбленность — это так... ну, легонькое что-то. А у нас как-то все по-другому. Мы даже на свидания толком не ходили.

— Ладно, сами разберетесь, что там у вас,— откликнулся Фаддейка.— Ты завтра позвони. Юрий уже, наверно, дома, на каникулах.

— Ой, конечно... Фаддейка, а ты покажешь Ксенино письмо?

— Ну... то, что про Юрочку твоего, покажу. Там ведь не только про него.

— На-адо же! — не удержалась она.— Про что же еще?

— Некоторые такие любопытные...

— Ах, простите, пожалуйста, сударь... И когда это у вас с ней успели тайны завестись?

— Да ладно, ладно,— усмехнулся он.— Все покажу, ничего там такого нет. Ты уж испугалась...

— Ох и нахал ты, Фаддейка!

Он не стал насмешничать и огрызаться, а объяснил серьезно:

— Там еще про разные морские дела. Ксеня-то в парусной секции занимается... Юль, а Юрин «Крузенштерн» в операции «Парус» первое место занял. У Юры теперь золотая медаль есть победительная. Им всем дали, английская королева вручала.

— Ой, правда? До чего интересно...

— Ага... Только там и плохое было...

— Что? — сразу встревожилась она.

— Во время тех гонок одно судно погибло. Английская шхуна «Маркиза». Ее шквалом перевернуло. Семь человек спаслись, а двадцать погибли. И капитан погиб, и его жена, и сын...

Юля шла молча. В своей радости она не могла полностью ощутить горе из-за утонувшей «Маркизы». Умом понимала, что это ужасно и горько, но настоящей боли не было. Что поделаешь, так уж устроен человек. В мире каждый день гибнет множество людей, и страдать за каждого не хватит никаких душевных сил. И все же Юле было неловко — перед Фаддейкой. Он-то, кажется, печалился из-за погибшей шхуны всерьез. Может быть, потому, что был он потомком отважного моряка?

Или потому, что однажды с высоты взглянул на спящую Землю и на миг ощутил тревогу за *каждого* человека? И сказал себе: может быть, я капелька каждого из них?

А может быть, его беспокоила и печалила не только горькая судьба незнакомой английской шхуны? Что-то еще?

Фаддейка — погрустневший, неулыбчивый — шел и будто прислушивался к дальним голосам и звукам — тем, которые он один различал в тишине окраинной улицы.

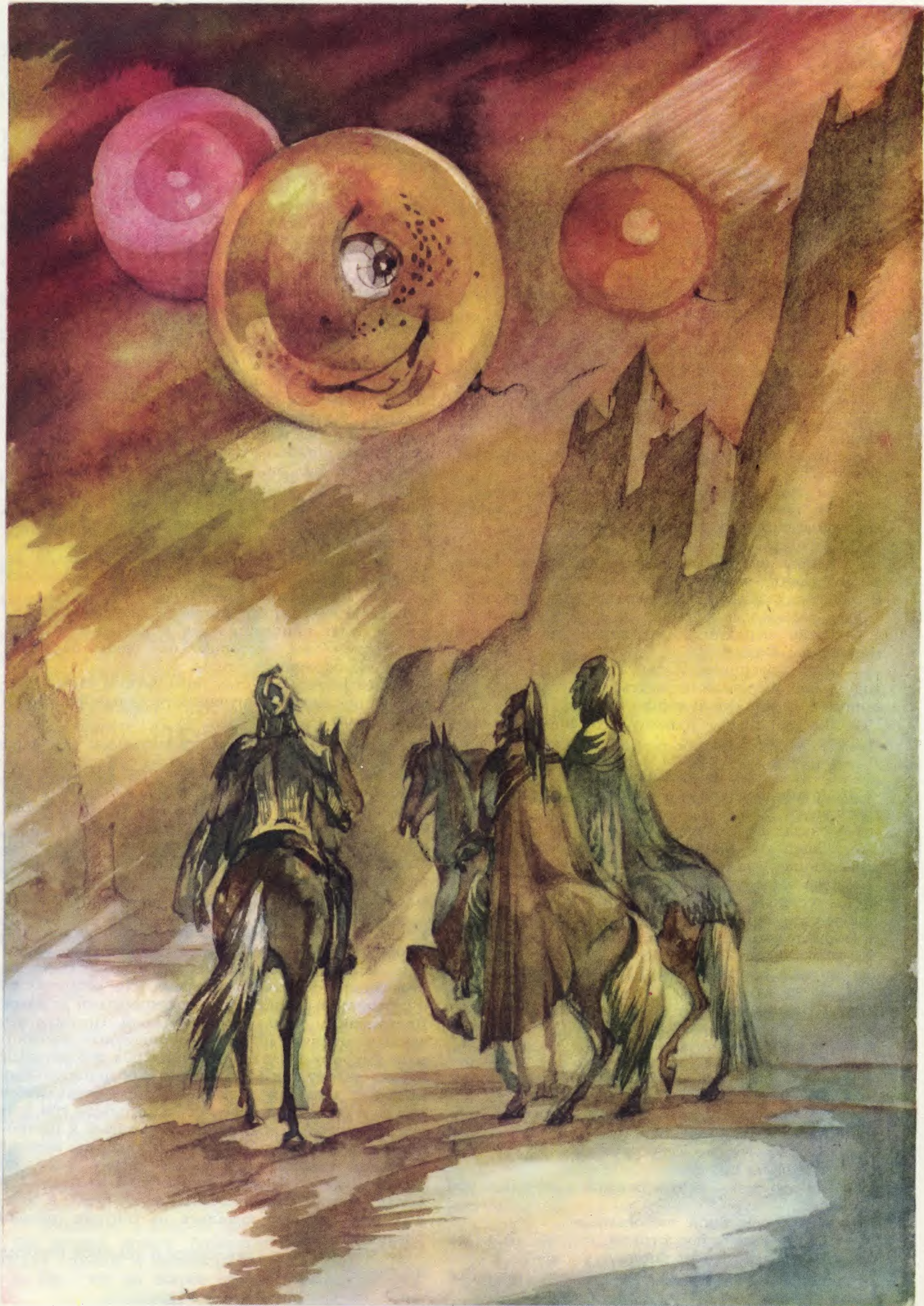
Так разведчик в пустом поле чутким ухом ловит шелест пролетевшей птицы или дальний-дальний топот коня...

* * *

...Стан, лежавший в песках вокруг крепости тауринов, поредел. Каменные хижины и шалаши остались, но кибиток и фургонов теперь почти не было. Многие воины вернулись в свои поселки и в столицу иттов, что стояла на границе Песков и Леса. Многие работали на починке Западной стены. Кое-кто ушел в крепость и поселился там. Таурины не спорили, у них в городе осталось мало мужчин.

...Маршал иттов Фа-Тамир, князь тауринов Урата-Хал и полковник легкой конницы Дах ехали по расчищенной от песка дороге, что широким кольцом опоясывала крепость. Подковы отчетливо стучали по плитам. Эхо разбивалось о серые стены и замирало над красными дюнами. Позванивала сбруя, фыркали кони. Потом в эти звуки вмешались другие — непривычные, незнакомые хмурому пустынному миру под фиолетовым небом: сверху, из-за гранитных оборонительных зубцов, долетели звонкие перекликающиеся голоса и смех. Над краем стены всплыли три воздушных шара — ярко-желтый, розовый и пестрополосатый. Каждый в поперечнике не меньше воинской сажени, что равна древку тяжелого копья. Судя по блеску шары были из шелковой бумаги, которой таурины оклеивают стены в богатых домах. Снизу качались на шнурах плошки с горящим маслом.

— Что это? — с удивлением и улыбкой спросил Фа-Тамир.

Улыбнулся и князь:

— Дети забавляются, маршал... Они привыкли к миру быстрее взрослых и радуются каждый день. Все улицы теперь в их власти. Дети вспомнили старые игры, устроили на площади театр из старых шатров, а к весеннему цветению каменного кактуса готовят праздник с масками и факелами...

Опять раздались веселые крики и еще один шар — алый, с разноцветными звездами — пошел вверх, прямо к маленькому лучистому солнцу.

— Пусть играют,— сказал Урата-Хал.— Может, и мы, глядя на них, скорее привыкнем к тому, что жизнь теперь безопасна.

— Не совсем безопасна, князь,— вздохнул и нахмурился маршал.— Вы и сами знаете, что недавно дикие всадники опять напали на парусный караван...

— Да, знаю... Ваши песчаные волки никак не успокоятся.

— Они не наши, они вне закона, это вам известно, Урата-Хал,— резко ответил Фа-Тамир. И, почувствовав неловкость от этой резкости, перенес недовольство на полковника:

— Я удивляюсь, Дах, что твои всадники до сих пор гоняются за Уна-Туром, как слепой шакал за юркими ящерицами. А ты говорил, что вы знаете в песках все дороги.

— Уна-Тур схвачен, маршал,— неохотно отозвался Дах.

— Да?! Когда же?

— Сегодня утром, маршал. Часть людей его ушла, но Уна-Тура и трех волков поймали.

— Где он? Я хочу поговорить с ним, прежде чем его вздернут на копья.

— Простите, маршал. Я готов к вашей немилости, но... мои люди изрубили пленников.

Фа-Тамир осадил коня и в упор посмотрел на старого полковника. Дах сидел в седле согнувшись и опустив голову.

Фа-Тамир медленно спросил:

— Я правильно понял? Сперва схватили, а потом... изрубили? Безоружных?

— Да, маршал. Я не смог удержать их...

Фа-Тамир сказал без гнева, скорее пренебрежительно:

— Зачем эта дикость? Особенно теперь, когда нет войны... Или твои всадники, Дах, превратились в таких же зверей, как волки Уна-Тура?

— Я...— начал Дах, но Фа-Тамир повысил голос:

— Или в сотнях легкой конницы уже нет повиновения и порядка?

— Есть повиновение и порядок, маршал. Но на этот раз я не успел... Воины кинулись на волков сразу, когда увидели, что они сделали с мальчиком...

— С мальчиком?

— Да... Волки поймали мальчика-тауринa, который на рассвете пошел в пески ставить силки на кротов...

Князь Урата-Хал встревоженно поднял голову. Дах говорил, не решаясь взглянуть на него:

— Уна-Туру было известно, что мальчик знает подземный ход из песков в крепость. Они хотели, чтобы он показал... Думали во время праздника ворваться в город и устроить резню. Им ведь не откажешь в дикой дерзости, особенно сейчас...

— Мальчик не выдал? — спросил Урата-Хал.

— Мальчик не выдал, князь.

С полминуты всадники ехали молча.

— Почему же в городе никто не знает об этом, даже я? — сумрачно спросил Урата-Хал.

— Утром мой гонец не нашел вас в крепости, князь. А без вашего позволения он не решился никому сообщить печальную весть. Хотел сказать только матери мальчика, но узнал, что две недели назад она умерла... Может быть, и к лучшему, князь. Ее горе было бы страшнее смерти.

— Значит, вам известно имя мальчика?

— На его маленьком кинжале было выбито тауринской клинописью: «Кхота-змейка».

— Ххотаа...— с акцентом повторил Урата-Хал.— Мальчика мы похороним в храме Звездного Круга, где лежат великие предки тауринов. Матери его именем будут называть своих первенцев.

— Простите, князь, — сумрачно проговорил Дах.— Мы не знали, что мать мальчика умерла, и боялись, что она увидит... как волки обошлись с ее сыном. Мы похоронили его в песках, у приметного камня, по тауринскому обычаю — в воинском плаще и с кинжалом.

— Ну что же...— Урата-Хал помолчал и снял шлем. То же сделали оба итта. Князь тауринов сказал им: — Наш обычай не велит беспокоить тех, кого уже приняли пески. Пусть мальчик лежит там. Каждый из тауринов принесет на его могилу большой камень, и вырастет курган выше высокой колокольной башни.

— Итты принесут тоже,— отозвался Фа-Тамир.— Прими нашу печаль, князь...

Урата-Хал медленно кивнул и вдруг сказал непонятно:

— Может быть, есть в этом знак судьбы.

— Какой знак, князь? В чем?

— В том, что прекратил эту войну ребенок и последней кровью этой войны была тоже кровь ребенка... Может быть, судьбе достаточно этой жертвы и она будет милостива к людям?

— Люди сами делают свою судьбу,— возразил Фа-Тамир.— И люди есть всякие. Остатки сотни песчаных волков будут еще долго рыскать в дюнах, и кровь, наверное, не последняя... Это я не в упрек тебе, Дах. Просто хочу сказать, что рано закапывать все мечи... И послушайте мой совет, великий Урата-Хал...

— Слушаю, маршал.

— Не разрешайте детям выходить из города без охраны. Да и взрослые пусть не ходят в одиночку.

— Я уже понял это... Но меня беспокоит вот что, Фа-Тамир. Почему вы позволили юному Фа-Дейку уехать так спешно и совсем одному?

— Как я мог что-то позволить или не позволить владетелю Тарги? — улыбнулся Фа-Тамир.— Это была его воля.

— Да. Простите, я не так сказал... Но, говорят, путь его на дальнюю родину долог и труден, а с мальчиком не было даже самой малой охраны.

— Его конь знает короткий путь. На том пути нет врагов...

— А верно ли говорят, что юный Фа-Дейк больше не вернется к нам?

— Почему же... Он, может быть, вернется, но не скоро.

— А правдивы ли слухи, Фа-Тамир, что родом он с той голубой звезды, которая так ярко светит нам на заре?

— Это правда, Урата-Хал, хотя похоже на сказку.

— Жаль,— сказал великий вождь тауринов.

— Почему же, князь?

— Хотелось, чтобы он был кровным братом наших детей...

— Он и так брат,— непривычно мягко сказал старый маршал.— Все мы дети одного солнца.

— Это верно. И все-таки жаль.

Фа-Тамир медленно проговорил:

— Странную вещь сказал мне сет Фа-Дейк, когда мы прощались на краю Стана... Я был опечален разлукой и не задумался тогда над его словами...

— Что же он сказал, маршал?

— Я не точно запомнил, да и сам он говорил сбивчиво... По-моему, вот что: «Может быть, и нет разных планет, а есть только одна на разных оборотах Звездного Круга... Мне трудно это объяснить, Фа-Тамир, я ведь еще мальчик... Но, может быть, мы жители одной земли, только в разное время...»

— Что-то подобное слышал я от наших старцев, которые хранят в тайных подвалах древние книги. Но отчего такие мысли пришли в голову ребенку?

— Он говорил и дальше... «Я очень боюсь, Фа-Тамир, что это в недалекое от меня время люди превратили планету в пески. А потом поставили в память обо всем, что было, колокольни. Те, что стоят сейчас в песках. Их и при мне было на Земле уже немало... Я должен вернуться, должен успеть, Фа-Тамир».

— Что же хотел он успеть сделать?

— Я спросил его. Он сказал: «Хоть что-то»... Но в большом жестоком мире что может сделать мальчик?

Они с минуту молчали, и было тихо, лишь стукали о камень копыта да в отдалении звучали над стенами ребячьи голоса.

Вождь тауринов Урата-Хал произнес наконец:

— Мальчики могут многое... Фа-Дейк сказал слово о мире, и стал мир.

— Фа-Дейку дала силу и власть Тарга,— уклончиво заметил маршал.— Дело не в мальчике, а в законах и обычаях нашей планеты.

— Тарга до этого была у многих, а слово сказал мальчик...

— Это так...

— А иногда не надо и слова. Кхота-змейка лишь молчал, и потому жив целый город.

— Вы правы, князь. Но я говорил о другом. Что мог сделать Фа-Дейк там, у себя, если он действительно умчался на своем Тире в древние времена? Кого мог спасти? Кому помочь? Что изменить?

— Кто знает. Когда колеблются весы, один смелый шаг, одно хорошее дело может стать последней крупинкой на чаше добра...

— Боюсь, что он не сумел бросить эту крупинку...

— Почему же?

— А потому, князь, что если бы он успел, все было бы иначе. Не было бы этих песков. Не было бы мертвых лесов... И нас с вами не было бы тоже, вместо нас родились бы другие люди.

— Кто знает...— опять сказал Урата-Хал.— Может быть, мы есть как раз потому, что он успел. Иначе могло не остаться никого...

Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола...

* * *

Фаддейка тряхнул головой, глянул на Юлю и улыбнулся. Глаза его опять золотисто просветлели, но в глубине их еще пряталась печаль.

Чтобы прогнать эту печаль, Юля весело сказала:

— Ой, Фаддейка, а я только что твой портрет видела!

— Где?

— На выставке цветов.

Он непонимающе замигал.

Юля засмеялась:

— Оранжевый букет с крапинками, а называется «Фаддейка Сеткин». Очень похоже.

Он хмыкнул и спросил недовольно:

— Кто это придумал?

— Женя Зайцева. Ты ее знаешь?

Фаддейка сперва чуть вздрогнул, потом досадливо сказал:

— Понятия не имею. Какая Зайцева?

— Ну, тебе лучше знать.

— Не знаю... Ой, это, наверно, Жека-Артистка! Она у нас на плоту штурманом была!.. Я и не знал, что у нее такая хорошая фамилия.

— Хорошая? — удивилась Юля.

— Ну... знакомая. У нас в классе один Зайцев был. Уехал потом...

— Друг? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка тихо помотал головой:

— Нет, просто...— Он улыбнулся: — Я один раз пошел за него, чтоб укол поставили, потому что он... ну, не хотел он. Сделал, а потом говорю: «Не ходи, я уже вместо тебя». А он говорит: «А сам-то как пойдешь, за себя? Тебя же сразу узнают, когда второй раз увидят!» И пошел тоже, с моей фамилией. Смешно так... А через два дня уехал, насовсем...

— Может быть, еще встретитесь,— сказала Юля.

— Может быть... Юль, ты про песню о рыжем коне смотри не забудь.

— Не забуду... А в этой истории с уколом ты не прав.

— Почему? — слегка ощетинился он.

— Подумай своей головой. Ты его спасал от пустяшной боли, а укол этот спасает человека от самых больших болезней. Что важнее? И если бы он без прививки остался, а потом заболел, тогда что? Из-за тебя...

— Ну...— Фаддейка посопел и вскинул веселые глаза.— Ничего же не случилось. Он оказался смелый в конце концов... А в уколы я не верю, глупости это.

— Почему же глупости?

— Конечно... Как получается! Чтобы спасти человека от большой болезни, надо загнать в него маленькую заразу. Разве так может быть?

— Может.

— Значит, чтобы человек не стал настоящим предателем, он сперва должен сделать маленькое предательство?

— Вот это рассуждение...— озадаченно сказала Юля.— Тут что-то не так. Одно дело — жизнь, а другое — медицина. Ты не запутывай себя, Фаддейка. И других не запутывай.

Он молчал довольно долго. Потом, глядя под ноги, сказал:

— Себя я все-таки запутал...

И, конечно, тревога за него опять ухватила Юлю неласковой лапой. И, конечно, Юля сразу спросила:

— Фаддейка, что случилось?

— Я скажу... Я и приехал, чтобы сказать...— Он остановился. Быстро взглянул Юле в лицо и опять уставился на ботинки. Десятки разных догадок проскочили в голове у Юли, в том числе и довольно страшных.

Но все оказалось проще.

Проще ли?

— Юля, когда человек самое честное слово дал, а потом нарушил, он предатель?

— Опять ты про свое...— осторожно сказала Юля.

— Нет, ты ответь.

— Ну... вообще-то, конечно, это нехорошо. Но как я могу сказать точно? Я же не знаю, в чем дело...

— Хоть в чем,— отрезал он.— Ты сама понимаешь, что это предательство.

— Фаддейка,— шепотом спросила она,— а как это с тобой получилось? Ты уж расскажи...

Она думала: ему надо рассказать, чтобы меньше мучиться.

Но Фаддейка возмущенно фыркнул:

— Со мной? Со мной это не получилось.— И сказал тише:— Но я не знаю, как быть.

Юля молча ждала.

— Я слово дал, а теперь понимаю, что зря. А что делать? От него может кто-нибудь освободить?

— От слова? Тот, кому ты его дал.

— Да... А если сам себе? Разве сам себя могу?

«Нет, самому нельзя,— подумала Юля.— Это было бы слишком просто». И вздохнула.

— Но ведь кто-то может,— шепотом сказал Фаддейка.— Лучший друг может?

— Лучший друг... наверное, да.

Он взял ее за руку, как тогда на ночном берегу, в первый вечер знакомства. Как братишка. И сказал со спокойным вздохом:

— Тогда хорошо.

Теплея от благодарности к Фаддейке и боясь за него, и радуясь, что есть он вот такой на свете, Юля проговорила:

— Но ведь я... но ведь друг, чтобы освободить от слова, должен знать, про что оно.

Он ковырнул ботинком нашлепку грязи на доске тротуара.

— Я дал слово, что не буду встречаться с одним человеком. Никогда в жизни. Потому что он меня бросил... когда я маленький был...

Обо всем догадавшись, Юля сказала негромко:

— Это бывает. Сперва решил что-нибудь, а потом понимаешь, что поспешил...

— Я не спешил. Я целый час думал... Но сейчас опять думаю. Я ведь ничего про него не знаю. Может, он не виноват... Он теперь меня ищет. Вдруг ему плохо, а я... ну, я не знаю...

— Я понимаю,— сказала Юля.

Он глянул с сомнением: понимает ли? И проговорил насупленно:

— На свете столько людей, которым плохо. А если еще одному... Сперва кажется, что пустяк. А потом — колокола...

«Какие колокола?» — хотела спросить Юля. Но смолчала. Ей вдруг показалось, что Фаддейка может заплакать. Она быстро сказала:

— Конечно, я освобождаю тебя от твоего честного слова.

Фаддейка глянул на нее хмуро и требовательно:

— Так быстро нельзя. Это надо серьезно. Ты должна подумать и все решить.

— Хорошо, я подумаю.

— Я тебе все расскажу, и ты решишь. Ладно? Можно ведь и не сегодня. У нас ведь еще будет время...

* * *

...Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола... Вы слышали, князь, старую сказку, что иногда они звонят сами собой? То ли в предвестии новых бед, то ли в память о ком-то...

Урата-Хал промолчал. Или не расслышал, или обдумывал ответ. Но полковник легкой конницы Дах, безмолвно слушавший беседу начальников, вдруг сказал:

— Простите меня, маршал, простите, князь, но я должен сообщить то, о чем не решался говорить раньше... Колоколов нет.

— Как нет? — Князь тауринов недоуменно вскинул голову.— Их сняли? Где и сколько? Кто?

— Неужели кто-то решился нарушить обычай? — сумрачно спросил Фа-Тамир.— Тогда и другие запреты будут развеяны, как песок...

— Их не сняли. Их нет вместе с башнями и арками...

— Говори яснее, Дах,— нахмурился Фа-Тамир. И ощутил, как сбилось с ритма сердце.

— Мы хотели похоронить Кхоту-змейку у подножия двойной башни, прозванной «Брат и сестра». Ее колокол на рассвете всегда блестел, как звезда... Мы не увидели башни. Место, где она стояла раньше, нашли по трем высохшим деревьям, но от башни не было и следа. Ни фундамента, ни даже камня. Только песок.

— Вы ошиблись местом, полковник,— сказал Фа-Тамир.

— Когда возвращались к Стану, я приказал держать на холм с каменными столбами, где висели три колокола. Их тоже нет... Я бросил в пески полсотни всадников, они к середине дня вернулись в смущении. На всем пространстве, что успели они обскакать, не жалея коней, нет ни одного колокола. И словно не было никогда... То же говорят кормчие двух лодок. Не видя привычных знаков, они заплутали в песках...

Урата-Хал покачал головой, бросил повод и скрестил на груди руки.

Фа-Тамир сказал:

— Еще одна загадка нашего мира. Это смутит многие умы...

Вождь тауринов усмехнулся:

— Только не их...— Он показал на гребень стены, где четверо мальчишек весело спорили и смеялись, готовясь отпустить еще один шар.

Они отпустили его.

Шар — большой, ярко-оранжевый — проплыл над всадниками. На нем было нарисовано смеющееся лицо с прищуренным глазом и крупными темными веснушками.

Кони стали. Всадники, запрокинув коричневые лица, смотрели, как шар уходит в непривычно посветлевшее небо...

* * *

...— У нас ведь еще будет время,— сказал Фаддейка.

«А правда, у нас еще будет время!» — радостно подумала Юля. Фаддейка держал ее за левую руку, правой она сдернула с него вязаный колпачок и растрепала его апельсиново-морковные кудри. Тогда он заулыбался и сказал:

— А про песню не забудь. Сегодня же споешь.

— Ох, ну какая я певица?.. Да ладно, ладно, попробую.

Они зашагали к калитке, и почти сразу Юля услышала, что кто-то идет по пустой улице следом — большой и осторожный. Оглянулась.

Золотисто-оранжевый конь шел за ними в пяти шагах. Мягко ставил копыта на гибкие доски тротуара.

КОНЕЦ.

Ирина АНДРИАНОВА

Прощальный дуб

Чистый воздух. Чистое небо. Живой еловый аромат. Птичье шарканье и шорканье в кустах и на деревьях.

К селу Желанному, что в Шацком районе Рязанской области, можно добраться темным лесом да дорогой-змейкой.

Добираться одно удовольствие. А если попутчик словоохотливый рядом — так сплошная радость.

— Ты, милая, и родники увидишь. Их вокруг села пятнадцать глазков бьет... И школу нашу, желанновскую. И директора школы Николая Илларионыча: огонь-мужик... Может, повезет, в бане хозяйской скупаешься. Много чего увидишь... Только дуб Прощальный — ни за что...

Под рассказы-пересуды въезжаю в Желанное. Дорожную дремоту гоню прочь: зачем о дубе каком-то печалиться, если вокруг новая, неизвестная мне жизнь?

Батюшки-светы

Семиклассник Сережа Кулешов, синеглазый, улыбчивый, будто майское солнышко, работал весь учебный год с классом на совхозной ферме. В классе всего семь человек, а работы у ребят много. Попробуй успей за два-три часа напоить, накормить, убрать у семидесяти коров. Но ничего — семиклассники справляются, а Сережа Кулешов особенно.

Только вот беда — девчонки ему покоя не дают. В школе-то они тихие, а тут, на ферме, между делом то хихикнут, то подшутят. Ядовитый они народ, девчонки!

В общем, Сережа терпел-терпел все эти женские штучки, а однажды подошел и шапки с двух подружек сорвал. Мол, охолонитесь от глупостей, девчачьи головы.

А девчачьи головы как закричат:

— Кулешов! Ты нас обижаешь! Мы на тебя в школе пожалуемся!

И пошло-поехало. Нажаловались-таки хихикалки. Завуч Александра Федоровна да Наталья Ивановна, классный руководитель седьмого класса, к Сережиным родителям пошли. А там во двор не войдешь, на воротах замок висит. Батюшки-светы! Точно. Сережа-умник отца-мать от переживаний закрыл. Взрослые посмеялись через ворота, но от родителей Сереже все же попало... В тот день он дал себе мужское твердое слово: с девчонками не дружить!

Летом приехали в Желанное сверстники — москвичи да москвички. Любопытные, «везде интересуются». По лесам костры начали жечь — в городе такое невозможно. Желанновские бабки по вечерам у домов обсуждали: «Ахти, поджигатели приехали!» А днем не хуже вспугнутых кур бегали бабки по селу за городскими внуками: «Дениска, я те крапивой! Иринка, матере позвоню, пусть те забираеть!»

Пристали к Сереже Кулешову две москвички: «Научи, Сереженька, на конях кататься». А он табун летом гонял. Тридцать восемь лошадей выпасывал. В общем,

слово свое — с девчонками не дружить! — Сережа позабыл к лету.

Научил Сережа москвичек кататься. Пищали они, трещали, тряслись от сладкого страха, когда взбирались на лошадиные спины, а однажды без писков поехали. Бабки у домов заметили: «Батюшки-светы, Серенька-то Кулешов — жаних!»

А москвички Сережу уговаривали: «Сереженька, давай к Прощальному дубу прокатимся. Говорят, это у вас самая главная достопримечательность».

И надо же, согласился Сережа. Не мог отказать.

Пока скакал впереди москвичек на белом Ветерке, сердце билось радостно, быстро. Ждал Сережа: сейчас надвинется Прощальный дуб, в кудрявых листьях, с иволгой-странницей на ветке. И увидят москвички, что нет ничего на свете лучше этого дуба. Как нет лучше другой земли, чем Родина.

— Сережа! — закричали за спиной удивленно москвички.— А где ваш дуб-то?

Чистое место лежало перед ними, чистая дорога вилась к небу.

Вот тебе и батюшки-светы...

Уроки музея

Желанное — будто остров в море-океане. А на том острове есть дерево. А в дереве — дупло. А в дупле — ларец. А в ларце — жемчужина.

«Что за дерево? Какой ларец? Неужто жемчужина невиданная?!» — спросит читатель, уважающий тайны.

Ну, представьте себе, приезжаете вы в село Желанное. А вам сообщают: «У нас тут есть государственный музей. Музей тот задумывал и строил Николай Илларионович Панин — директор Желанновской школы. А еще он ученый, кандидат филологических наук». Есть чему удивляться?

Конечно, строил директор не один, смешно, не Геракл же он в самом деле? Ему помогали друзья, учителя, дети да их родители. Одним словом, все село Желанное. И, кроме музея, отстроили Панин «со товарищи» школу, школьную мастерскую для уроков труда, спортзал, столовую, котельную, обогревающую здание музея, библиотеку, два двухквартирных учительских дома. Музей и школа стоят на каменных фундаментах. Спасибо древнему леднику, который тысячелетия назад приволок на местные земли валуны. Их-то всем селом (за бесплатно) и таскали, одновременно очищая поля. Настроение у народа такое было, будто не казенные заведения возводили, дома родные. На все эти работы ушло около тридцати лет панинской жизни.

В желанновском музее четыре отдела: природа, геология, история и картинная галерея.

В отделе геологии собраны все полезные ископаемые Советского Союза. В начале 60-х годов позвал директор школы своего брата геолога Виктора Илларионовича работать в Желанное. Тот приехал, со всеми музей строил, потом письма в разные концы страны разослал: мол, помогите создать коллекцию минералов. И начали присылать в село камни. Даже кимберлит есть в отделе геологии, порода, в которой встречаются алмазы. Кто знает, может быть, в кусочке желанновского кимберлита звездочка-алмаз сокрыт?

Николай Илларионович исходил со своими учениками сотни километров по Рязанской области, совершая археологические экспедиции. Директор имеет на них полное право — есть у него «Открытый лист», разрешающий производить раскопки... Теперь в отделе геологии чего только нет. Здесь и археологические находки — неолитические скребки, наконечники копий, стрел, черепки древнейшей керамики. И череп мамонта — он века был засыпан песком, с него, как с удобного бугорка, пацаны прыгали в реку, пока кто-то не догадался копнуть песок... И кости древнего шерстистого носорога, ископаемого бизона. А вот подлинный экземпляр Манифеста об отмене крепостного права 1861 года. Боевые сабли, шашки Отечественной 1812 года и первой мировой...

А картинная галерея (да в далеком селе) удивит кого угодно. Здесь есть подлинное полотно Айвазовского, несколько гравюр известного художника нашего столетия Фаворского. А картин в музее хранится более сотни... Вдохновительницей картинной сокровищницы стала Александра Федоровна — завуч Желанновской школы, жена Николая Илларионовича.

— Наши ребята пишут сочинения по этим полотнам. Могут рассказать вам, что такое натюрморт, пейзаж, портрет, работа анималиста,— говорит Александра Федоровна.

Отдел природы — это птицы и звери Рязанской области, образцы древесины, березовые капы — наросты на стволах. За стенами витрин — времена года: осенний лист дрожит на зябкой ветке, летняя осока уперлась в стекло, в снегу притаился красавец заяц... Два годовалых волка, будто готовые бежать за добычей. Все Желанное знает, что некогда звали их диковинными для русской деревни именами — Альфрунт и Анжела.

Всю эту красоту создал в музее друг директора Панина — Николай Терентьевич Кошелев. Натуралист, заядлый рыболов. Да, к слову сказать, о музее — в него бабушки окрестные приходят по великим праздникам, свадьбы сюда заезжают обязательно, как в самое дорогое для села место. Вот это народное уважение и признание.

...Две девочки — Наташа Левина да Лена Уголькова, четвероклассницы, прибежали в музей на экскурсию. Ведет ее бывший учитель, ныне научный сотрудник музея Николай Терентьевич Кошелев.

— Так, сегодня поговорим, как живут и чем питаются зимующие птицы. Сколько в наших краях видов зимующих птиц?

— Тридцать,— отвечают Наташа и Лена.

— Верно. А чем рябчик питается?

Батюшки-светы, да это же Сережа Кулешов!

— Летом травой — например, спорышем, ягодами. Особенно уважает рябину, а зимой — сережками и почками ольхи,— отвечают Наташа и Лена.

— Ну-ка, а глухарь что ест? — хитро прищуривается Николай Терентьевич.

— Летом любит щипать листья черники! — выпаливает Наташа.

— А зимой питается хвоей! — не отстает Лена.

— И еще камешками! — кричат уже вместе Наташа да Лена.

— Как так? — ужасается Николай Терентьевич.

— Чтобы камушки в желудке хвою перетирали! — радуются четвероклассницы.

— А вот птичка королек тоже в хвойных лесах живет...— говорит Николай Терентьевич.

— Королек ест хвою! — спешат подруги.

— Ого! Так одна хвоина королька насквозь проткнет. Он же махонький, мельче воробья,— хмурится Николай Терентьевич.

— Да! Да! Вспомнили! Он на макушках хвойных деревьев жучков собирает, гусениц, яйца насекомых! — исправляют ошибку Наташа да Лена.

На экскурсии в музее девочки узнают, что хищных птиц можно подкармливать салом и мясом, но только не соленым. Соль для птиц — яд! И что галки, сороки, вороны любят копаться в помойках. Но в этом году, предугадав суровую зиму, улетели из Желанного да других деревень в южную сторону.

Когда Наташа и Лена собрались уходить, Николай Терентьевич сказал:

— Предупредите свой четвертый и пятый классы — завтра идем проведать дуплянки и к бобрам в гости! Встречаемся у Прощального дуба!

Природа — мать, а мы ее дети.

Кто живет на колокольне?

Сережа Кучин. Вернее, не живет, а жил. Было дело...

Отправили Сережу в город Шацк, в интернат... А Сережа загрустил в том интернате. Домой его потянуло, к Желанному. К полям да лесам. К родникам и речке Выше. А тут еще на уроке пушкинские стихи услышал:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Потянуло Сережу к Прощальному дубу. Все желанновские были-видели, а он нет. Вдруг там, как в стихах, «русалка на ветвях сидит»? Так захотелось увидеть тот дуб — хоть плачь.

Сбежал Сережа Кучин из интерната. Но до дома не дошел, испугался, вдруг взрослые заругают. Стал жить на колокольне, которая рядом с церковью на сельском кладбище стоит. Только по ночам холодно на колокольне, и решил Сережа притащить туда из школы спортивный мат. Вот за этим занятием его и поймали.

«Ох! — решили взрослые.— Желанновский разбойник растет. Будем его в своей школе перевоспитывать».

Я познакомилась с Сережей в учительской. Вошел такой скромный, симпатичный парнишка, руки по швам повесил, сказал «здравствуйте» и ресницы опустил.

Учителя о Сереже говорили только доброе. Молодец, исправляется, вместе с ребятами всегда. И какую-нибудь глупость ему, бывшему желанновскому разбойнику, сами ребята не позволяют делать. Они с ним по-честному, и он тоже. Они с ним ласково, и он. Они стараются учиться, и Сережа не отстает.

Понравилось Сереже со всеми в школьном лесничестве хозяйствовать: птиц кольцевать, дуплянки для пернатой братии строить и развешивать, обходы по бобриным семьям делать. Вокруг Желанного несколько бобриных семей живет. Бобры смешные, толстые, хлопотливые. Иногда Николай Терентьевич и ребята им осин срубят на прокорм. И Сережа тоже помогал рубить.

А хозяйство татарского клена! Сережа как-то попробовал мед, собранный с цветков этого клена, и чуть язык не проглотил.

— Ага,— сказал пасечник,— вкусно? Пасечники какой только мед ни пробовали — липовый, цветочный, клеверный, а с татарского клена считают наивкуснейшим.

Вот над плантацией чудо-клена и шефствовали желанновские пионеры. Подсаживали новые деревья, окучивали, следили за ростом каждого ствола, опавшие ветви собирали. Теперь обихоженные посадки переданы государству.

А еще узнал Сережа, что желанновская школа за один учебный год до 200 дуплянок делает. А по лесам висит более 1000 дуплянок. Живут в них горихвостки, вертишейки, мухоловки-пеструшки, поползни.

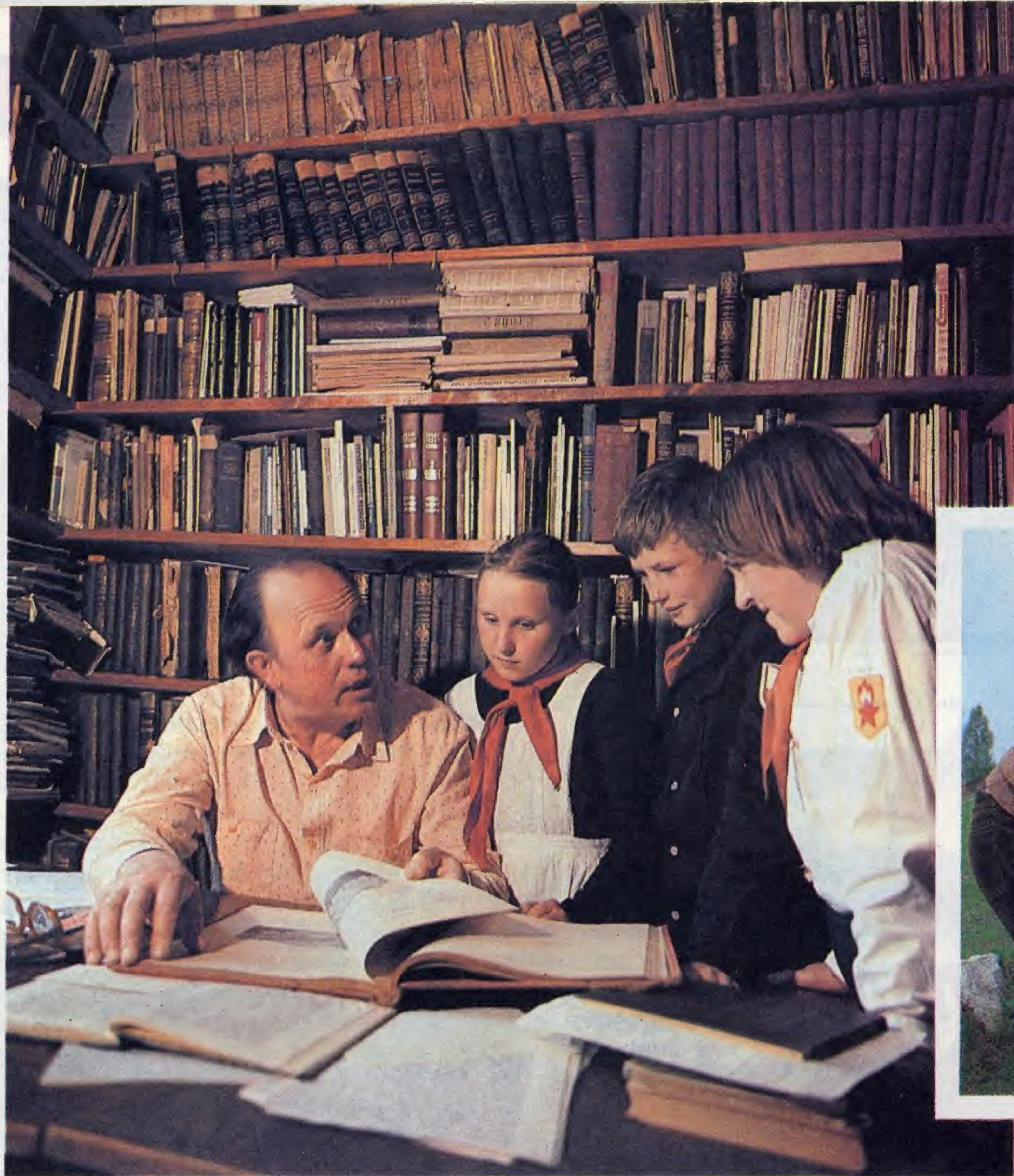
А кольцевание? Желанновская школа около 50 тысяч птиц уже окольцевала с 1961 года. Однажды желанновские ребята поймали ласточку с иностранным кольцом на лапке. Прочитали надпись — она оказалась из местечка близ города Претории, что в ЮАР. А через два года желанновскую ласточку поймали на территории ЮАР.

Стараются желанновские, кольцуют, автоматические ловушки для этого дела изобрели, а данные по кольцеванию ежегодно отправляют в Орнитологический центр...

Сколько сразу оказалось у Сережи Кучина дел, про Прощальный дуб забыл даже. Только вот однажды с ребятами на велосипедах из похода ехали по полю, лесом потом, кто-то из мальчишек сказал:

— Вон Прощальный-то!

Сережа только в сторону глянул — и уже проехали.

Желанновский музей — это не только череп мамонта, сотни находок, принесенные из походов, чучела птиц, зверей, картины... Желанновский музей — это общение с многознающими взрослыми, это ответы на сотни вопросов. Это — очаг культуры.

Успел все же заметить: синий он, дуб, в сумерках, огромный, как валун-камень. А кота с русалкой не разглядел.

«Потом приеду, посмотрю»,— подумал Сережа. И улыбнулся. Времени у него — целая жизнь. Из родного Желанного он спешить не собирается.

Дед Пипочкин и внучка Лёвина

У Вали Лёвиной был дед — Дмитрий Степанович Пипочкин. Уважаемый человек, войну прошел, в ногу ранение имел, конюхом, плотником после войны работал. Веселый был дед, шутку уважал, песни любил. Внучку песням учил.

А Валя Лёвина вместе с подругами с четвертого класса ходят по Желанному, по соседним Завидному да Марьину, частушки и песни собирают, в тонкие тетради, которые по 2 копейки, их записывают. В каждой тетради по 60—80 частушек. Некоторые я выписала. Вот они.

Ой, одену я косынку
Яркую-преяркую.
Вот окончу десять классов
И пойду дояркою.

Почему зимою клуб
Никому у нас не люб.
Потому что в нашем клубе
Замерзают даже в шубе.

Ой, куды я залетела,
Здесь не моя Родина.
Здесь малина не растет,
Одна лишь смородина.

Частушки да песни народные — фольклорное богатство — собирали почти все поколения желанновских школьников.

...Дед Пипочкин всегда учил внучку Лёвину: «Будь с людьми рядом. Слушай, как поют, что поют. Подхватывай. Песня внимание любит. А еще к дубу Прощальному со всеми ходи, не бойся длинной дороги. Вот там-то ты наслушаешься, вот там-то богатство настоящее».

«Почему?» — удивлялась Валя Лёвина.

«Потому что Прощальный дуб — как бы душа нашей желанновской жизни. Семьи своих мужиков до него на первую мировую провожали. И на Великую Отечественную. А сейчас просто на службу в армию. Дойдут до дуба с песнями, с печалью, посидят в тени, опять попоют, напутствия скажут... Знаешь, в листьях и ветках Прощального дуба песен народных, что желудей».

И ходит Валя Лёвина, внучка деда Пипочкина, к Прощальному дубу, других слушает, сама поет. Деда вспоминает.

* * *

Срубил кто-то тот дуб. Поэтому и смеялись девчонки над Сережей-лошадником, увидев пень в траве.

Дуба-то нет, но Желанное осталось. Народ остался. Песни не умерли. Родина бессмертна. И граница между домом родным и манящей чужбиной незримая лежит. До сих пор идут люди провожать друг друга до Прощального дуба.

Этой весной желанновские ребята посадили новый дуб.

Могучее поднимется дерево: в полнеба, в полземли. Его ветви, его корни пронзят века, и правнуки да правнучки нынешних ребят будут называть этот дуб Прощальным.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Чем кончились мучения Евклида

Наступил август, и родители теперь все чаще говорили Сереже, что пора бы ему повторить программу по математике.

Наконец-то в воскресенье Сережа сел за сложение дробей. $\frac{5}{16}+\frac{7}{12}=$ вывел он в тетрадке и задумался. Сначала нужно было найти наибольший общий делитель обоих знаменателей, потом разделить произведение знаменателей на этот наибольший общий делитель и найти тем самым наименьшее общее кратное, а потом... Впрочем, потом уже было не так трудно, самое трудное было, конечно, найти наибольший общий делитель.

— Точно так же мучился великий Евклид две тысячи лет тому назад,— сказал насмешливо Чип, когда Сережа пожаловался ему на неподатливость наибольшего общего делителя,— и ты знаешь, чем кончились эти мучения? Он нашел свой знаменитый алгоритм, который навсегда избавил от мучений пытливых искателей наибольшего общего делителя.

— Да я небось не пойму этот алгоритм, мы ведь только с 9-го класса начнем изучать информатику.

— А для таких, как ты, робких искателей Н.О.Д. неизвестный поэт воспел алгоритм Евклида в стихах:

ПОКА ме́ньшее больше нуля, ПОВТОРЯЙ:
Н.О.Д. ему временно ты приравняй,
И большо́е на ме́ньшее ты раздели,
И остаток ты ме́ньшим теперь объяви,
А больши́м Н.О.Д. объяви ты теперь,
И к началу вернись, и в Евклида поверь!

— Ну, как я и думал, ничего непонятно, сплошные загадки,— уныло сказал Сережа.

— На то и загадки, чтобы их отгадывать. Ну, подумай сам, тут говорится про какое-то большое, меньшее и про Н.О.Д. Ты, конечно, догадался, Н.О.Д.— это и есть наибольший общий делитель двух чисел, который мы ищем.

— Ну, наверное, большо́е — это бо́льшее из этих двух чисел, а меньшее это ме́ньшее.— Сережа несколько оживился.— Но потом непонятно: эти три числа меняются местами, делятся друг на друга, я не могу разобраться, что происходит?

— А знаешь, что должен делать программист, столкнувшись с алгоритмом, в котором он не может разобраться?

— Знаю, отложить его в сторону и пойти поиграть в футбол!

— Я сказал «программист, а не футболист»! Для программиста нет большего удовольствия, чем заставить программу работать. Программист отлаживает программу, то есть проверяет, как она работает, на известных ему примерах. Ну, скажем, ты знаешь, чему равен Н.О.Д. 12 и 30?

— Шести,— ответил Сережа, немного подумав,— 12— это 2×6, а 30— это 5×6.

— Итак, начинаем применять алгоритм Евклида. Малое — это 12, оно больше нуля, значит, повторяем: Н.О.Д. = 12, затем делим 30 на 12, получаем 2 и в остатке 6, значит, объявляем малым 6. Большим объявляем Н.О.Д., то есть 12, и возвращаемся к началу. Малое — это 6, оно больше 0, значит, повторяем снова: Н.О.Д. = 6, делим большое, то есть 12, на малое, то есть на 6, получаем ровно 2. Объявляем малым остаток, то есть малое теперь равно нулю. А большим объявляем Н.О.Д., то есть 6, и возвращаемся к началу. Но теперь малое равно нулю, а значит, повторять ничего не надо, мы уже нашли Н.О.Д. — это 6.

— Что-то не слишком быстро ты нашел ответ,— ехидно заметил Сережа,— я и то меньше думал.

— Долго было объяснять каждое действие,— сердито возразил Чип,— а потом любой алгоритм полезен только в достаточно сложных случаях. Вот посмотрим, как ты найдешь Н.О.Д. 256 и 288 без алгоритма Евклида, и потом сравним, насколько быстрее ты найдешь его с помощью алгоритма.

ОТ РЕДАКЦИИ: *Ребята, а вы не хотите помочь Сереже и тоже выполнить задание Чипа? Решите с помощью алгоритма Евклида пример:* $\frac{5}{16}+\frac{7}{12}=?$ *и найдите Н.О.Д. 256 и 288. Ответы пришлите нам.*

В № 10 за прошлый год Чип попросил вас составить программу «Приключений в джунглях». Ни одной правильной программы мы не получили. А из всех программ, что вы прислали для рекурсивной пословицы «Иван и Петр», правильная только программа ***Алисы Левандовской,*** *ученицы 4 «А» класса школы № 45 г. Москвы.*

«Я составила рекурсивную программу по образцу рекурсивной арабской сказки. Иван попал в рекурсивную ситуацию.

Рекурсивная ситуация.

Если в нее попал Иван, то Игорь — это Петр, Саша — это Иван.

Если в нее попал Петр, то Игорь — это Иван, Саша — это Петр.

Саша кивает на Игоря. Игорь попадает в рекурсивную ситуацию.

Возврат.

Есть более короткий вариант этой программы:

Рекурсивная ситуация.

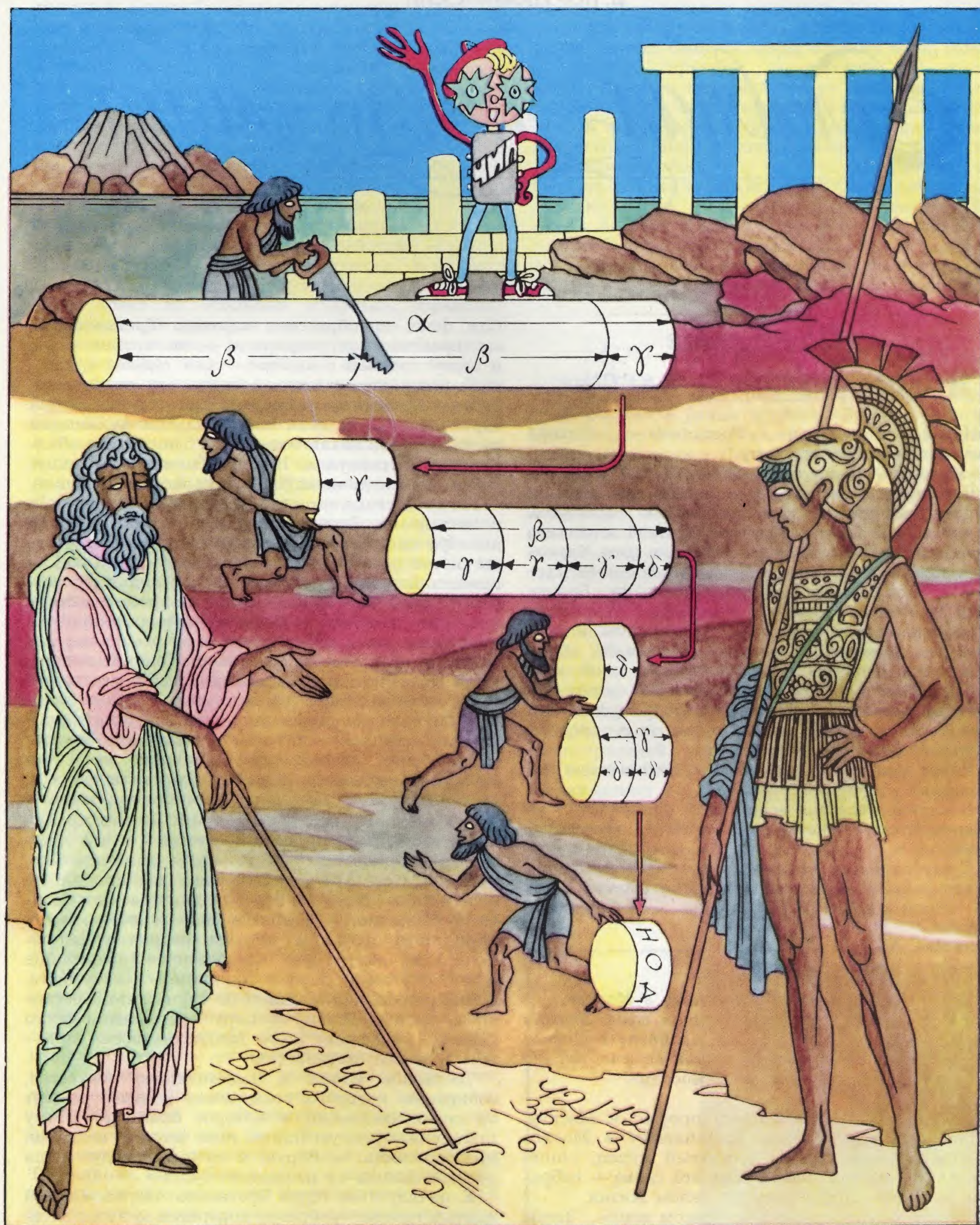
Иван кивает на Петра. Петр кивает на Ивана.

Иван попадает в рекурсивную ситуацию.

Возврат».

А можно было и так.

Рекурсивная подпрограмма КИВАЕТ (Иван Петру). Иван кивает на Петра;

в ответ КИВАЕТ (Петр Ивану).
ВОЗВРАТ.

А чтобы эта программа не зациклилась, то есть не повторяла одно и то же без конца, можно вставить после первой строчки «Иван кивает на Петра» новую команду:

СТОП! Их обоих гнать пора!

Команда «СТОП», вставленная в любом месте, останавливает всю работу. Хорошо бы и в жизни так можно было прервать любое бесполезное занятие.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Главная мысль лица

«Позвольте и ваш портрет иметь»

Павел Михайлович Третьяков — Федору Михайловичу Достоевскому:

«Милостивый государь Федор Михайлович.

Простите, что не будучи знаком вам, осмеливаюсь беспокоить вас следующею просьбою. Я собираю в свою коллекцию русской живописи портреты наших писателей. Имею уже Карамзина, Жуковского, Лермонтова, Лажечникова, Тургенева, Островского, Писемского и др. Будут, т. е. заказаны: Герцена, Щедрина, Некрасова, Кольцова, Белинского и др. Позвольте и ваш портрет иметь (масляными красками); смею надеяться, что вы не откажете в этой моей покорнейшей просьбе и сообщите мне, когда для вас более удобное время. Я выберу художника, который не будет мучить вас, т. е. сделает портрет очень скоро и хорошо.

Адрес ваш я добыл от Павла Васильевича Анненкова.

В случае согласия — в чем я осмеливаюсь не сомневаться,— покорнейше прошу известить меня.

С глубочайшим почтением имею честь быть вас милостивого государя покорнейший слуга

П. Третьяков

Москва
31 марта 1872 г.

Адрес для письма:
Павлу Михайловичу Третьякову в Москве.

Живу в Толмачах в собственном доме. Это на случай, если не придется ли вам быть в Москве и, может быть, захотите зайти ко мне; письмо прошу адресовать просто: в Москву».

Можно адресовать письмо просто: в Москву, П. М. Третьякову. Павел Михайлович в Москве человек известнейший: именитый купец, общественный деятель, главная же его слава — собрание русских картин, ставшее делом жизни.

«Живу в Толмачах в собственном доме»... Здесь, в собственном доме, и размещается непрерывно пополняемое третьяковское собрание; сюда, к небольшому дому в приходе церкви Николы, что в Толмачах, старинной слободе, некогда заселенной дворцовыми переводчиками — толмачами, обращаются мыслью, мечтой лучшие русские художники. Девятнадцатый век перевалил за половину, но Россия не имеет другого — кроме собрания Третьякова — музея национальной живописи. Сам факт приобретения картины Третьяковым, его нравственная поддержка — он крайне строг и целеустремлен в выборе — для судьбы художника часто значит много больше, чем полученная от него же материальная помощь. «Единственный адрес мне, да и всем мало-мальски думающим русским художникам известный, один — это: «Лаврушинский переулок, Никола Толмачи»,— пишет собирателю художник Иван Николаевич Крамской.

К 1872 году, когда Третьяков обращается с письмом к Достоевскому, его галерее минуло полтора десятилетия. Для Третьякова с первых же шагов дело его — не «вложение капитала», не прихоть богатого человека, не счастливая случайность, даже не «просвещенное покровительство» искусству, а ясная, глубоко осознанная и прочувствованная идея. Приобретая еще только первые картины для своего собрания, он объясняет: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие». И тогда же — что «желал бы оставить национальную галерею, т. е. составленную из картин русских художников».

Тут все ново, все замечательно! И что хранилище «общественное, всем доступное», и что галерея «национальная»! И не менее замечательно, что заявления эти не прекрасная декларация, не благое пожелание, тем более не для красного словца произнесены — Третьяков был «молчун», речей на ветер не бросал, и уж коли говорил, то непременно **по делу:** про общественное хранилище и национальную галерею он пишет в документе, в завещании, составленном на случай его, Третьякова, смерти. А ему в пору составления этого первого завещания всего двадцать восемь лет — жизнь только начинается!

Третьяков молод, и национальное искусство, собиранию которого, соединению в целое решает он посвятить жизнь и которое благодаря этому шагает быстрее, успешнее, тоже молодо, но какая прозорливость: «...Верую в свою надежду: наша русская школа не последнею будет!»

К началу 70-х годов Третьяков одержим идеей иметь в галерее «собрание портретов русских писателей, композиторов и вообще деятелей по художественной и ученой части». Именно **деятелей,** людей, отмеченных **деяниями,** а не «положением», которое одно только предоставляло прежде преимущественное право на портрет. Привлекая к осуществлению идеи лучших мастеров живописи, Третьяков просит их «взглянуть» на создание таких портретов «с патриотической стороны».

Как ни широко поставлена задача — «деятели

по художественной и ученой части»,— всего более, пожалуй, радеет Третьяков о портретах писателей. Оно и понятно. Никогда прежде писатели не были до такой степени **властителями дум** общества — не в узком смысле, не в кавычках «общества», а в самом широком: общества, страны, народа. Никогда прежде литература не выражала так широко и полно все то, что тревожит, мучит, заставляет страдать, искать решения миллионы русских людей — не напрасно свежий номер журнала становится событием и в столичной читальне, и в провинциальной глуши, в каком-нибудь Скотопригоньевске (городок, придуманный Достоевским,— в нем разворачивается действие «Братьев Карамазовых») — в прозе и стихах, в статьях и заметках читатели ищут объяснение «злобе дня», ответ на «больные вопросы», стремятся вычитать, как думать и как поступать.

Никогда наконец в литературе не **действовало** одновременно такое созвездие великих творцов: свежий номер журнала сулит новые страницы Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Островского, Гончарова...— а сколько еще было первостатейных прозаиков и поэтов, которые рядом с этими могучими отступали на второй план, «стушевывались» (словцо, Достоевским в нашу речь введенное), что не мешает им и по сей день числиться в классиках и составлять славу отечественной литературы!..

Достоевский, конечно, не случайно один из первых писателей, чей портрет Третьяков желает видеть в своем собрании. К 1872 году, когда Павел Михайлович обращается к нему с письмом, Россия читает и перечитывает, переживает, проживает в душе своей «Униженных и оскорбленных», «Преступление и наказание», «Идиота». Можно было любить Достоевского и не любить, можно было спорить о нем и соглашаться с его порицателями,— немыслимо было, читая его, не взглянуть (по слову Радищева) «окрест себя», не ощутить, как душа «страданиями человечества уязвленна стала». Личность писателя тоже вызывала у всех, его читавших, широкий интерес. На заре литературной деятельности приговоренный к смертной казни за принадлежность к революционному кружку петрашевцев, прошедший весь ужас приготовления к ней, изведавший каторгу и солдатчину, он возвратился в литературу не сломленный, а как бы обновленный, осознавший, что обрел право поведать людям нечто главное о них самих.

Павел Михайлович Третьяков, отличный знаток новой русской литературы, конечно же, внимательно читает всякое новое сочинение Достоевского, о самом авторе ему тоже, надо полагать, известно немало — достаточно много общих знакомых; тот же Анненков, от которого получен адрес, хотя отношения его с писателем по многим обстоятельствам не отличаются приязнью, знавал Достоевского еще до ареста и каторги.

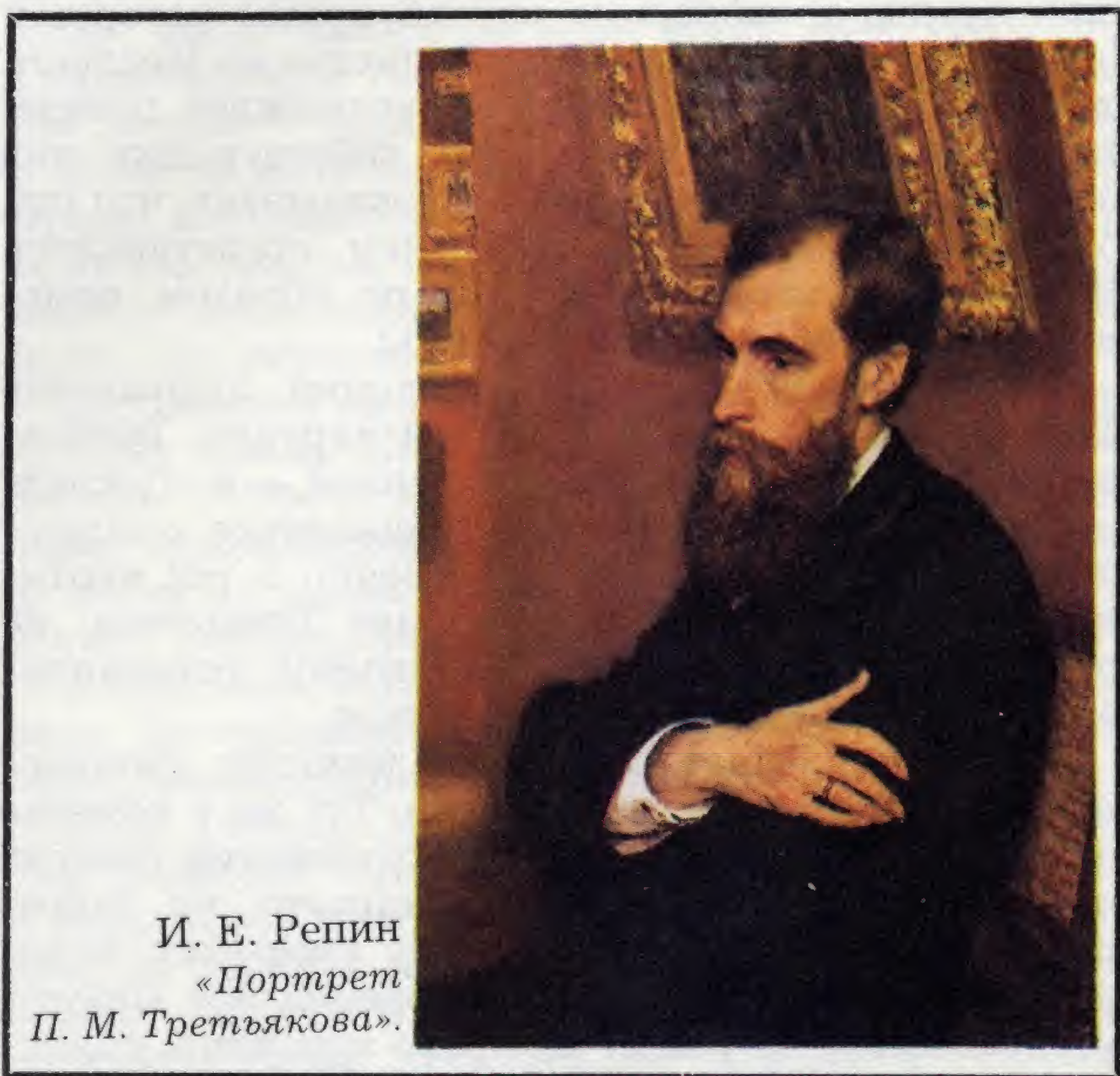
Сочинения Достоевского сильно действуют на Третьякова, но особенно мощное впечатление произведут на него последние творения писателя. Как раз те, которые он прочитает после создания портрета: статьи и очерки из «Дневника писателя», роман «Подросток», речь о Пушкине, «Братья Карамазовы». Летом 1880 года, за семь месяцев до смерти Достоевского, во время московских торжеств по случаю открытия памятника Пушкину Третьяков увидит Федора Михайловича, услышит его потрясшую собравшихся речь, подойдет к нему и «чуть» (слово Павла Михайловича) пожмет ему руку. Знакомство как бы состоится — и не состоится. Тотчас после похорон писателя Третьяков признается в письме к Крамскому: «На меня эта потеря произвела чрезвычайное впечатление: до сего времени, когда остаюсь один, голова в каком-то странном, непонятном для самого меня тумане, а из груди что-то вырвано; совсем какое-то необычное положение. В жизни нашей, т. е. моей и жены моей, особенно за последнее время, Достоевский имел важное значение. Я лично так благоговейно чтил его, так поклонялся ему, что даже из-за этих чувств все откладывал личное знакомство с ним, хотя повод к тому имел с 1872 года... Я боялся, как бы не умалился для меня он при более близком знакомстве; и вот теперь не могу простить себе, что сам лишил себя услыхать близко к сердцу его живое сердечное слово».

Про «око духовное»

Но задолго до этих признаний Третьяков скорей всего держал в руках журнал «Время» — Федор Михайлович Достоевский, только что возвратившийся из ссылки в Петербург, издавал его вместе с братом, Михаилом Михайловичем. Трудно поручиться, что все статьи писателя, помещенные в журнале, Третьяков читал со вниманием, но некоторые, где остро и горячо говорилось об искусстве, должен был прочитать; одну же (напечатанную без подписи) обязательно прочитал — она до его главного дела имела прямое касательство: «Выставка в Академии художеств за 1860/61 год».

Осенью 1861 года Третьяков покупает картину Якоби «Привал арестантов» — существенное приобретение для тогдашнего, еще не слишком обширного его собрания. На академической выставке, пишет той же осенью в статье Достоевский, перед этой картиной с утра до вечера стоит толпа зрителей — «ни перед одною более картиной нет такой постоянной толпы». «Приговор публики не заключает в себе ничего неопределенного или двусмысленного: дело ясно — картина нравится более всех остальных на нынешней выставке». Но Достоевский решительно расходится с общим мнением...

На холсте — партия арестантов на привале. Привал сделан поневоле — сломалась телега. На

И. Е. Репин
«Портрет П. М. Третьякова».

телеге лежит покойник — судя по виду, это не бродяга, не вор, не убийца: скорей всего — «политический». Умер он совсем недавно. С ног еще не сняты кандалы. Этапный офицер, чтобы удостовериться в его смерти, приоткрывает глаз умершего. Левая рука покойника свесилась с телеги. А под телегой, перегнувшись самым неестественным образом, потому что там тесно и неловко, устроился другой арестант и тащит с пальца покойника перстень. Жизнь этапа между тем идет своим чередом. На первом плане картины старик в лохмотьях осматривает рану на ноге, натертую кандалами. Слева — женщины с детьми. Чуть поодаль — несколько арестантов играют в карты.

«Картина поражает удивительной верностью,— свидетельствует Достоевский.— Все точно так бывает и в природе, как представлено художником на картине, если...» — и вот тут-то, в этом «если», в том, что следует после него, самое главное: «Если смотреть на природу, так сказать, только снаружи». «Зритель действительно видит на картине г. Якоби настоящих арестантов, так как видел бы их, например, в зеркале или в фотографии, раскрашенной потом с большим знанием дела. Но это-то и есть отсутствие художества».

Про отличие художества от фотографии Достоевский еще не раз будет размышлять. Но уже и здесь произнесет очень важный приговор: сумма фотографически точно перенесенных на холст подробностей не составляет художественного целого. (Он, правда, и «фотографическую неверность» в картине обнаружил: «Арестанты в кандалах... а все без подкандальников. Будьте уверены, что не только нескольких тысяч, но даже одной версты нельзя пройти без кожаных подкандальников, чтоб не стереть себе ногу. А на расстоянии одного этапа без них можно протереть тело до костей».)

Художник, выводит Достоевский, должен видеть природу не так, как видит ее фотографический объектив, а как человек: «В старину сказали бы, что он должен смотреть глазами телесными и, сверх того, глазами души, или оком духовным».

Но око духовное, проникновение в мир каждого изображенного на холсте человека, в суть изображенного события заставило бы живописца совершенно изменить замысел. Не понаслышке — по собственному печальному опыту зная арестантские этапы, досконально изучив нравы каторжан (писатель расскажет о них в «Записках из Мертвого дома»), Достоевский исследует возможное поведение выведенных художником действующих лиц в заданных обстоятельствах и доказывает, что оно было бы совершенно иным, чем представилось Якоби; следовательно, коренным образом изменился бы и сюжет всей картины.

В статье «Выставка в Академии художеств» Достоевский говорит и о другой картине, Третьяковым на той же выставке купленной,— о «Последней весне» Михаила Клодта. Удивляться совпадениям, тому, что Достоевский именно о тех картинах пишет, которые приобретает Третьяков, не приходится: оба, каждый по-своему, останавливают внимание на самом заметном.

Художник Клодт изобразил девушку, умирающую от чахотки, в кресле у окна. Тут же в комнате ее родители, сестры. И снова Достоевский говорит о «двух правдах». Все верно в картине, но, закрепив красками на холсте минуту умирания молодого существа, художник увековечил эту минуту, остановил время. Имеет ли право художник принудить зрителя вечно созерцать процесс умирания?.. «Вся картина написана прекрасно, безукоризненно, но в итоге картина далеко не прекрасная»...

Нравятся Третьякову эти рассуждения, нет ли — он вроде бы от первоначального своего мнения ни о Якоби, ни о Клодте не откажется,— но статью он определенно читает, обязан читать: идея собирательства в ее окончательном, общественном значении только-только вызрела, и он чутко прислушивается ко всякому серьезному разговору о русской школе живописи.

«Тут все правда»

В статье Достоевского еще имена упомянуты, для Третьякова небезразличные, «жанристы не в шутку» Шильдер и Перов.

Николай Густавович Шильдер — автор небольшой жанровой картинки «Искушение»: картинка Третьякову куда как дорога — она у него **первая,** с нее-то и положено начало собиранию русской живописи, с нее галерея началась!..

К Василию Григорьевичу Перову, на той академической выставке еще начинающему путь в искусстве, Третьяков тоже присматривается. Картина Перова, о которой пишет Достоевский, называется «Проповедь в селе» — толпа в церкви, впереди, развалясь в кресле, спит помещик, рядом с ним молодая жена его любезничает с поклонником, позади домочадцы, слуги, а вокруг крестьяне — мужики, бабы, дети,— хмуро, недоверчиво, взволнованно или безразлично слушающие священника; текст на церковной стене: «Несть бо власти, аще не от бога». Картина получает в статье Достоевского сжатую, но безоговорочно лучшую оценку: «Проповедь в селе» г. Перова отличается очаровательною наивностью. Тут почти все правда, та художественная правда, которая дается только истинному таланту...»

«Проповедь в селе» — далекий первый шаг, за десять лет, с той поры минувших, Перов становится едва ли не первейшим из живописцев русской школы, о которой так неусыпно заботился Третьяков; полотна его всем и повсеместно известны. Достоевский, узнав, что писать его портрет собирателем назначен Перов, сразу вспомнит «Сельский крестный ход на Пасхе», «Чаепитие в Мытищах», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Тройку». Об этом позже расскажет жена писателя, Анна Григорьевна. Среди названных картин нет «Охотников на привале», а в то время именно она всех больше гремела. Когда Третьяков просит Достоевского позировать для портрета, вокруг только и разговоров, что о новом могучем объединении художников, проповедующем искусство народное и национальное: прошло лишь несколько месяцев со дня открытия Первой Передвижной выставки — событие громадное,— мог ли Достоевский его не приметить!

На Первой Передвижной Перов как раз и показал «Охотников». Зрители в большинстве встретили картину восторженно. Раздавались, однако, и критические голоса. Салтыков-Щедрин, к примеру, не находил в «Охотниках» столь дорогой непосредственности, ощущал некоторую ее расчетливость, надуманность: «Как будто при показывании картины присутствует какой-то актер, которому роль предписывает говорить в сторону: вот этот лгун, а это легковерный. Таким актером является ямщик, лежащий около охотников и как бы приглашающий зрителя не верить лгуну-

В. Г. Перов
«Тройка».
(Фрагмент).

охотнику и позабавиться над легковерием охотника-новичка. Художественная правда должна говорить сама за себя, а не с помощью комментариев и толкований». Достоевский — уже после знакомства с Перовым, после портрета — печатно похвалит «Охотников» и скажет о них нечто прямо противоположное тому, что сказал Салтыков-Щедрин, назовет «одной из понятнейших картин нашего национального жанра» и пояснит: «Картина давно уже всем известна... Один горячо и zазнамо врет, другой слушает и из всех сил верит, а третий ничему не верит, прилег тут же и смеется... Что за прелесть!»

О том, что писать его портрет Третьяков поручил Перову, Достоевский узнает из письма собирателя от 15 апреля того же 1872 года:

«Милостивый государь Федор Михайлович.

Душевно благодарен вам за ваше доброе согласие. Вышло так, что когда получил я ваше письмо, то избранный мною художник В. Г. Перов не мог уже поехать в Петербург по разным обстоятельствам, и вот только теперь можно назначить предварительно отъезд его — в конце сего месяца; пишет он скоро, и потому до 10 мая портрет непременно может быть готов...
Москва
Апреля 15 дня 1872».

Письмо Достоевского не сохранилось, но содержание его понятно из третьяковского ответа: писатель согласен позировать для портрета, но просит закончить работу в первой декаде мая. Достоевский торопится в Старую Руссу, где намерен провести лето; в те же дни он пишет своему родственнику: «Мы думаем, если все удастся, переехать даже в самом начале мая, еще до сезона, который открывается в С. Русе 20-го мая. Ужасно надо переменить воздух хоть на три месяца, особенно для детей».

В двадцатых числах апреля Василий Григорьевич Перов приезжает в Петербург.

Глаза делались ласковыми

В те дни, когда затевался портрет, весной 1872 года, Достоевский трудится напряженно и торопливо. «Если б вы знали, как тяжело быть писателем, то есть выносить эту долю? — пишет он племяннице.— Верите ли, я знаю наверно, что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы!»

Невыносимые тяготы творческого труда Достоевского — от постоянной денежной зависимости. Надо выполнять порой кабальные условия договоров с издателями, вечно спешить, вечно поспевать с новыми главами к очередным номерам журнала, для которых они предназначены. «Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа еще в моей голове, но **непременно** должно было написаться к завтрему».

Внешние тяготы творческой работы сливались с тяготами внутренними: Достоевский не умел «гнать текст», писать, чтобы написать, чтобы закончить к сроку, концы с концами свести (умей он это — не стал бы Достоевским!): «он питал своих читателей лучшей кровью своего сердца»,— несколько выспренне, но точно по смыслу заметил тогдашний критик.

Труд Достоевского тягостен, мучителен, но это — муки **творчества!** Да, одна глава напечатана, другая набирается, третья пишется, четвертая в голове, но в том и величие Достоевского и мощь его, что он, вопреки всему **творит,** иначе не умеет, говорит только то главное, которое жаждет сказать.

Он часто пишет ночью, когда дом спит, но в напряженную творческую пору будничная дневная жизнь — редакционные дела, семейный быт, встречи со знакомыми — жизнь внешняя: голова, сердце, все существо его заняты тем, что предстоит написать; многие страницы его сочинений оказываются настолько **выношены,** что рождаются сразу, без переделок...

Достоевский не в силах отказать Третьякову, на просьбу Павла Михайловича о портрете отвечает добрым согласием, но найти время, чтобы сидеть перед художником, мучительно трудно, да и душа, целиком отданная работе, очень уж отстранена от всякой посторонней суеты.

Вспоминая историю портрета, Анна Григорьевна Достоевская объясняет, почему ей трудно было даже предположить, что муж согласится позировать: «Федор Михайлович в то время работал над романом «Бесы», был особенно отчужден и нелюдим. Целые дни он проводил в своем кабинете за работой и отказывался не только знакомиться с кем-нибудь, но видеться даже с близкими людьми». Жена писателя не только не берется

уговорить Достоевского дать несколько сеансов — она даже не в силах обещать художнику, что сумеет познакомить его с мужем. И все же она решает составить «заговор против Федора Михайловича».

«Лишь после обеда (обычно без посторонних) он часто оставался на некоторое время поиграть, позабавиться с детьми,— рассказывает Анна Григорьевна о творчески насыщенных месяцах работы.— Здесь тяжелые думы покидали его, разглаживалось суровое чело, глаза делались ласковыми, он шутил, смеялся, становился неузнаваемым — общение с детьми его преображало». Было решено, что Перов явится для знакомства именно в эти счастливые минуты.

Первая же встреча, к радости Анны Григорьевны, складывается на редкость удачно. Здесь, наверно, и нежелание Достоевского огорчить Третьякова, которому уже дано «доброе согласие», а теперь — и Перова. Но об этом Анна Григорьевна не говорит; она вспоминает: «Перову удалось с ним завязать разговор о детях, который, по-видимому, сразу расположил его в пользу художника».

Дети для Достоевского — явление громаднейшее и болезненно острое. В детях — прошлое их отцов и будущее человечества. Дети — завтрашний путь мира. Достоевский бесконечно верит в непостижимую, необъятную силу ума и души ребенка; оттого страдания детей, телесные и нравственные, страдания от голода, холода, лишений, побоев, несправедливости, страдания от неправедного воспитания, калечащего их души, искажающего представления о добре и зле, вызывают постоянную боль в сердце писателя. Дети, признается он, ему «снятся и мерещатся». Разговор о детях для Достоевского не просто приятный, но жизненно важный разговор.

«Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях...— читаем у Достоевского.— А пока я написал лишь «Подростка» — эту первую пробу моей мысли. Но тут дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком...» За «Подростка» писатель возьмется тотчас после «Бесов»; но замыслы вызревают загодя. В записных тетрадях среди заметок и планов к «Подростку»: «Роман о детях, единственно о детях, и о герое-ребенке». Дети страдающие, великие своей чистой, от сердца идущей правотой,— герои всех (пусть не «единственно о детях») романов Достоевского.

Но и для Перова дети — не «звук пустой», и ему они, должно быть, «снятся и мерещатся». Обездоленные и прекрасные, они появляются на его холстах. Крестьянские дети в «Проповеди на селе». Ребенок-поводырь слепого нищего в «Чаепитии в Мытищах». Мальчик в большой отцовской шапке до бровей и ношеном отцовском тулупе, задремавший на погребальных дровнях, и девочка, сестра его, обнимающая гроб отца замерзшей ручонкой без рукавицы в «Похоронах крестьянина». А «Тройка», или, как пояснил в подписи художник, «Ученики мастеровые везут воду»,— чем не страница, не глава из романа Достоевского, из статьи его?..

Перов, на первый взгляд, не вовремя к Достоевскому заявляется, но только — на первый взгляд, если иметь в виду сложность сближения.

Но коли лед растоплен, коли сближаются — и быстро, сразу!— к удивлению Анны Григорьевны, после первого же разговора Федор Михайлович уже доверчиво и ласково смотрит на не слишком поначалу желанного посетителя (покуда разговор не завязался, все порывался подняться и уйти к себе в кабинет) — коли Петров получает от хозяина искреннее и радушное приглашение бывать у них. Коли так — лучшего времени явиться к Достоевскому художник не мог и вообразить. Какая удача, что портрет пишется, когда Достоевский увлечен, целиком поглощен творчеством!

Как меняется его облик, когда работа не идет, или то, что делает, не по душе, или когда горение творческое сменяется вдруг бессильной опустошенностью, точно он дерево, выжженное изнутри: «Федор Михайлович встал и, слегка поклонившись, молча подал мне руку. Рука у него была холодная, сухая и как бы безжизненная. Да и все в нем в тот день мне казалось безжизненным: вялые, точно через силу, движения, беззвучный голос, потухшие глаза, устремленные на меня двумя неподвижными точками»,— современники и такого Достоевского вспоминают. Кто знает, что было бы с портретом, если бы Перова такой Достоевский встретил!..

Василий Григорьевич Перов — Павлу Михайловичу Третьякову в первых числах мая 1872 года: «Нынешний день от 3-х до 5-ти назначен сеанс с Федора Михайловича Достоевского, личность которого имеет свой интерес и думаю, что для живописи будет также интересно...»

Когда человек наиболее на себя похож

Нет, это не после первого разговора, не после первой удачи сгоряча пишется: Перов нелегковерен и нетороплив, человек ума вместе острого и основательного, он, получив разрешение писать портрет, не мчится за холстом и кистями в меблированные комнаты Демидова, что на углу Невского и Малой Садовой, где обрел временное пристанище, он не прельщается легкостью победы, ему тоже нужно искать и находить, сомневаться, страдать, мучиться, ему **творить** нужно. Время от первого знакомства до этого «нынешнего дня», когда сеанс назначен, необходимо ему, чтобы понять «свой интерес», который имеет личность Достоевского, и понять, какой интерес личность его для живописи будет иметь. Из воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской: «Прежде чем начать работу, Перов навещал нас каждый день в течение недели; заставал Федора Михайловича в самых различных настроениях, беседовал, вызывал на споры и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете «минуту творчества» Достоевского».

Известнейшие слова Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадывать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Перов своими средствами живописца, портретиста, не жалея потерять время, решает ту же задачу, разгадывает тайну — человека Достоевского...

Достоевский еще за десять лет до встречи с Перовым противопоставлял, как уже знаем, фотографический снимок произведению искусства. В то же время фотография быстро набирала силу; быстрота исполнения портрета ли, вида ли, точ-

ность воспроизведения приводили в восхищение, шли горячие споры, «что лучше» — фотография или рисунок, фотография или гравюра, наиболее решительные головы пророчили гибель от фотографии изобразительному искусству, в первую очередь портретной живописи. Достоевский об этих полемиках, несомненно, знал. Ум широкий и зоркий, он определенно видел многие достоинства фотографии и угадывал, должно быть, немалые ее возможности. Во всяком случае, сам он фотографироваться не гнушался, имел также фотографии родных и знакомых, виды памятных мест, которые посетил с женой, путешествуя по Европе. Рассуждая в статьях о «фотографии» и «фотографическом объективе», «фотографической верности», он вовсе не намеревается опровергнуть новое и сильное техническое открытие, не ищет случая уничижительно отозваться о нем.

«Фотография» в статьях Достоевского не научно-техническое понятие, а образ, символ, обозначающий определенный подход к искусству, способ воссоздания действительности. Вот уже и не о живописи говорит он, а о родной литературе,— и снова появляется «фотография»: писатель приходит, например, на площадь и, даже не выбирая точки зрения, прямо где попало, устанавливает свою «фотографическую машину» — все, что ни окажется перед «фотографической машиной», все неизменно появляется и в рассказах писателя. Но: художники не «фотографическая машина», он не бессознательно описывает материал, а выбирает и осмысляет, «передает нам **свой взгляд** об этом материале», и «чем сильнее художник, тем вернее и глубже выскажет он свою мысль, свой взгляд на общественное явление и тем более поможет общественному сознанию».

Это опять про око духовное!..

Мысль о «правде художественной» в противовес «верности фотографической» не оставляет Достоевского и после встречи с Перовым, после портрета, за работой над которым он пристально, как за всем, что окружало его, что делалось в мире, следил, выбирая и осмысляя нужное, главное, отыскивая, уясняя на происходящее свой взгляд. И замечательно: буквально тотчас по окончании портрета Достоевский дважды очень сходно выскажет эту полюбившуюся ему мысль, только углубит ее и разъяснит на примере творчества именно **портретиста.**

«Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, приготовляется, вглядывается. Почему он это делает? А потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает «главную идею его физиономии», тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

Это из статьи «По поводу выставки», из той самой, где похвала перовским «Охотникам». Занятны кавычки возле слов «главная идея физиономии» — подчеркнуть ли хотел необычное сочетание слов или, не ссылаясь на источник, процитировал **портретиста** Перова?..

И следом — в «Подростке», где герой рассматривает фотографический снимок, поразивший его «необыкновенным в фотографии сходством, так сказать, духовным сходством,— одним словом, как будто это был настоящий портрет из руки художника, а не механический оттиск».

«Заметь,— разъясняет герою его собеседник,—...фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя. В редкие только мгновенья человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он описывает, и не было ее вовсе в лице. Фотография же застает человека как есть, и весьма возможно, что Наполеон в иную минуту вышел бы глупым, а Бисмарк — нежным».

Что это? Только ли плоды собственного раздумья или отзвуки каких-то бесед с художником, с портретистом, с Перовым?..

Задача Перова оттого особенно сложна, что живописных портретов Достоевского нет, зато фотографических есть несколько; беседуют они о фотографии и живописи или нет, Перову ясно, что просто

В. Г. Перов
«Чаепитие в Мытищах близ Москвы».
(Фрагмент).

В. Г. Перов
«Спящие дети».

показать людям лицо писателя — вот-де тот самый Достоевский! — мало, не фотографической верности от него ждут — правды художественной.

Как бы там ни было, но, получив от писателя согласие позировать, Перов не спешит, «усаживает, приготовляется, вглядывается», старается увидеть такого Достоевского, который «наиболее на себя похож», ищет «главную идею его физиономии», «главную мысль лица» — в черновике «Подростка» сказано еще сильнее: «мысль целой жизни»...

«Вдруг» и «что-то»

В романах Достоевского множество действующих лиц и соответственно множество портретов, хотя, замечено, иной раз даже главный герой остается без портрета внешнего: читая роман, мы с первых же страниц мысленно представляем его себе, как бы даже видим, но, изучая текст, не находим ни единой черточки, рисовавшей бы его внешность. Достоевский-портретист владеет множеством приемов: подчас он тщательно прописывает наружность человека, подчас ему довольно одного-двух сильных, красочных пятен, иногда на одной странице встречаются у него два действующих лица: облик одного чрезмерно резок, определенен, почти маска, облик другого «текуч», требуются немалые усилия, чтобы угадать в его физиономии эту самую «главную идею».

«Высшая красота не снаружи, а извнутри»,— помечает Достоевский в черновой тетради. Запись эту надо шире понимать: для Достоевского-портретиста вообще главное не то, что «снаружи», а то, что «извнутри». Потому что, как и во всем своем творчестве, так и в портрете, который создает, он непрерывно, напряженно, мучительно разгадывает тайну по имени Человек, и оттого сам чувствует себя Человеком. Разгадывает, угадывает и снова вдруг упускает из рук, теряет, сомневается, становится в тупик — очень уж непостижим, многолик Человек, неожидан в мыслях, словах, поступках.

В повествовании Достоевского, в решающих, переломных местах часто появляется слово «вдруг»: герои совершают действия, произносят слова, испытывают чувства, которых от них, казалось, никак невозможно было ожидать. То, что копилось, зрело, набирало силу «извнутри» человека, **вдруг** высвобождается, выявляет человека совершенно по-новому.

Этот внутренний поворот порой также **вдруг** выказывает себя и в портрете: «Я смотрю на нее и не верю; точно она вдруг сняла маску с лица: те же черты, но как будто каждая черточка лица исказилась...» — несколько строк из романа «Подросток».

Разгадать тайну, проникнуть в самую сердцевину человеческого существа, понять и объяснить тончайшие, сложнейшие, противоречивейшие движения, в нем происходящие,— бесконечно трудно. Лишь «духовное око» способно в этом клубке сложностей и противоречий увидеть единое глубинное течение, логику, закономерное развитие. «Глазам телесным», лишенным этого дара проникновения, люди во внешнем их облике, в проявлениях внешних, представляются со всей их недосказанностью, затаенной неожиданностью, невыявленностью — непостижимыми до конца.

Еще один портрет героя — тоже из «Подростка», роман этот нам тем интересен, что пишется первый следом за перовским портретом: «Вошел молодой и красивый офицер... То есть я говорю красивый, как и все про него точно так же говорили, но что-то было в этом молодом и красивом лице не совсем привлекательное... Прекрасные темные глаза его смотрели несколько сурово, даже и когда он был совсем спокоен. Но решительный взгляд его именно отталкивал потому, что как-то чувствовалось почему-то, что решимость эта ему слишком недорого стоила. Впрочем, не умею выразиться... Конечно, лицо его способно было вдруг изменяться с сурового на удивительно ласковое, кроткое и нежное выражение, и, главное, при несомненном простодушии превращения. Это-то простодушие и привлекало. Замечу еще черту: несмотря на ласковость и простодушие, никогда это лицо не становилось веселым; даже когда князь хохотал от всего сердца, вы все-таки чувствовали, что настоящей, светлой, легкой веселости как будто никогда не было в его сердце... Впрочем, чрезвычайно трудно так описывать лицо. Не умею я этого вовсе».

Как все зыбко, как, на первый взгляд, неопределенно, подвижно, текуче! Как многолик портрет! Молодой князь красив — и непривлекателен, решителен — и не решителен, суров — и кроток, глаза его прекрасны — и отталкивающи, он хохочет — и не весел. «Впрочем, чрезвычайно трудно так описывать лицо. Не умею я этого вовсе» — это не писатель, это герой романа говорит, от его имени ведется повествование. Но это и Достоевский не умеет **так** лицо описывать, чтобы через лицо, через то, что «снаружи», разом, определенно и точно, вывести то, что «извнутри». В том-то и сила портрета, что человек на нем — тайна, что от него, как он изображен, всякого и многого ожидать можно, потому что сокрыто в нем всякое и многое.

Достоевский-портретист часто не резок ни в рисунке, ни в краске, ни в характеристике, но оттого и портрет убедителен: ибо являет **не разгадку** человека, **а тайну.** В лице «что-то было», и во взгляде «как-то чувствовалось почему-то» — в портретах у Достоевского давно приметили обилие этих «что-то», оставляющих героям разного рода неожиданные, скрытые возможности.

В том же «Подростке» на протяжении двух десятков строк — портреты участников революционного кружка.

«Двадцати шести лет, довольно сухощав, росту выше среднего, белокур, лицо серьезное, но мягкое; **что-то** во всем нем было такое тихое. А между тем спросите,— я бы не променял моего, может быть, даже очень пошлого лица, на его лицо, которое казалось мне так привлекательным. **Что-то** было такое в его лице, чего бы я не захотел в свое, **что-то** такое слишком уж спокойное в нравственном смысле, **что-то** вроде какой-то тайной, себе неведомой гордости»...

«Белокурый, с светло-серыми большими глазами, лицо очень открытое, но в то же время в нем **что-то** было как бы излишне твердое...»

«...Никакой особенной красоты, но **что-то** как бы уж слишком незлобливое, хотя собственное достоинство так и выставлялось во всем...»

Цельность противоречий

Люди, одаренные зорким взглядом, непременно отмечают противоречивость, неожиданность, двойственность лица Достоевского. Высочайшая одухотворенность мыслителя, изможденно чуткий лик пророка — и черты совсем неказистые, даже

Достоевский у Перова — как у Достоевского его герои в решающий час жизни: наедине с собой «внутренним», с совестью своей.

больше, чем обыденная простота черт, какая-то уже, по понятиям того времени, и «низменность» их. «Это лицо сразу и навсегда запечатлевалось в памяти, оно носило на себе отпечаток исключительной, духовной жизни». Но: «Несмотря на огромный лоб и прекрасные глаза, имел вид совершенно солдатский, то есть простонародные черты лица». Еще свидетельство: «Как будто каждый мускул на этом лице с впалыми щеками и широким и возвышенным лбом одухотворен был чувством и мыслью... А общее впечатление с первого взгляда почему-то напомнило мне солдат — из «разжалованных» .... вообще напомнило тюрьму и больницу...»

Противоположности, крайности внешнего облика Достоевского сходятся, сливаются, объединяются в целое, если взглянуть на них не со стороны, а именно «извнутри», вывести их из личности писателя в ее развитии и развитием его личности объяснить.

Офицерское училище, изнурительная шагистика парадов и смотров — и рано пробудившееся

ощущение, уверенность, что одна литература — жизнь его. Первая повесть и неслыханная первая слава, один лишь первый шаг, но шаг семимильный, шагнул — и тотчас в ряду наилучших литераторов отечественных. И — рассказывает Достоевский: «Помню, как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так, казалось, предстояло мне долго жить! На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь. Как мне хотелось жить, господи боже мой! Как дорога казалась жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать! Мне припомнилось все мое прошлое, не совсем хорошее его употребление, и так захотелось все вновь испытать и жить долго, долго... Вдруг послышался отбой, и я ободрился. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжную работу. Не запомню другого такого счастливого дня! Я ходил по своему каземату в Алексеевском равелине и все пел...» А после — каторга, солдатчина. Вспоминают те, кому довелось видеть писателя в «Мертвом доме» и дальнем гарнизоне: «Ф. М. Достоевский имел вид крепкого, приземистого, коренастого рабочего, хорошо выправленного и поставленного военной дисциплиной... Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю». И еще: «Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом...» И — новый (в истории другой такой, кажется, незнаем) шаг в литературу, из унижения, из забвения, в которое был он погружен, опять сразу к вершинам, да к таким, что и немыслимо было предположить.

Наверно, и при спокойной, без потрясений катящейся жизни Достоевский, автор «Бедных людей», достиг бы литературных высот, и немалых, но никогда не стал бы тем **Достоевским,** которым стал.

Нужны были прикосновения к смерти, жизнь среди людей, униженных и оскорбленных до такой степени, что даже самый жестокий и изощренный ум не мог бы придумать для них большего унижения и оскорбления, нужно было, как сказал один из друзей писателя, «на своей шкуре перенести все беды России», чтобы сделаться **таким** Достоевским. Чтобы почувствовать право искать для людей единственно правильный путь. Не терять убежденности, что в «непроходимой наносной грязи, в которую погружен народ наш», можно и должно отыскивать бриллианты. Чтобы поверить, «что наши все девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» — а без этой веры «я не хочу мыслить и жить». Чтобы знать, наконец, что призван «глаголом жечь сердца людей»,— те, кто хоть однажды слышал, как читал Достоевский пушкинского «Пророка», до конца дней своих не могли этого забыть, не могли забыть острой, пронзительной ноты, на которой взлетало это «жги!..»

Василий Григорьевич Перов сумел удивительно почувствовать, понять и сопрячь во внешности Достоевского, им запечатленной, это «высокое» и «низкое», «телесное» и «духовное», простоту и непостижимость.

Черты лица и в самом деле непритязательно просты — отчего бы впрямь не солдат, не бродяга, не каторжник, и серый мешковатый пиджак из тяжелой материи отдает и арестантским халатом, и солдатской шинелью. Но как выразителен этот высокий, занимающий половину лица, бледный лоб, мощно, скульптурно выступающий из темноты фона, лоб мудреца — не успокоенного в мудрости своей, а с бесконечным, мучительным, до боли, упорством ищущего ответ на «проклятые», «вечные» вопросы, которыми живет и страдает человек. Как выразителен напряженный взгляд — о нем не скажешь привычное, что устремлен на нас и вместе в себя: только в себя — и в какие глубины! И землистая бледность обтянутого кожей лица: едва не все, кто пишет о Достоевском, вспоминают его болезненную бледность. Но под кистью Перова эта бледность не только от болезненности и даже не столько от нее, сколько от напряженности мысли,— Достоевский не просто бледен, но словно побледнел, всмотревшись в одному ему открытые глубины его дум. Достоевский у Перова — как у Достоевского его герои в решающий час жизни: наедине с собой «внутренним», с совестью своей.

И наконец, удивительно написанные руки, крепко сцепленные, как бы замыкающие, замком запирающие весь громадный внутренний мир, сосредоточенный в этой сидящей перед нами фигуре.

Перов вообще хорошо писал руки, некоторые исследователи русской живописи утверждают, что в прошлом веке лишь Брюллов мог соперничать с ним в решении этой труднейшей задачи,— в портрете Достоевского Перов сам себя превзошел!

Живая подробность: при взгляде на Достоевского рукава его одежды казались несколько коротки; это не от недочета в покрое, а от особенной манеры носить пиджак. Перов подробность приметил и, сохранив как достоверную подробность, обернул ее при том сильным выразительным средством: руки — они для Перова очень важны — предельно открыты.

Еще живая подробность: руки у Достоевского были, по воспоминаниям, маленькие, чистые и мягкие, лишь на некоторых пальцах ногти остались изуродованы каторжным — на каторге! — трудом. На холсте руки, сцепленные на колене, выдвинуты вперед. Перов, пользуясь этим, пишет их крупно, это по замыслу портрета необходимо: именно голова и руки останавливают сразу взгляд зрителя и уже не отпускают. Очень крепко, почти судорожно, сцепленные пальцы скрадывают мягкость рук, позволяют показать напряженность мышц, выступившие сосуды. Перов пишет руки труженика, и дело не в том, что с пером в руках Достоевский трудился тоже, хоть и вдохновенно, но каторжно. Перову необходимо, чтобы руки и внешне, обликом, образом своим передавали, что труд огромен.

Замкнутость Достоевского, запечатленная на перовском портрете, этот взгляд в себя, эти руки, прочно замыкающие снаружи все то, что «изнутри», эта «замкнутая в себе» фигура, когда ничто, ни взгляд, ни жест, ни единое движение мускула, никакая малая подробность не вырывается наружу, не нарушает внутренней собранности,— такая замкнутость, углубленность во «внутреннее», в вечную тайну, которую необходимо разга-

дать, и передает схваченную портретистом «главную мысль лица» — личности Достоевского, «мысль целой жизни» его.

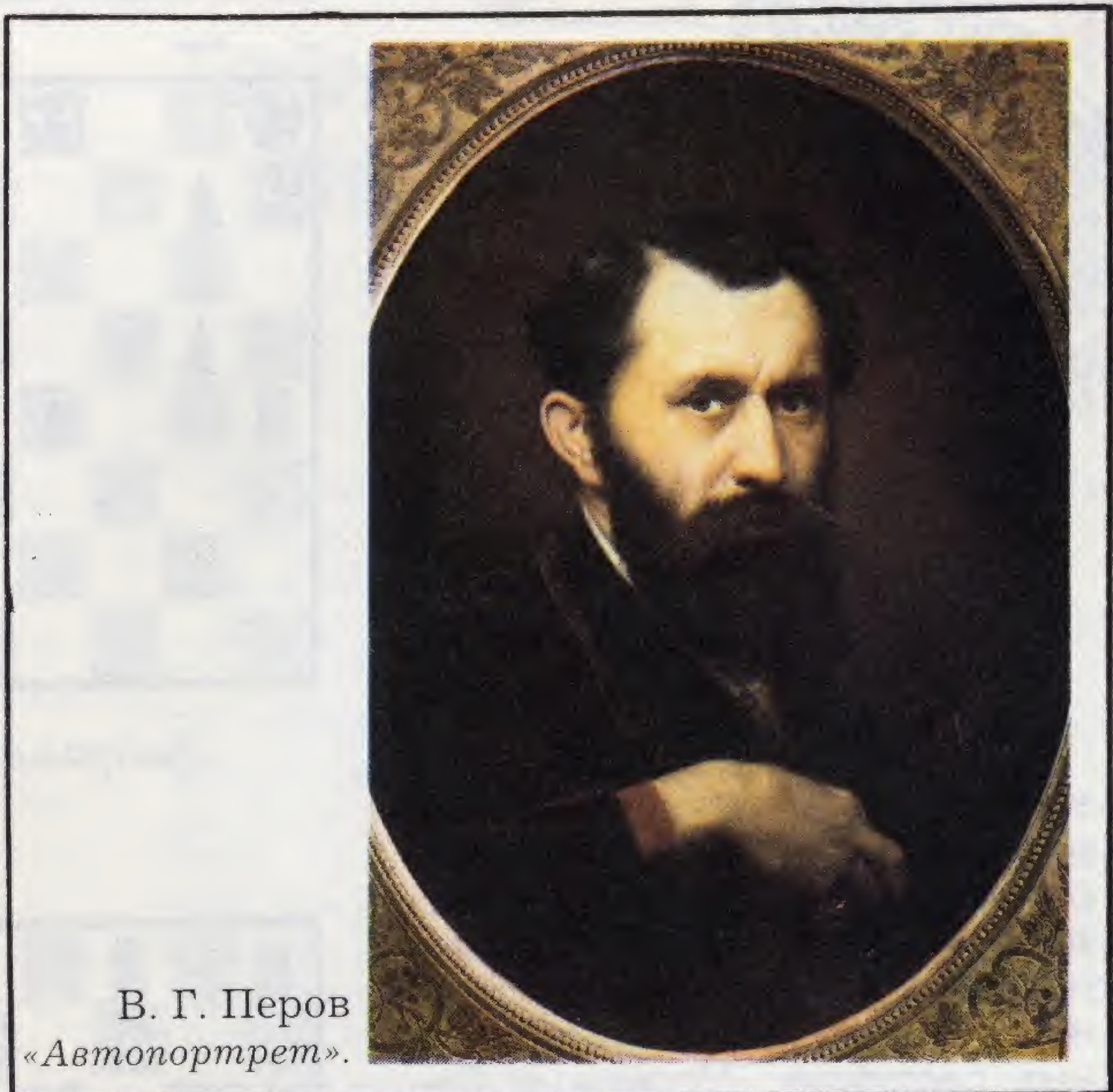
Слово золотое

Одно из пронзительнейших признаний Достоевского: «Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных».

Достоевский не в других только — в самом себе прежде всего находил, угадывал эти возможные «вдруг» и нескончаемые «что-то». Он не «со стороны», не для других ищет, не другим указывает путь, прежде всего для себя, себе. Он для себя такая же тайна, как люди вокруг, которых он как величайшую тайну разгадывает, заведомо зная, что никогда не разгадает до конца. Но перестать разгадывать — вспомним полностью слова его («я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком») — значит перестать человеком быть! Не «учитель жизни», не «высший судия»,— на своей шкуре вынес все беды России, но никогда никому не жаловался, что пострадал, никогда не считал, что перенесенные страдания дают ему право судить других, наоборот, благодаря им почувствовал себя в главном, в человеческом, таким же, как другие, как все, а потому в поисках пути оком духовным беспощадно всматривался в собственные пороки и вины, честно нес их тяжкий груз, неутомимо размышлял о чистоте и радости жизни. «Самоказнь» — есть у Достоевского такое слово.

Разговор с Достоевским, если он расположен был к разговору,— а с Перовым они разговаривали и расположение к разговору было! — становился, по свидетельству близких писателю людей, одним из лучших, радостнейших событий в жизни. «Он говорил тем простым, живым, беспритязательным языком, который составляет прелесть русских разговоров»,— вспоминает один из собеседников писателя. И дальше: «Но самое главное, что меня пленяло и даже поражало в нем, был его необыкновенный ум, быстрота, с которою он схватывал всякую мысль, по одному слову и намеку. В этой легкости понимания заключается великая прелесть разговора, когда можно вольно отдаваться течению мыслей, когда нет нужды настаивать и объяснять, когда на вопрос сейчас получается ответ, возражение делается прямо против центральной мысли, согласие дается на то, на что его просишь, и нет никаких недоумений и неясностей». Собеседники вспоминают интерес Достоевского к самым коренным жизненным вопросам, «о сущности вещей», вспоминают неистощимую подвижность его ума, неиссякающую плодовитость души: «В нем как будто не было ничего сложившегося, так обильно нарастали мысли и чувства, столько таилось неизвестного и непроявившегося под тем, что успело сказаться». Надо полагать, и Перов испытал всю привлекательность бесед с Достоевским.

Но понял при этом, что Достоевский «наиболее на себя похож» не в минуты стремительного, подчас сразу необъяснимого движения его мыслей и чувств, а как раз в минуты сосредоточенных раздумий, когда подвижные мысли и чувства, тут и там таящие нежданные «вдруг» и «что-то», открываются перед духовным оком писателя во всей глубине, связываются в целое, получают

В. Г. Перов
«Автопортрет».

толк и значение. Когда все, что писатель разгадывал в людях, он вбирает в себя, на себе проверяет, в себе укладывает, чтобы спустя время снова возвратить людям, стараясь по мере сил своих и своего разумения помочь им постигнуть мир, в котором живут, самих себя, свои желания и надежды.

Перов мог, наверно, изобразить Достоевского говорящего, Достоевского слушающего, тем более Достоевского пишущего. Он написал Достоевского думающего. Анна Григорьевна, жена писателя, объясняет, что Перов уловил на портрете «минуту творчества» Достоевского. И расшифровывает: «Такое выражение я много раз примечала в лице Федора Михайловича, когда, бывало, войдешь к нему, заметишь, что он как бы «в себя смотрит», и уйдешь, ничего не сказав. Потом узнаешь, что Федор Михайлович так был занят своими мыслями, что не заметил моего прихода, и не верит, что я к нему заходила». «Минута творчества» у Достоевского не когда стремительно пишет, торопясь к концу месяца послать в редакцию сотню-другую задолженных страниц текста, «минута творчества» — когда он «в себя смотрит». «Духовный труженик» — есть у Пушкина, горячо Достоевским любимого, какие прекрасные слова. И другие — не одна Анна Григорьевна — невольные свидетели творческих его минут помнят не скорое движение пера, а как раз неподвижность лица, рук, взгляда: кажется, чувства и мысли неудержимо просятся наружу, но он «весь точно замкнут на ключ — никаких движений, ни одного жеста».

Достоевский на портрете Перова — это Достоевский, которого знали читатели, сосредоточенно, мучительно ищущий разгадку тайны каждого человека и «вечных вопросов» человеческого общения, и вместе — Достоевский, схожий со своими героями, неразгаданный, таящий открытия.

Размышляя о чувстве меры, столь обязательном в подлинных созданиях искусства, Достоевский замечает: «Драгоценное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое, давным-давно уже не в привычках наших художников».

Портрет Достоевского, написанный Перовым,— слово золотое.

Это — Достоевский.

Финал «Белой ладьи»

В белорусском городе Пинске в июне закончился финал очередных, уже девятнадцатых соревнований клуба «Белая ладья». Как и обычно, победу оспаривали лучшие команды пионерских дружин из всех союзных республик, Москвы и Ленинграда.

Финалу предшествовали многочисленные отборочные соревнования, проведенные в школах, районах, городах, по всей стране. Около миллиона юных любителей шахмат собрали эти турниры. Цифра большая, но, конечно, неточная. Ведь ребят, которые в часы досуга хотели бы сразиться за шахматными досками, у нас намного больше. Все дело в организации, в том, чтобы ребята, уже получившие спортивный разряд, помогли новичкам, рассказали о правилах проведения соревнований, сами приняли бы участие в спортивной борьбе.

Хороших примеров много. Вот что, например, пишут нам из школы № 9 города Шахтинска Карагандинской области:

«У нас в школе прошел шахматный турнир «Белая ладья». В полуфиналах выступили 24 участника. Потом прошел финал, в котором победил ученик 6-го «А» класса Саша Финк. Главным судьей соревнований был перворазрядник Валерий Мифодовский. Он следил за четким проведением турниров, оформляя таблицы результатов, разбирал с ребятами партии».

И, конечно, не случайно пионерская команда школы № 9 уверенно завоевала первое место в городе. В этой команде действует верное спортивное правило — один за всех и все за одного.

Ребята прислали в редакцию таблицы своих турниров. По их итогам наша судейская коллегия подтвердила 3-й спортивный разряд Саше Финку, присудила 3-й разряд Паше Донцову. Многие участники получили 4-й разряд.

Интересно провели соревнования клуба «Белая ладья» ребята из алтайского поселка Малиновое Озеро. И здесь многим юным любителям шахмат мы присвоили четвертый спортивный разряд.

Хотим сообщить вам, ребята, что недавно внесены некоторые изменения в положение о розыгрыше соревнований «Белая ладья» на 1987/88 учебный год.

Прежнее положение указывало, что в команду дружины должны входить четыре мальчика и одна девочка. Теперь в команде могут быть и несколько девочек. Это связано с тем, что шахматы стали намного популярнее среди девочек, и многие из них уверенно побеждают мальчишек в школьных чемпионатах.

В новом положении более четко определены и важные вопросы финансирования городских, областных и республиканских турниров клуба «Белая ладья».

К началу нового учебного года выйдет небольшая брошюра, в которой рассказано о порядке проведения соревнований клуба «Белая ладья», а также учебный плакат, посвященный вопросам организации турниров в пионерских дружинах.

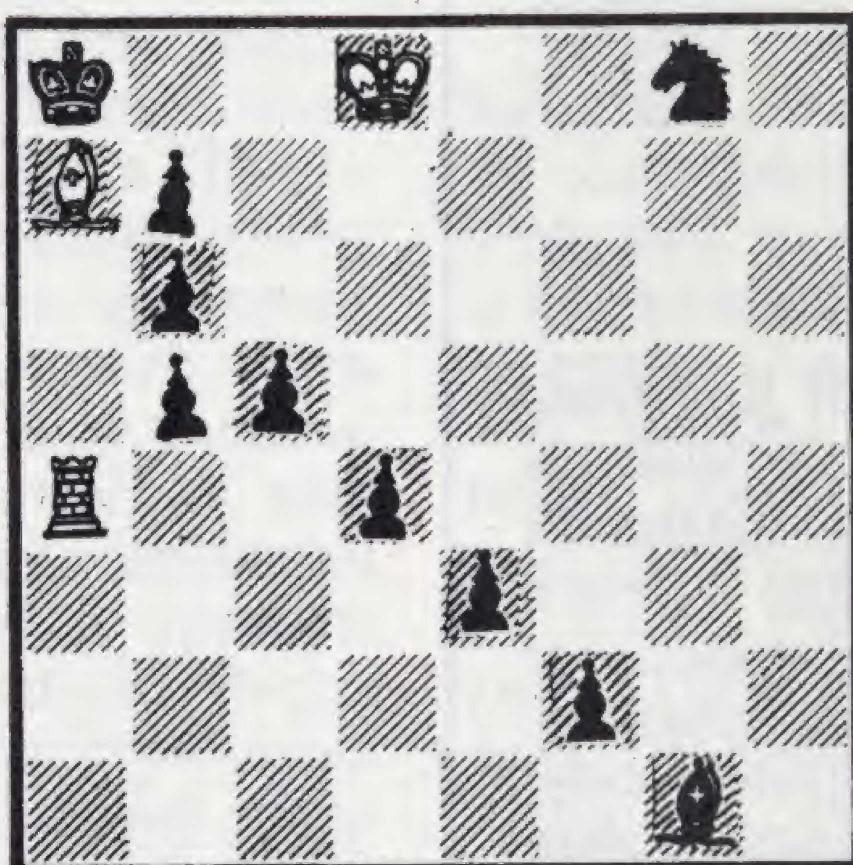

Диаграмма № 1.

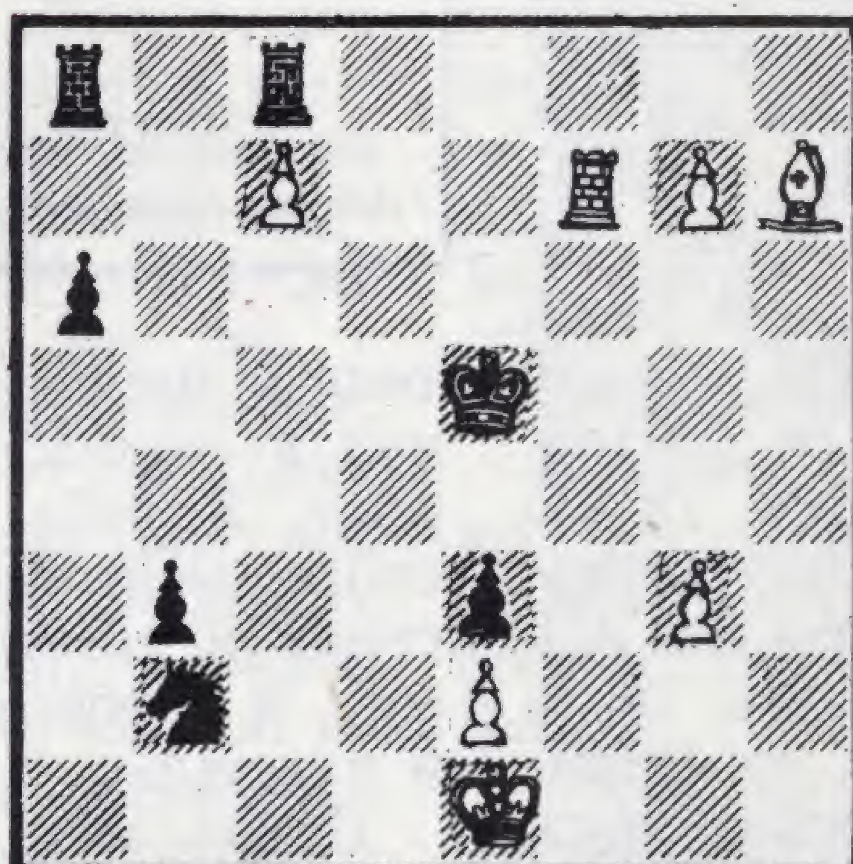

Диаграмма № 2.

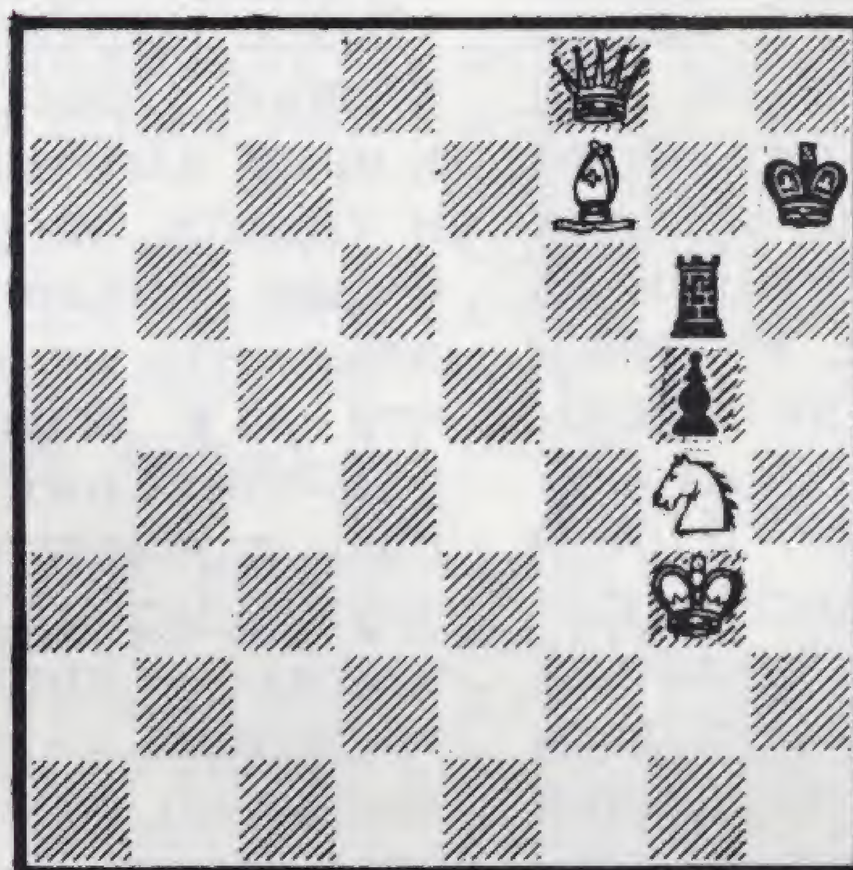

Диаграмма № 3.

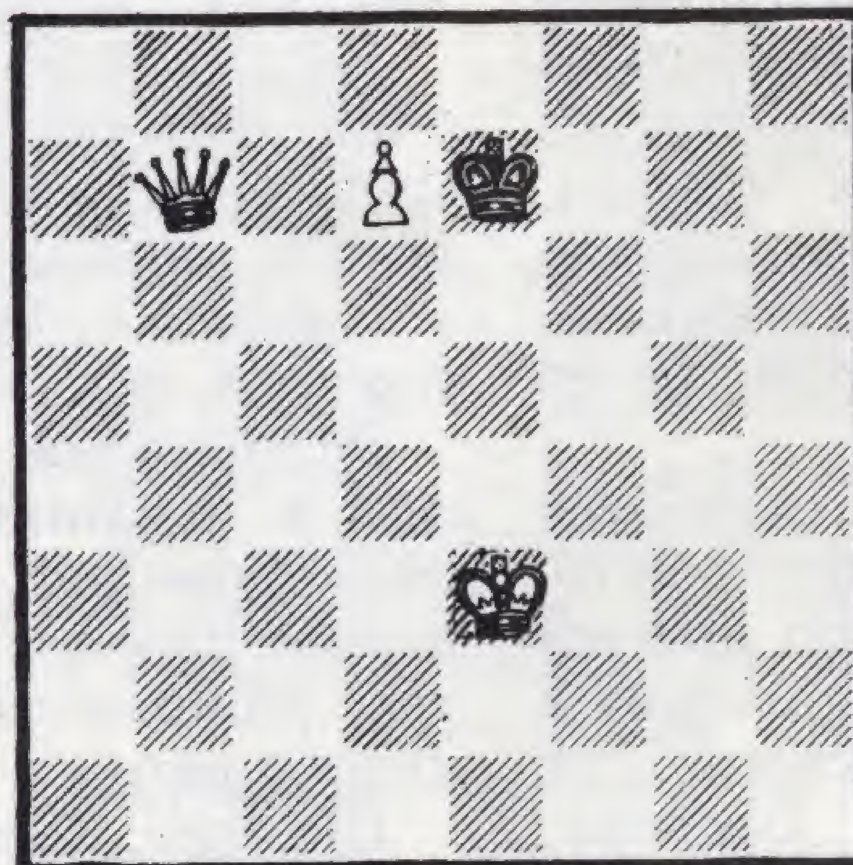

Диаграмма № 4.

По поводу одной задачи

В журнале № 12 за прошлый год была помещена такая задача: белые — Крd8, Лa4, Сa7; черные — Крa8, Сg1, пешки b7, b6, c5, d4, e3, f2.

Диаграмма № 1.

Указывалось, что белые выигрывают, уничтожая все грозные пешки противника. Как написали нам читатель В. Бурцев (Москва), С. Топчик (Львов), К. Никифоров (Витебск), белые дают мат в три хода, после 1. Лa2 и если 1. ... Сh2, то 2. Крc8.

Все верно, но... на диаграмме пропущен черный конь на g8. В этом случае к победе ведет лишь продолжение 1. Лa2 Сh2 2. С:b6+ Крb8 3. Сa7+ Крa8 4. С:c5+ Крb8 5. Сa7+ Крa8 6. С:d4 и т. д.

Белые забирают все пешки, затем играют, уже на двенадцатом ходу Сg1+, и на 12. ... Крb8 дают мат на 13. С:h2.

Оцените позицию

«Играл я тренировочный матч со своим другом Димой,— пишет нам Сережа Чивокин (Пенза).— Одну партию мы не успели закончить. Решили ее присудить, но так и не смогли договориться. Вот и возник у нас спор: как все-таки должна закончиться борьба?»

Диаграмма № 2.

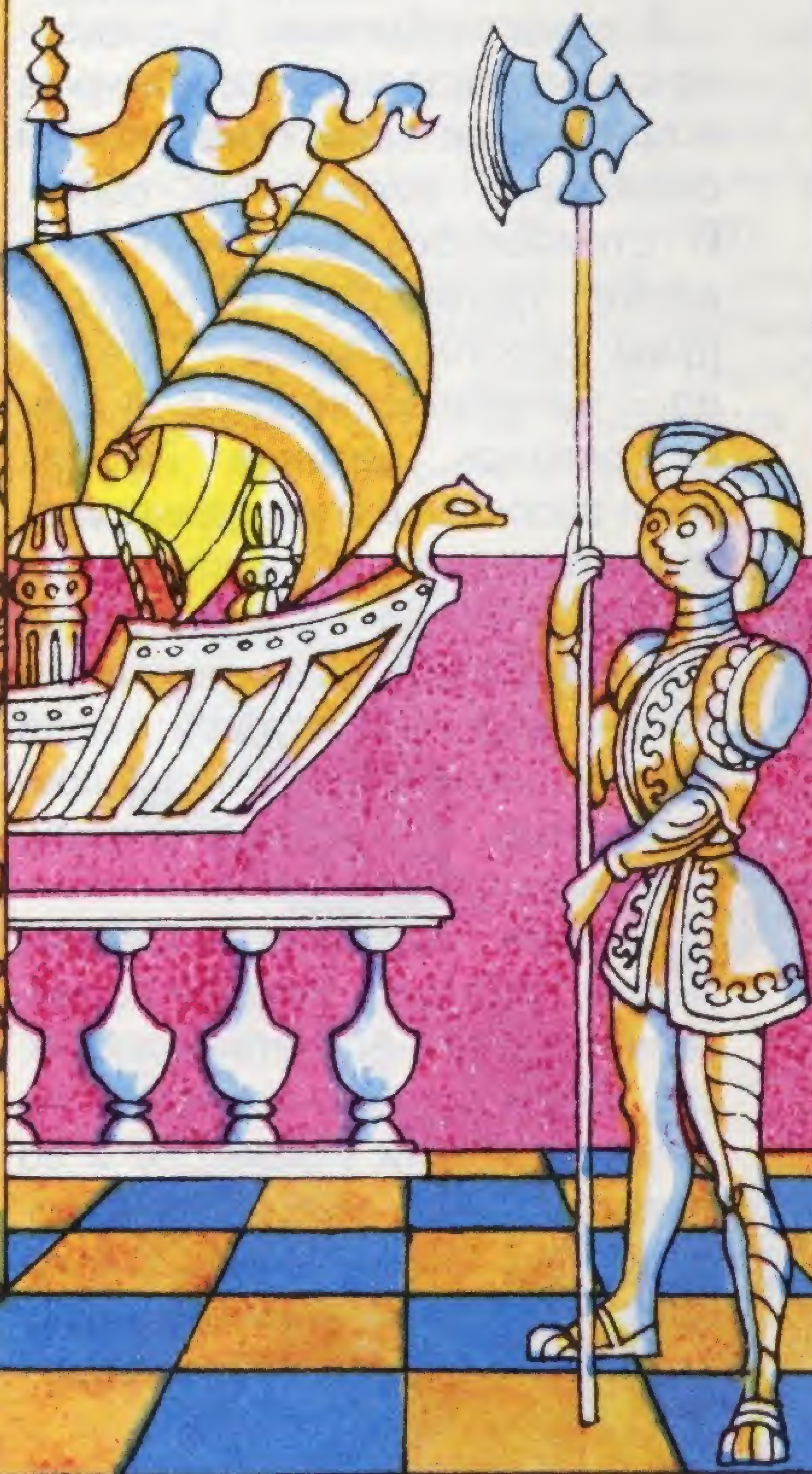
Как вы считаете, ребята, кто должен здесь добиться победы? Белыми играл Дима, и сейчас его ход. Свою оценку подтвердите вариантами. Правильный ответ мы учтем при присвоении спортивных разрядов, а лучшие анализы отметим грамотами журнала.

Попробуйте решить

В наш конкурс решений мы включаем две задачи-миниатюры. В обеих игру начинают белые.

В позиции на диаграмме № 3 мат достигается в два хода, а на диаграмме № 4 — в три хода.

Победители конкурса будут награждены шахматными книжками и грамотами журнала. **В своих письмах, ребята, указывайте, по какому номеру журнала вы шлете решения.**

Тайна редакционного портфеля

Тс-с!

Абсолютно секретно! Читать при закрытых дверях и зашторенных окнах!

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ:

В редакционном портфеле хранятся рукописи — это известно абсолютно точно. Но какие именно — во все времена для непосвященных оставалось тайной. Потому что хоть рукописи и не горят, но запросто могут пропасть. Поэтому-то и приходилось бедным братьям Гонкурам выходить из дома только по очереди. Столь же осторожны, по их собственному признанию, были Илья Ильф и Евгений Петров. А один знаменитый заокеанский писатель, не имевший надежного соавтора, держал все свои произведения в швейцарском банке. Однако особенно тяжело приходилось редакциям журналов. Ведь если рукопись украдут из портфеля писателя, он может сочинить новую. Если же она исчезнет из портфеля редакции, то что будет напечатано в журнале?

Но тебе, уважаемый читатель, мы откроем эту тайну — **тайну редакционного портфеля.** Мы уверены: ты наш друг. А в портфеле хранится то, что ожидает тебя в ближайшем будущем. И с нашей стороны было бы нечестно скрывать будущее от друга.

А ТЕПЕРЬ ОТМЫКАЕМ ЗАМКИ. ПОРТФЕЛЬ ОТКРЫТ.

На первом листке читаем: ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. Да, да, тот самый Высоцкий — замечательный поэт, актер и певец. Оказывается, он писал и о школе:

От стены к стене летели,
Как снаряды «Фау-2»,
То тяжелые портфели,
То обидные слова...

А почему они летели, ты узнаешь из поэмы **В. Высоцкого «Что случилось в пятом «А»?»,** которая будет напечатана в 9-м номере нашего журнала.

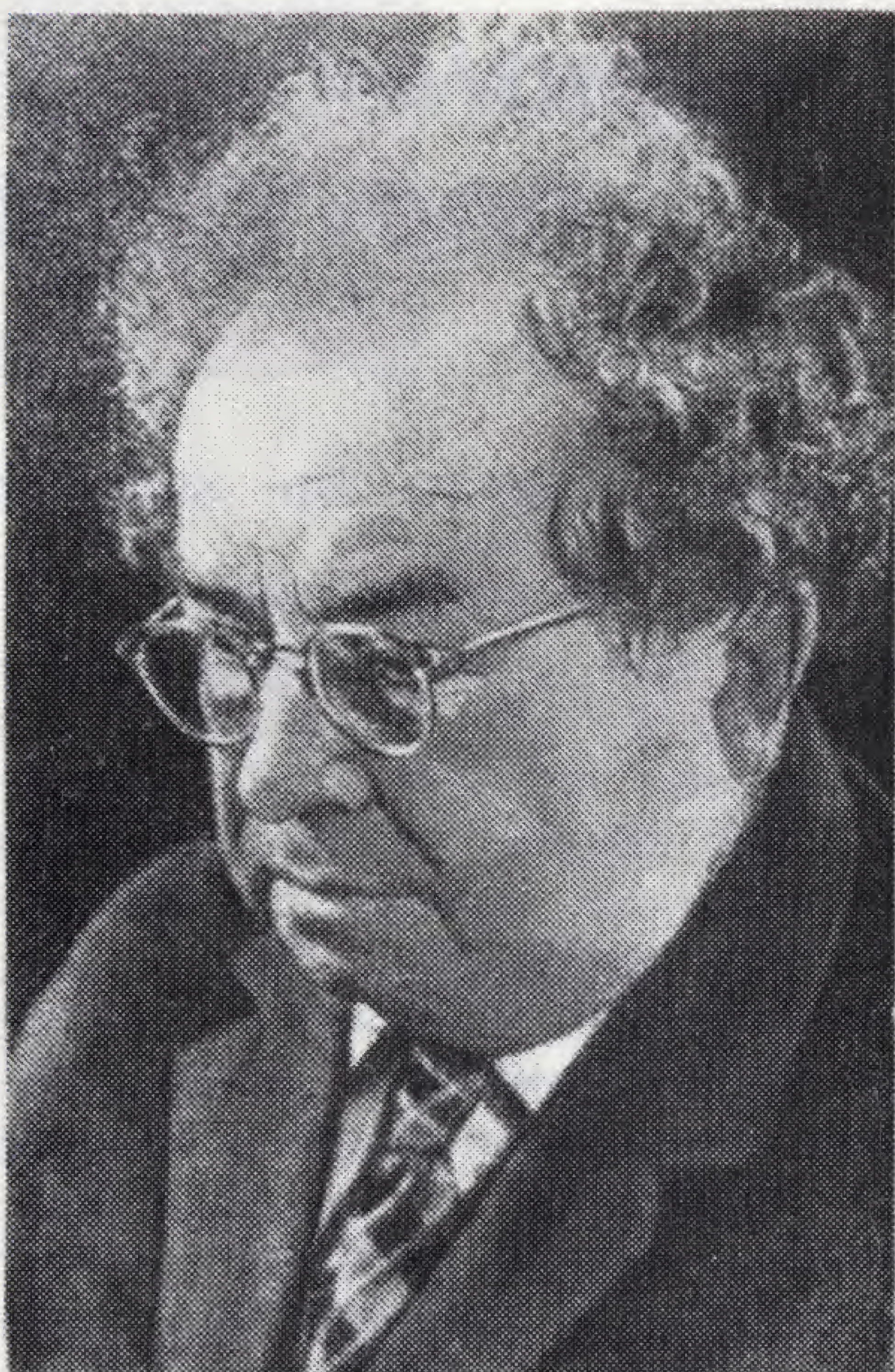
ИЗВЛЕКАЕМ ИЗ ПОРТФЕЛЯ СЛЕДУЮЩУЮ СТРАНИЦУ:

«Мальчишки всегда мальчишки: кто из них не мечтал о море? Потому Пашкина дружина и сгрудилась около моряка, на бескозырке которого блестели золотые буквы «Орел». Никто не знал его имени. «Орел велел!», «Орел приказал!» — раздавалось кругом».

Это отрывок из новой повести **Арсения Рутько «Пашкины колокола»,** которая появится на страницах «Пионера» в №№ 11 и 12.

Вот ты и узнал, уважаемый читатель, что ожидает тебя в ближайшем будущем. Надеемся, ты будешь хранить тайну редакционного портфеля. Если же найдешь надежного человека — откройся ему. Надежные люди нам нужны. И чем больше, тем лучше. Пароль — «Пионер»!

И поддерживай с нами связь. Вскоре мы опять сообщим тебе новую ТАЙНУ РЕДАКЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ.

Евгений Пермяк

(1902—1982)

Родился Евгений Андреевич Пермяк в 1902 году именно в Перми и прожил на Урале половину своей жизни. И хотя основная литературная жизнь писателя прошла далеко от Урала, но он был вправе сказать: «Никто и никогда не уходил и не уйдет от своего края, как бы далеко он ни оказался от него». И действительно, во всех книгах Евгения Пермяка присутствует если не сам Урал с его сказочными сокровищами, то люди «уральского характера»: трудолюбивые, на все руки мастера, гордящиеся своим умением. Сам Евгений Андреевич был таким: любил и умел работать топором, лопатой, умел мастерить всякие хитрые приспособления — самоделки, облегчающие хозяйство.

Но «уральский характер» писателя больше всего и прежде всего проявился в его книгах. Писать он начал рано, в середине 30-х годов, после окончания педагогического факультета Пермского университета. И первым его сочинением были пьесы. К театру он пришел в студенческие годы. Тогда он организовал «Живую театрализованную газету». Для этой «газеты», выступавшей на заводах и фабриках, в клубах и школах, Евгений Пермяк писал фельетоны, сатирические сцены, куплеты и частушки — все, что делало выступления «живой газеты» злободневными, «кусачими», нужными зрителям. Евгений Пермяк написал много пьес. Некоторые из них имели завидную театральную судьбу и шли в театрах не только Урала, но и Москвы, Ленинграда, Одессы, других городов страны. И все же не в этой форме литературного творчества проявились самые сильные стороны писательского таланта Пермяка.

Очерки, рассказы, повести, роман, сказки сделали Евгения Пермяка одним из известных современных советских прозаиков.

Евгений Пермяк писал для читателей разных возрастов. Но больше всего — для детей. В нем всегда жил учитель, наставник. Ведь, наверное, недаром Пермяк поступил учиться не куда-нибудь, а на педагогический факультет. Никогда не было в книгах писателя скучного поучительства, унылой назидательности, укора. Это бывает, говорил Евгений Андреевич, только у плохих учителей, лучше бы они шли учиться на когонибудь другого...

Ну, а больше всего любил Евгений Пермяк писать сказки. Он их считал основой литературы для детей.

В его сказках присутствует самая что ни на есть реальная жизнь, она лишь облечена в форму сказки, где действуют злые и добрые персонажи, где между ними всегда происходит борьба и где всегда побеждает самый добрый, самый умный и умелый.

Евгений Пермяк создал особый тип «познавательной сказки». Достаточно прочитать одни названия сказок, чтобы понять, о чем хочет рассказать он своим читателям: «Как Огонь Воду замуж взял», «Как самовар запрягли», «Кто мелет муку», «Быль-небыль про Железную гору», «Притча про сталь и чугун», «Сказка о большом колоколе», «Болтливая молния»...

В сказках Евгения Андреевича самые, казалось бы, обычные и привычные вещи приобретали сказочный, волшебный образ. И становилось понятным, что делает чудом огонь, воду, кусок руды, простой камень... Это чудо — человеческий труд. В своих сказках Евгений Пермяк умел рассказывать о самых сложных явлениях. «Сказка о стране Терра-Ферро» — книга о значении железа в жизни человека. Но она еще и об истории нашей страны, нашего общества, борьбы народа с темными силами, с Гнилью и Ржавчиной...

Евгений Андреевич Пермяк умер в 1982 году. Велик и поучителен итог его 80-летней жизни. Его книги широко известны не только в нашей стране, но и во многих странах мира, они переведены на многие языки. И вместе с ними продолжается жизнь старого и мудрого наставника.

Евгений ПЕРМЯК

Крылатая изменщица

— Где и когда только не рассказывали эту сказку про животное, которое не птица, а летает, не щука, а зубасто. В темноте живет, да не крот, зимой спит, да не в берлоге. А бывает, и с иным мальчонкой схожо.

— Чем же,— спросил внук старого сказочника,— мальчик не мышь и крыльев у него нет. Чем?

— Пусть тебе ответит сказка. Слушай...

И старик повторил древнюю сказку:

— Когда птицы воевали с грызунами и по всему было видно, что перевес за крылатым войском, Летучая мышь примыкала к птицам и торжествовала вместе с ними победу.

Это удивляло птиц, и они спрашивали:

— Как тебе не стыдно радоваться поражению грызунов? Ведь ты же из их племени, ты — мышь! У тебя острые, как пила, зубы и длинный, тонкий мышиный хвост!

— Какая же я мышь, коли у меня крылья. Захочу, могу и в теплые страны улететь.

Птицам нечего было возразить, и они признали мышь птицей.

Когда же побежденные грызуны, оправившись после разгрома, переходили в наступление и разгоняли пернатых, Летучая мышь прославляла с ними исход сражения.

— Чему ты радуешься? Ведь у тебя же крылья!

— И рыбы бывают крылатыми, но их никто не называет птицами! Я мышь! Мышь! — скрипуче пищала изменщица.— Я ваша кровная родня.

Так повторялось несколько раз и кончилось тем, что и пернатые, и грызуны, вплоть до маленьких мышек-полевок, не только отвернулись от вероломной притворщицы, но и решили расправиться с ней.

С тех пор Летучая мышь стала прятаться на чердаках, в дуплах, скрываться в пещерах или трещинах скал, и только ночью, когда все спали, она стремительно и боязливо вылетала на промысел, чтобы не околеть с голоду.

— Вот и все, милый мой,— сказал дед,— мне бы очень хотелось, чтобы ты запомнил на всю жизнь эту не такую уж детскую сказку и не повторил бесстыдство Летучей мыши ни в дружбе, ни в любви, ни в верности земле, которую ты называешь родной.

Про еловые шишки

В ослепительно-позолоченном бронзовом канделябре горели семь одинаковых свечей. Желтые язычки их пламени отражались в хрустале волшебно-радужными отблесками. Синими, рубиново-красными, изумрудно-зелеными. И свечи возомнили о себе. Они бесцеремонно коптили... Небрежно капали... Особенно средняя, центральная. Она горела выше всех, потому что расположение подсвечников канделябра было пирамидальным. И ей казалось, что она знаменитая свеча, самое выдающееся светило.

А свечи, горящие рядом с ней справа и слева на ступеньку ниже, тоже чувствовали себя по крайней мере звездами первой величины.

Такое заблуждение происходило оттого, что у канделябра была слишком длинная ножка и свечи горели высоко. Но разве они одни, оказавшись над другими, заблуждаются подобным образом?

Н-нет — не они одни. И это очень печально. Печально тем более, что еловые шишки тоже мнят себя невесть какими персонами только потому, что растут на верхних ветках высоких елей.

Ради этих-то зазнавшихся шишек и сложена сказка, а свечи тут ни при чем. Они парафиновые. И им нечем воображать. А вот шишки — это совсем другое дело... Они же — еловые! Д-да!

Публикация Ксении Пермяк.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Переменка

В мире прекрасного

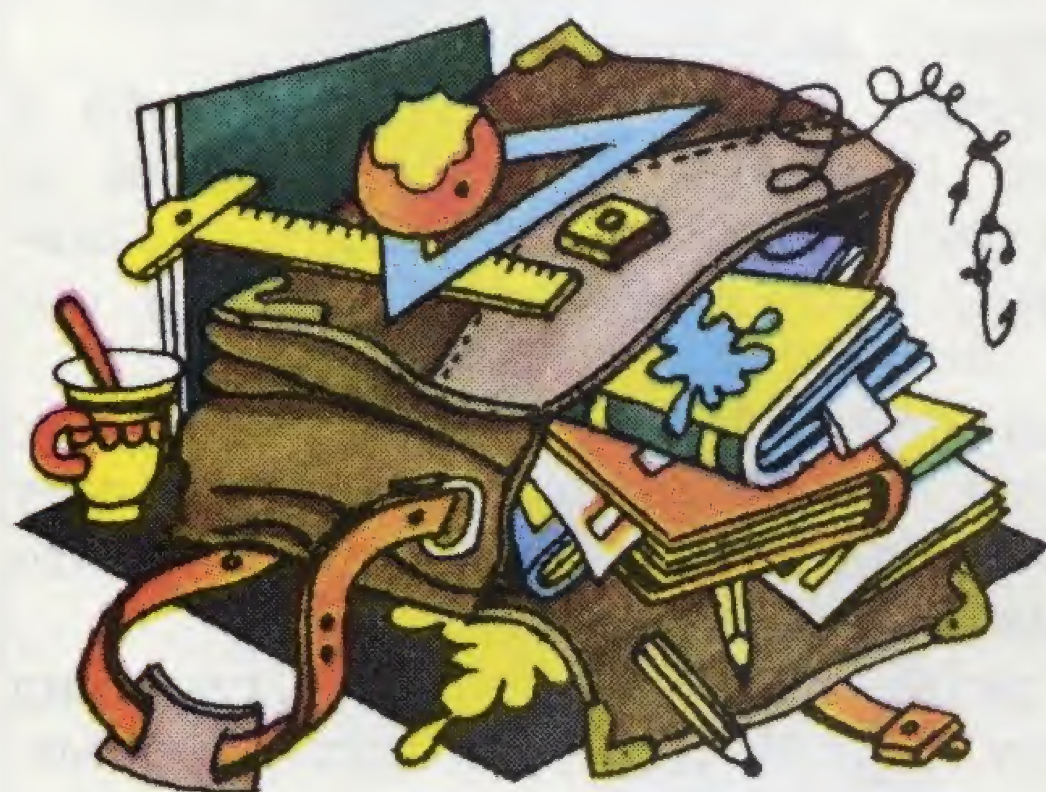
Вася Г. и Степа Т. подрались после того, как Вася нарисовал Степин портрет, а Степа посвятил Васе свои стихи.

* * *

Прочитав комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума», второгодник Алеша В. сменил чувство нехорошей зависти к отличнику Саше М. на чувство трогательной заботы.

* * *

Известный всему классу подлиза — Коля Л. — решил заняться скульптурой и изваять огромную конную статую завуча.

Скороговорки

Намопятьничегонезадавали! Кужинубудудома!

* * *

Видалвчеракино? Онегобахонеготрахонивместешлепшлеп! Вотэтовещь!

Логический практикум

Исаак Ньютон при свете четырех свечей открыл три закона механики. Сколько новых законов в разных науках можно открыть, имея настольную лампу в 100 свечей?

* * *

Всем известно, сколько успел сделать Александр Сергеевич Пушкин за одну только осень в Болдине.

Сколько же может сделать целый класс (тридцать человек), если будет работать круглый год?

Анвар АБИДЖАН

Друзья

— Джигиту для друга
Не жаль и коня!
Мороженым, друг,
Угостил бы меня.

— Мороженым? —
Друг на секунду замолк.—
Ну, ладно,
Лизни,
Только капельку.
В долг.

Перевел с узбекского
Николай Ламм.

Перловая книга

«Профессия учитель самая хорошая, я ее очень люблю и поэтому хочу стать доктором».

«Сергей, не открывая рта, ел суп».

«По выражению лица лошади было видно, что она смотрит в море».

«На меня напала мысль».

Перлы отыскали Сергей Лавкин из Тольятти, Виктор Виноградов из Воркуты, Владимир Бугров из Подольского района Московской области, а также мальчик, забывший сообщить свою фамилию, из пос. Липовцы Приморского края.

Спрашивайте-отвечаем

— Эй, Рафик, ты что сегодня в джинсы вырядился?

— А у меня день рождения!

— Ну и что? Ты в них так и родился?

* * *

Учитель. Как называлась борьба между рабами и рабовладельцами?

Ученик. Не помню.

Учитель. Ну, я тебе подскажу. От слова «класс».

Ученик. А!.. Классическая.

Прислали М. Мамедова из Кировабада и Е. Коган из Харькова.

Дровссорк

Если прочесть это слово задом наперед, то получится «кроссворд». А написали мы его так для того, чтобы вы сразу поняли: вам предлагается ломать голову не над обычным кроссвордом, а над кроссвордом-наоборот.

Как видите, все клеточки в нем уже заполнены. Так что вам остаются сущие пустяки: придумать вопросы на готовые ответы. Но ответы должны быть не простые, а обязательно остроумные. Допустим, в клетке написано слово «ПРЫГАЛКИ». Кто ответит, что это веревочка, через которую прыгают, вертя ее через голову, будет абсолютно не прав. А вот кто, к примеру, напишет, что это девочки-непоседы, тот может претендовать на публикацию своего ответа на страницах «Переменки».

Ждем ваших ответов, вернее, вопросов, на наш кроссворд, вернее, **дровссорк.**

1 Г	Л	У	2 Ш	Ь			3 К	4 А	Р	Т	5 А
О			У					С			К
Н		6 У	Т	Р	Е	Н	Н	И	К		Т
К			К					Н			Е
7 И	Д	Е	А	Л			8 З	А	Б	О	Р

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Время — деньги

В 1815 году у деревни Ватерлоо в Бельгии огромная армия Наполеона вступила в бой с английскими и германскими войсками. От исхода этой битвы зависело будущее Европы. В Англии понимали, что победа французов может обернуться катастрофой для ее промышленности и торговли и разорением для многих англичан. Поражение же Наполеона, напротив, будет способствовать процветанию англичан и росту их доходов.

Сражение состоялось, французы были разбиты, но путь от Бельгии не ближний, а телефонов и телеграфа еще не придумали. Поэтому в Англии долго пребывали в неведении, с тревогой ожидая вестей. Потом поползли слухи о победе Наполеона. В Англии началась паника. Боясь вторжения французов и полного разорения, промышленники и торговцы бросились продавать свои предприятия. Они спешили выручить хоть какую-нибудь сумму и уступали их за бесценок, но найти покупателя было очень трудно.

Лишь один человек в этой суматохе вел себя не как все. Он охотно скупал фабрики, заводы, корабли. Риск? Случайность? Нет, точный расчет, хотя человек, о котором идет речь, не был силен в военном деле. Джеймс Ротшильд — таково было его имя — один во всей Англии знал, что победили англичане. Знал и умело этим пользовался...

Он не был ясновидящим. Секрет заключался в другом. С английскими войсками Ротшильд отправил в Бельгию почтовых голубей. Они-то через несколько часов и принесли ему весть об исходе битвы. Так за два дня ловкий делец стал миллионером.

Судьба второго хлеба

«Здравствуй, милая картошка, пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья, кто картошку не едал!»

Так поется в задорной пионерской песне. И неспроста. Картошка не только очень вкусна, но и полезна. А если к этому добавить ее урожайность — в 10 раз больше пшеницы, то станет ясно, что она «идеал» не только пионеров. Короче, картофель — один из важнейших продуктов питания, «второй хлеб Европы», и тем не менее...

Сегодня трудно поверить, что каких-то 200—300 лет назад ни в одной стране Европы его не хотели ни выращивать, ни есть. Дело в том, что родина картофеля — Америка, где он издавна служил пищей для индейцев. Когда же его привезли в Европу, никто толком не знал, как с ним обращаться. Его разводили в садах, как цветы, пытались есть его плоды, но они были горькие и вызывали отравления. С тех пор картофель прозвали «чертовыми яблоками», и в народе его считали плохой и даже вредной едой.

Возможно, и не стал бы он желанным гостем на кухне, но население Европы быстро увеличивалось, с продуктами становилось все труднее, нарастала угроза голода. Тогда и вспомнили о картофеле. Ученые утверждали, что это замечательное растение, которое поможет всех накормить. По их совету правители государств «для пользы подданных» приказали сажать картофель повсеместно...

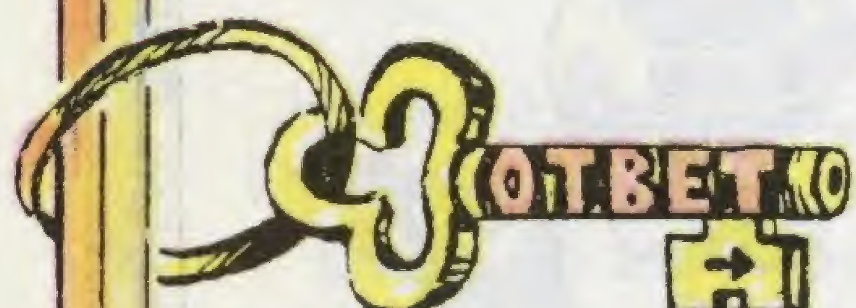
Думаешь, все бросились разводить картофель? Ничего подобного. «Чертовы яблоки» боялись есть и отказывались их выращивать. Начались картофельные бунты. Заставить крестьян сажать картофель не удавалось. И тогда министр финансов Франции Жак Тюрго пошел на хитрость...

В разных районах страны солдаты стали распахивать поля и засевать их каким-то растением. Вокруг полей выставлялся караул. Но днем караульные несли службу, а на ночь уходили. Увидели крестьяне, что поля охраняются, и рассудили по-своему: «Ценное, видно, растение, коли его охраняют. Плохое охранять не стали бы». А раз так, дожидались крестьяне темноты и, только охранники уйдут, бегом на поле. Выкапывали ценные растения и сажали к себе на огороды.

Растения эти, как ты догадался, были картофелем. Так вскоре вся Франция стала его выращивать. А когда распробовала и оценила картофель, поставила своему министру памятник.

Вслед за Францией картофель быстро завоевал другие страны, и сейчас невозможно даже представить, что когда-то его не было.

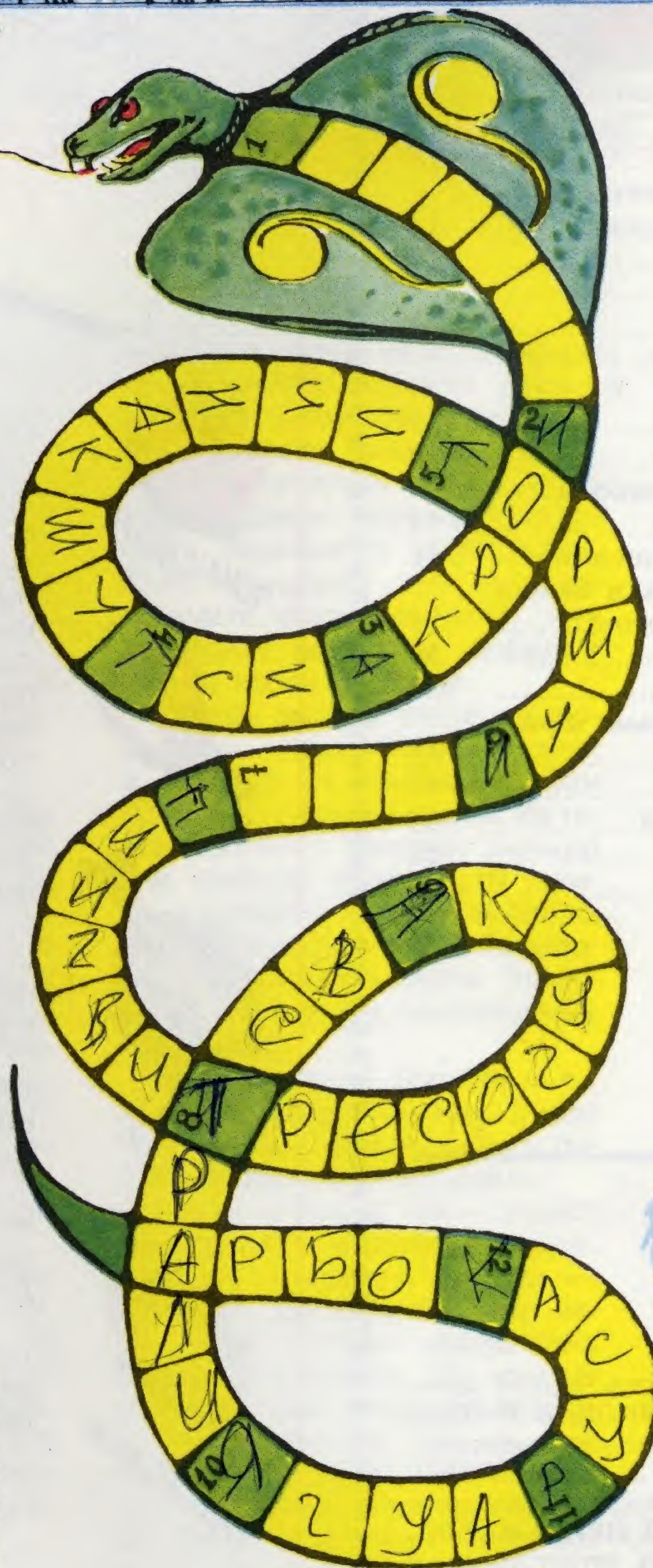
Ответы на кроссворд, напечатанный в «Пионере» № 7

1. УАЗ. Ульяновск. 2. ЗИЛ. Москва. 3. ИЖ. Устинов. 4. ГАЗ. Горький. 5. ЗАЗ. Запорожье. 6. ПАЗ. Павлово. 7. БелАЗ. Жодино. 8. КрАЗ. Кременчуг. 9. ЛиАЗ. Ликино. 10. АЗЛК. Москва. 11. ВАЗ. Тольятти. 12. ЛАЗ. Львов. В желтых клеточках по горизонтали — **осторожность.**

ЧАЙНВОРД ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

1. Ящерица, которая умеет менять свою окраску.

2.

3. Какая птица может свить гнездо на крыше?

4.

5.

6. Арабский скакун, владимирский тяжеловоз, орловский...

7. Живет в океане, но не рыба.

8.

9. (Место обитания.)

10.

11. Заяц-беляк, заяц...

12. Змея, на которой нарисован чайнворд.

Как не попасть пальцем в небо?

В разговоре мы привыкли опускать детали, которые сами собой разумеются.

— Последний «Пионер» самый интересный,— сообщаете вы, имея в виду последний номер журнала «Пионер» со множеством интересных статей, рисунков, стихов.

Недосказанное понимается обычно правильно, хотя... ошибки в додумывании становятся причиной забавных недоразумений. «Полоть грядки надо как можно чище»,— обращается вожатый к пионерам, а потом самые усердные оправдываются: «Мы думали... все выдергивать».

На тех же недосказанностях строятся логические загадки и вопросы, «пускающие» домысливание «по ложному следу». Они учат быть внимательнее к «мелочам». Вот несколько таких вопросов.

Один футбольный болельщик всегда правильно называл счет до начала матча. Как ему это удавалось?

Сидят две лягушки: маленькая и большая. Маленькая — дочь большой лягушки, хотя большая ей не мама. Почему?

Белые и черные овцы одинаково любят траву, но белые поедают ее больше, чем черные. Почему?

В английском и немецком языках алфавит состоит из 26 букв. Не заглядывая ни в один справочник по шведскому языку, можно ли точно сказать, из скольких букв состоит алфавит? Как это сделать?

У меня в пакете три яблока. Одно яблоко я дал Коле, второе — Саше, третье — Пете. После раздачи одно яблоко осталось в пакете. Как это могло случиться?

Не можешь ответить сам, жди следующий номер «Пионера».

Содержание

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.06.87.
Подписано к печати 19.06.87. А 04730. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 1811. Заказ № 808.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Кот Матроскин, Домовенок и Винни-Пух сидели на диване и «грузили пароход». Им было не так уж тяжело, потому что и пароход, и грузы были не настоящие, а воображаемые. Зато пыхтели они, будто заправские грузчики. Еще бы, ведь на «пароход» могли попасть только предметы на букву «ф», а она, как давно подмечено, не самая распространенная в русском языке. Тот, кто не мог назвать вещь на нужную букву, из игры выбывал, поэтому все очень старались. В трюм полетели фингал, форточка, футболисты и фрикадельки...

— А если грузить на пароход только то, что нам хотелось бы съесть? — предложил Винни-Пух.— Например, на букву «п».

— Пирожки с подливкой, помидоры с перцем, палтус печеный,— быстро составил меню Домовенок.

— Хватит-хватит! — не выдержал Матроскин.— Такого обеда тебе никто в жизни не приготовит!

— Почему же никто? — нео-

жиданно вмешался Колобок.— Я, уважаемый Матроскин, могу. И ребят научу. Причем, учтите, это будет обед из одного блюда, но в него войдут и пирожки, и подливка, и перец, и палтус... И называться это будет тоже на «п» — ПИЦЦА.

Рецепт пиццы, который узнал в Италии много покатавшийся по разным странам Колобок

Примерно на 2—2,5 стакана муки берется 125 г маргарина и около стакана молока, или кефира, или простокваши (молоко может быть скисшее). Все это перемешивается в миске ножом. Как будто рубится. Не забудьте влить чуть-чуть соды, разбавленной чайной ложкой уксуса. Если тесто долго остается вязким, можно, продолжая его рубить, добавить еще муки. Потом помять массу руками, сделать ком и поставить на холод.

Пока тесто морозится, займитесь приготовлением начинки. Если под рукой есть вареная колбаса или сосиски, нарежьте их на мелкие кусочки. Если есть вареное мясо, проверните его через мясорубку. То же самое можно проделать и с рыбой. А свежие грибы, если, конечно, они имеются, следует слегка отварить, затем измельчить. Потом нарезать кольцами репчатый лук. Натереть любой сыр на терке. Дальше берутся помидоры и нарезаются кружочками. Если помидоров нет, не беда: возьмите томатную пасту, чуть разведите ее водой, добавьте соль и перец по вкусу.

Теперь выньте тесто из морозилки, раскатайте скалкой и кладите на противень. Сам противень смажьте жиром. На тесто положите мясную, рыбную или грибную начинку. (А хотите — добавьте грибы к любой из них.) Потом слой лука. Помидоры или томатная паста. Завершает это слоеное произведение тертый сыр.

40—50 минут в духовке — и...

Когда ароматнейшее блюдо было готово, друзья уселись пировать. Вернее, «пиццевать».

— Ох, и вкусно же,— сказал Домовенок.— Спасибо большое, Колобок, накормил ты нас...— И сытый Домовенок вышел из-за стола, чтобы немедленно улечься на диване. Он вообще очень положительно относился к дивану, потому что на нем можно было полежать.

— Ой-ой-ой! Диван жжется! — не успев устроиться, соскочил на пол Домовенок.

— Это не диван,— объяснила Белоснежка.— Это крапива.

— А зачем ты ее тут разложила? Специально, да? Чтобы я обжегся?

— Специально. Но вовсе не для того, чтобы кто-то обжегся.

— А для чего же?

— Вот для чего...

Рекомендация Белоснежки для головы, на которой растут волосы

Чтобы иметь хорошие волосы, надо за ними хорошо ухаживать. Это, собственно, не такой большой секрет для многих. Но вот, например, хватает ли у девочек терпения по сто раз в день проводить щеткой по своим волосам, чтобы придать им шелковистость?

Очень полезно мыть голову не только шампунем, но ромашкой и, как я, крапивой.

Это делается так. Листья крапивы чуть подсушить, мелко нарезать и промыть через сито. Потом залить водой, смешанной пополам с уксусом (примерно на 100 граммов крапивы стакан воды и стакан уксуса). Кипятить полчаса, процедить через марлю — и состав окончательно готов. Промойте им волосы. Никакое мыло или шампунь после крапивного отвара не нужны.

— Интересно, — задумчиво произнес Колобок и погладил себя по абсолютно круглой голове.— А если мне крапивой голову помыть, волосы вырастут?

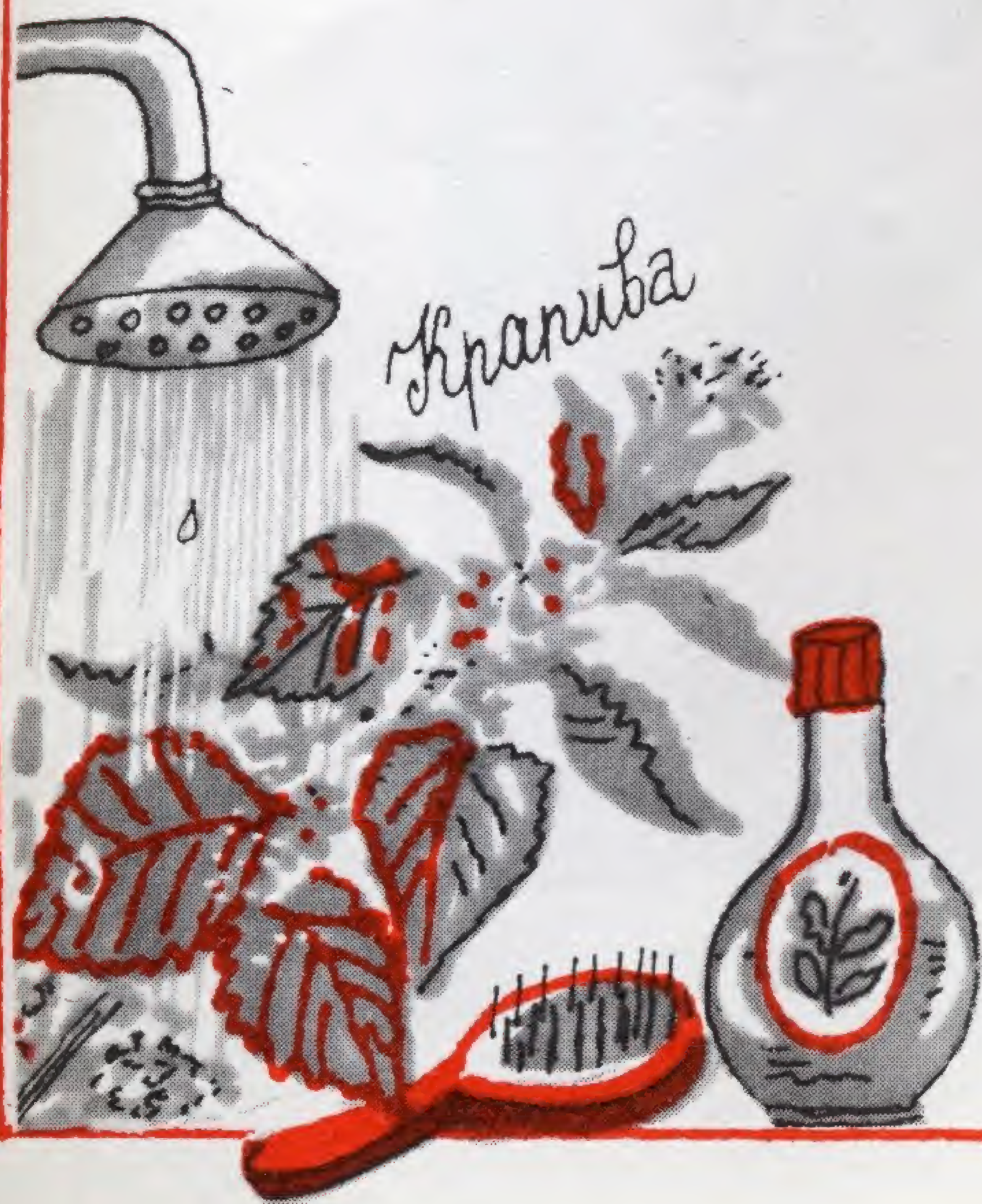
— Колобок, ты и так хорошенький! — обняла его Белоснежка.— Крапива только укрепляет корни волос и делает волосы более шелковистыми и пушистыми. Но вырастить не может.

— М-да, видно, ничего не поделаешь,— уже не так расстроенно погляделся в зеркало Колобок. И пошел мыть посуду.

А все остальные отправились мыть голову.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Больше 2000 писем с пометкой «Песня-молния» на конверте получил журнал «Пионер»! Спасибо! Все стихи внимательно прочитаны и обсуждены членами жюри.

В этом номере «Кораблик» начинает печатать лучшие стихотворения, присланные на конкурс.

«Зовут меня Лариса ЯКИМОВА, учусь в 8-м классе, живу в городе Сарапуле. Пишу стихи с 7 лет. Они рождаются под музыку — под музыку композитора или под музыку моих чувств. Не всегда это получаются песни, но для меня, во мне они звучат».

Мальчишки военной поры

Воспитана я
В облаках тишины.
Не рвутся снаряды,
Зубрим мы науки.
Но страшно подумать:
Мальчишки военной поры
Остались детьми,
А у них уже были бы внуки...

Они погибали
Под русским Орлом.
Их смерть настигала
Под Прагой и Веной.
С тобою, товарищ,
Мы в мире сегодня живем.
Спасибо военным,
Военным мальчишкам за это!

От света костра
Вдаль мерцают огни.
И дремлют рисунки
В потертых альбомах.
Рисуют мальчишки
Ребят из войны,
Совсем незнакомых,
Совсем незнакомых...

Воспитана я
В облаках тишины.
Меня окружают
Друзья и подруги.
Но страшно подумать:
Мальчишки военной поры
Остались детьми,
А у них уже были бы внуки...

«Меня зовут Алена КИСЛЯК, я живу в сибирском городе Братске, учусь в 3 «Д» классе школы № 3. Наша школа новая, поэтому мы, как можем, помогаем старшим ребятам и взрослым оформлять классы, сажать деревья, содержать в чистоте школьный двор. Мы участвуем в ярмарках мира.

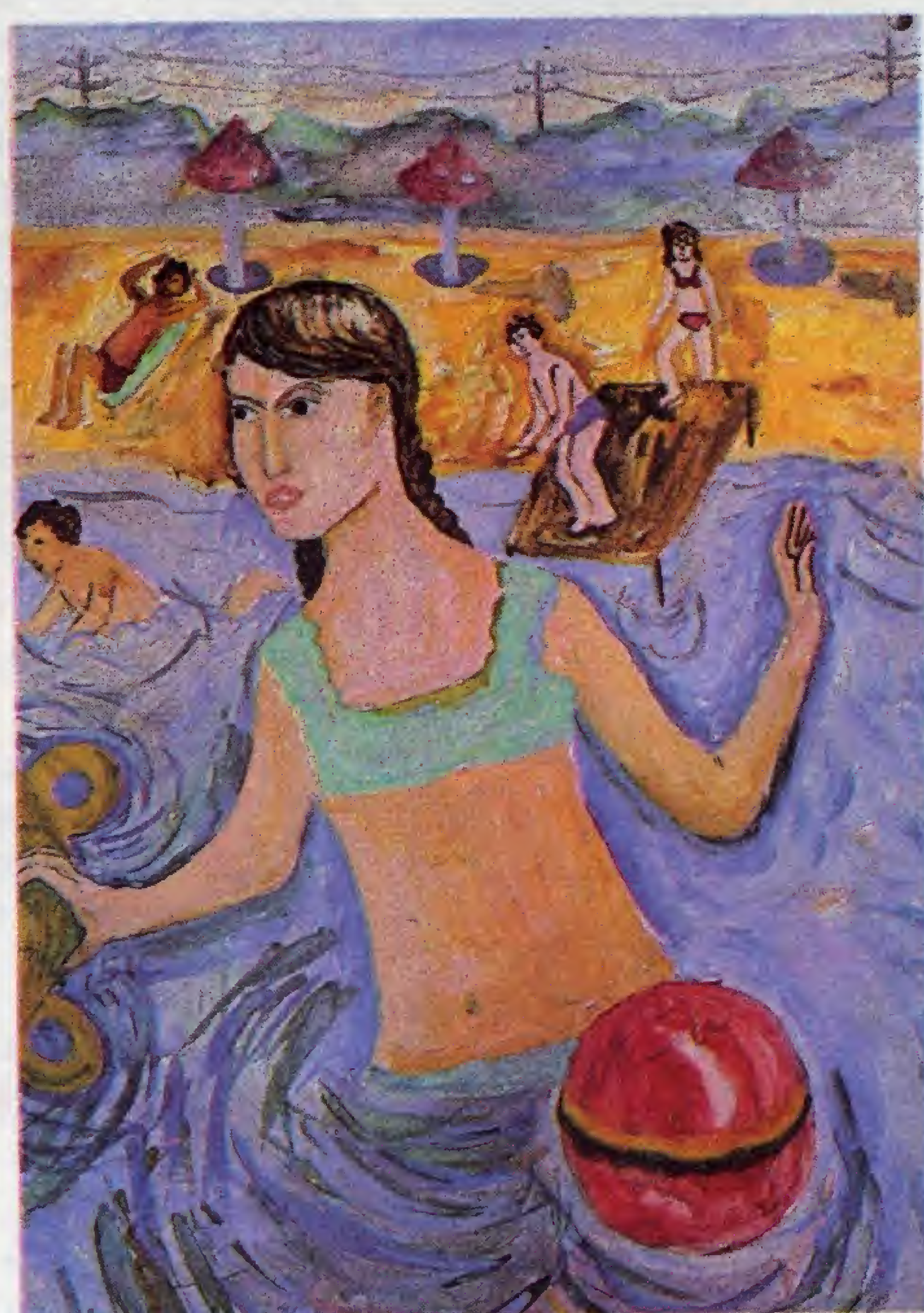
Я уже год пытаюсь писать стихи. Когда я училась во 2-м классе, мы отправляли в Москву бумажных голубей с пожеланиями детей людям мира. На своем голубе я написала:

Всем желаю!

Наслаждаться солнцем,
Небом голубым,
Радугой чудесной
И дождем грибным.

Песни петь веселые,
Звонко хохотать
И друзей хороших
В гости к нам позвать.

Жить нам вместе в мире.
В дружбе, без войны!
Берегите землю
Для детей земли!

«НА РЕЧКЕ» —
работа одиннадцатилетней Лены КУЗНЕЦОВОЙ.

*«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя*

Цена 30 коп. Индекс 70694.